

Министерство образования и науки Российской Федерации

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»**

На правах рукописи

Кузеванов Виктор Сергеевич

**СИБИРСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ В 1930-е – 1950-е гг.:
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОМСКА И НОВОСИБИРСКА)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук,

профессор

Валентина Георгиевна Рыженко

Омск–2015

Содержание

Введение	3
Глава 1. Система политического управления архитектурной сферой в 1930-е – 1950-е годы (идеологический и институциональный аспект).....	53
1.1 Политика в области архитектуры и строительства «сталинской эпохи»	55
1.2 Унификация творческой деятельности советских архитекторов: создание Союза советских архитекторов	68
1.3 Управление архитектурной отраслью в 1930-е – 1950-е гг.: архитектура руководства и руководство архитектурой	80
1.4 Главный городской архитектор: региональное администрирование	87
Глава 2. Сибирские архитекторы в локальной и региональной культуре 1930-х – 1950-х гг.: особенности практической деятельности	102
2.1 Сибирские отделения Союза советских архитекторов: создание и формы деятельности	103
2.2 Производственная деятельность архитекторов Омска в персональном измерении	137
2.3 Производственная деятельность архитекторов Новосибирска в корпоративном измерении	158
Глава 3. Повседневная жизнь и общественная деятельность архитекторов сибирских городов 1930-х - 1950-х гг.	171
3.1 Общая характеристика городского пространства Омска и Новосибирска	172
3.2 Советская повседневность архитекторов Омска и Новосибирска «сталинской эпохи»	196
3.3 Формы общественной деятельности сибирских архитекторов	217
Заключение	228
Список использованных источников и литературы	233

Введение

Актуальность темы. На современном этапе наблюдается устойчивый интерес к истории советской эпохи. 1930–1950-е гг. – это период активной индустриализации и строительства «парадного» советского города. К процессу формирования «соцгорода» были привлечены архитекторы и инженеры. Деятельность архитекторов по формированию городского пространства в исторических реалиях остается малоизученной темой для исторической науки. Наиболее острыми проблемами остаются: реагирование архитекторов на «социальный заказ», взаимоотношения этого отряда интеллигенции с властью, наличие или отсутствие сложившейся корпоративной культуры. Если рассматривать вопрос в социальном контексте, возникают проблемы оценки форм существования общего архитектурного сообщества и истории сибирских отделений Союза советских архитекторов (далее – ССА).

В исторической науке к настоящему времени укрепились новые методы и подходы. Хронологическая дистанция по отношению к советскому периоду нашей истории позволяет более объективно оценить те историко-культурные и социальные процессы, которые в предыдущий период получили политическую или идеологическую нагрузку в научной традиции. Деятельность отдельных отрядов интеллигенции освещалась в соответствии с политическими установками. В отечественной научной литературе первой половины XX века архитекторы фигурируют в качестве привилегированной профессиональной группы. Формирование профессиональной корпорации в региональном масштабе происходит особым образом, оно имеет отличные от столичных процессов черты. В сибирских городах архитекторы были «штучными» специалистами, создавшими в рамках своей территории объединение с особой корпоративной культурой.

Познавательные «повороты» (антропологический, культурологический и т. д.) привели к плюрализму в изучении названного отряда. Однако

сохраняется потребность расширения источниковой базы. На обновление традиционного набора уже указывалось в отечественном интеллигентоведении¹, что пробуждает интерес к поиску новых источников. Архитекторы занимаются проектированием и созданием культурного пространства города, что оставляет отпечаток на специфике деятельности. Архитекторы создают среду для обитания². Важно обратиться не только к результату их профессиональной работы, но и к побочным продуктам, которые могут быть выявлены в ходе изучения повседневной деятельности, т. к. сами архитекторы находятся внутри культуры³.

На постсоветском пространстве в начале XXI в. наблюдается неоднозначное отношение к символам сталинской эпохи. В городах страны начинается восстановление архитектурных памятников данного периода, что повышает интерес к биографиям создателей и истории проектирования. Процессы, происходящие в настоящее время в эстетической сфере и социальной памяти, отражают изменение отношения к памятникам истории и архитектуры, что актуализирует анализ социального значения городских архитектурных символов советской эпохи и биографий их создателей.

Степень изученности избранной темы предлагается представить в виде нескольких проблемных групп с учетом хронологии и специфики обращения к деятельности архитекторов. К первому проблемному блоку отнесены т. н. «отраслевые» исследования по истории архитектуры и градостроительства, что отражает особенности изучения советской культуры. На это первой указала историограф Л.М. Зак⁴.

Авторами являются историки архитектуры и градостроительства. В их трудах, начиная с конца 1950-х гг., деятельность советских архитекторов как

¹ Меметов В.С., Юркин Н.Г. Листая страницы журнала... (основные тенденции современного интеллигентоведения) // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 105–119.

² Борин А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе (на материалах города Сталинска 1929–1941 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 28 с.

³ Букин С.С., Исаев В.И. Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX – начало XXI в. Новосибирск, 2008. 270 с.

⁴ Зак Л.М. История изучения советской культуры в СССР. М.: Высшая школа, 1981. С.106-107

специалистов и профессионального отряда советской интеллигенции представляла в виде осуществленных планировочных решений и доминантных объектов городской среды, символизирующих смену стилей в советской архитектуре. В поле исследований отраслевых историков деятельность архитекторов попала в первую очередь, что определило степень разработанности темы. В этом проблемном блоке выделим три подгруппы: отраслевая история, биографические нормативные исследования и труды по истории социальных институтов и общественных объединений.

В трудах по истории архитектуры и градостроительства находили отражение производственные практики архитекторов. Наиболее полное историографическое описание отраслевой отечественной и иностранной литературы по данному направлению дал Д. Хмельницкий в первых главах своей фундаментальной монографии¹. В его список исследуемых работ попадают узкие специальные труды.

Отраслевые историки В.В. Курбатов², Н.Ф. Гуляницкий³, Б.П. Михайлов⁴, И.В. Шишкова⁵, Н.П. Былинкин⁶, А.В. Рябушин⁷ и др.⁸, опираясь на накопленный опыт истории архитектуры и градостроительства, пытаются найти причину трансформаций городов в исторических процессах. Однако деятельность архитекторов рассматривается в русле истории искусств.

Позже появляются также труды по сибирским городам – это работы Б.И. Оглы⁹, С.Н. Баландина¹. Предшественником этих исследователей

¹ Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль . М., 2007. 376 с., 184 с., ил

² Курбатов В.В. Советская архитектура. 2-е изд., испр. М., 1988. 268 с.: ил.

³ Гуляницкий Н.Ф. Архитектура гражданских и промышленных зданий. В 5 т., Т.1. История архитектуры М., 1978. 255с.

⁴ Михайлов, Б.П. Архитектура гражданских и промышленных зданий. В 2 т. Т.1. М., 1967. 258с.

⁵ Рябушин А.В., Шишкова И.В. Советская архитектура. М., 1984. 216с., ил.;

⁶ История советской архитектуры / ред. Н.П. Былинкина. М., 1985. 250 с.

⁷ История советской архитектуры, 1917–1954 гг. / ред. А.В. Рябушина, Н.П. Былинкина. М., 1985. 256 с.: ил.; Рябушин А.В. Гуманизм советской архитектуры. М., 1986. 376 с.: ил.

⁸ Былинкин Н.П., Калмыкова В.Н., Рябушин А.В., Сергеева Г.В. история советской архитектуры (1917-1954 гг.). М., 1985. 256с.

⁹ Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л., 1980. 272 с.: ил.; Его же. Новосибирск: от прошлого к будущему. Новосибирск, 1991. 120 с.; Его же. Формирование центров крупных городов Сибири.

Градостроительные и социально–культурные аспекты. Новосибирск, 1999. 168 с.: ил.; Его же. Иркутск: О планировке и архитектуре города. Иркутск, 1982. 112 с.

градостроительства сибирских территорий можно назвать В.И. Кочадамова. Историк архитектуры в 1960-х гг. начинал изучать старые русские города на всех этапах формирования². Подчеркнем, что В.И. Кочадамов – автор единственной монографии по истории города Омска сквозь призму «каменной летописи». Особой ценностью обладает его второй раздел по социалистическому этапу реконструкции города Омска, который вобрал в себя актуальную на тот момент информацию по реконструкции города. Принципиальным моментом этих исследований является ориентация авторов на особенность развития сибирских городов, активность участия местных архитекторов в формировании городских пространств, а также определения тех общих архитектурных установок, которые нашли отражение в профессиональной деятельности проектировщиков.

Вторая часть отраслевых исследований хронологически охватывает 1990–2000-е гг. Если определять вектор развития взглядов и подходов в истории архитектуры, то следует отметить, что современные отраслевые исследователи постепенно начинают отказываться от «традиционализма», и можно констатировать, что историки архитектуры стали учитывать социальные и политические контексты. В начале 2000-х гг. появилась возможность обобщить результаты отраслевых исследований для того, чтобы перейти на уровень комплексного анализа политических механизмов управления архитектурной деятельностью 1930–1950-х гг.

Д. Хмельницкий занимается исследованием не институционализации архитектурного сообщества, а творческих и профессиональных исканий в условиях «сталинского управления». Труды Д. Хмельницкого стали важной частью большой историографии. Ему интересно само явление «сталинской

¹Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1893–1945 гг. Новосибирск, 1978. 136 с.: ил.; Его же. Новосибирск: История градостроительства 1945–1985 гг. Новосибирск, 1986. 160 с., ил.: Баландин С.Н., Баландин В.С. Новосибирск: Что остается в наследство?... Новосибирск, 1990. 104 с.

²Кочадамов В.И. Тобольск. Как рос и строился город. Тюмень, 1963. 156 с.; Его же.. Первые русские города Сибири. М., 1978. 190 с.; Его же. Строительство Тюмени XVI—XVIII веков. 1961–1962. Ежегодник. Тюменское управление культуры, Тюменский областной краеведческий музей. Вып. 3. С. 83–106; Кочадамов В.И. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. 1968. № 113. С. 67–74; Кочадамов В.И. Русские поселения в Северной Америке // Архитектурное наследство. 1967. № 16. С. 107–120.

архитектуры», как оно появилось и развивалось. В двух своих монографиях¹ он отстаивает идею, что вся архитектурная система была встроена в общий стержень власти, во главе системы возвышается фигура вождя. Концепция Д. Хмельницкого выстроена на основе той модели, которая была предложена в своей монографии И. Голомштоком²: тоталитарные сообщества создают схожие архитектурные формы и стили, исходя из интересов политической элиты. Такая позиция становится уже нормой для отраслевых историков и имеет своих приверженцев³.

Литературовед, специалист по советской эстетике Ю.Б. Борев занимает противоположную позицию. Его изыскания в литературоведении, истории кино, живописи, скульптуре, приведенные в обобщённом труде⁴, в диахронном разрезе продемонстрировали, что культурное наследие воспринималось по-разному на каждом этапе трансформаций «соцреализма». Для творческого пространства и деятельности писателей, художников, кинематографистов, архитекторов государство создало рамки, в которых приходилось работать, создавать новые произведения. В зависимости от конъюнктуры, Художник выбирал способы реализации единого метода «соцреализма». Сам метод работы, предписанный советским писателям, стал основным для представителей всех видов искусства, в том числе и архитектуры. За весь период существования СССР этот метод воспринимался как единственно возможный и «верный», но «правдивость» его виделась на разных этапах развития по-разному, т. к. Художник находился в разных социальных условиях: «сам социалистический реализм был настоящей национальной драмой переживания утопии как жизненной возможности»⁵.

Своеобразный поворот в сторону «социологии архитектуры» осуществил С.О. Хан-Магомедов, проводя изыскания творчества

¹ Кроме названной: Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. М., 2007. 304 с.

² Голомшток И. Тоталитарное искусство. М., 1994. 296 с.: ил.

³ См., напр.: Николаева Ж.В. Архитектура в сознании тоталитарной эпохи: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2006. 137 с.; Иванов С.Г. Реакционная культура: от Авангарда к Большому стилю. СПб., 2011. 434 с.

⁴ Борев Ю.Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. М., 2008. 478 с.: ил.

⁵ Борев Ю.Б. Указ. соч. С. 11.

архитекторов «Советского авангарда». Однако его исследования в «постсоветское время» ознаменовали новый этап отраслевых исследований архитекторов, отталкиваясь не от «естественной смены» стилистических предпочтений, а от «социально-политических идеалов»¹. В своих работах С.О. Хан-Магомедов поднял ряд вопросов, связанных с социальной и профессиональной принадлежностью автора архитектурного объекта. На примере советского авангарда, начиная с публикаций 1960-х гг. в журнале «Вопросы теории архитектуры»² и заканчивая современными монографиями о советских архитекторах и о течениях в архитектуре 1920–1930-х гг.³, автор рассматривает методы и приемы архитекторов, их социальную значимость, положение в среде творческой интеллигенции. основополагающие тезисы он развернул в двухтомной монографии «Архитектура советского авангарда»⁴. Архитекторы не только реализаторы идей властных структур, т. к. их творчество также можно воспринимать как проявление социальных условий существования культуры. «Преобразование советского архитектурного авангарда в первой половине 1930-х гг. сначала в постконструктивизм, а затем в неоакадемическую стилизацию («Сталинский ампи́р») происходило на фоне совершавшихся в стране изменений социально-политических идеалов»⁵. Надо согласиться с оценкой Д.С. Хмельницкого по поводу трудов С.О. Хан-Магомедова, что главный недостаток перед комплексным исследованием «при описании процесса он даже не упоминает о таком серьезном историческом факторе, как партийное руководство культурой»⁶. «Сталинская архитектура» в представлении Хан-Магомедова должна изучаться как совокупность основных архитектурных школ под

¹ Хан-Магомедов С.О. «Сталинский ампи́р». Проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи. Опыты исторического осмысления. М., 2010. С.10-24

² Одна из фундаментальных работ в тезисном варианте представлена в статье: Хан-Магомедов С.О. Стиль и художественные проблемы архитектуры // Вопросы теории архитектуры. 1960. № 6. С. 44–56.

³ Это логическое продолжение серии «Мастера архитектуры» на современном этапе. Серия книг, посвященных архитекторам советского авангарда, получила название «Творцы Авангарда».

⁴ Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 т. Т. 1. М. 1996. Т. 2. М., 2001. 436 с.

⁵ Хан-Магомедов С.О. «Сталинский ампи́р». Проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи. Опыты исторического осмысления. М., 2010. С. 10–24.

⁶ Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007. С. 21.

руководством мастеров-лидеров. Эта идея, прозвучавшая на уровне тезиса в докладе С.О. Хан-Магомедова на конференции «Сталинский ампи́р»¹, принципиального воплощения в виде самостоятельной работы не получила.

Одним из сторонников либерального подхода к советской истории архитектуры можно назвать академика архитектуры А.В. Иконникова. Он выстраивает общую эволюцию стилей, где архитектор пользуется стилем как инструментом. Черета архитектурных стилей, которые складываются под влиянием социокультурных факторов, заставляет архитекторов работать в подчинении утопии², историзму³ или реалиям⁴. Оформление города определенной эпохи – это результат работы многих архитекторов⁵. Явление «сталинской архитектуры» – само по себе часть общемирового увлечения неоклассицизмом. Однако западные исследователи склонны полагать, что такая архитектура – это сугубо внутреннее явление⁶. Прибегая к масштабным изучением истории архитектуры, А.В. Иконников не берет во внимание культурную структуру исторического отрезка, что приводит исследование к описанию мировоззрений архитектора с отрывом от историко-культурной ситуации.

Принципиально другим взглядом обладает культуролог, историк архитектуры В. Паперный. Его диссертация была написана в СССР в 1980-е гг., но монография⁷ вышла уже в США, куда автор был вынужден эмигрировать. Первое российское издание⁸ состоялось только в середине 1990-х гг. Этот труд стал неотъемлемой частью библиографии и историографии каждого фундаментального труда по деятельности

¹ Хан–Магомедов С.О. Сталинский ампи́р. Проблемы, течения, мастера // Academia. Архитектура и строительство. 2008. № 1. С. 25–35.

² Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура. М., 2004. 400 с.

³ Иконников А.В. Историзм в архитектуре. М., 1997. 559 с.

⁴ Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. М., 2001.

⁵ Иконников А.В. Искусство, среда, время. Эстетическая организация городского пространства. М., 1999.

⁶ Curtis W.I.R. Modern architecture since 1900. New York, 2001. 561 p.; Hendrick T.W. The modern architecture model. London: The Architectural Press, 1957. 144 p.; ГройсБ. Gesamtkunstwerk Сталин. М., 2013. 168 с.

⁷ Paperny V. Architecture in the Age of Stalin. Culture two. Ann Arbor, 1985.

⁸ Паперный В. Культура Два. М., 1996.

архитектора XX века¹. Необходимо подчеркнуть, что многие термины, впервые введенные в этой книге, теперь самостоятельно существуют в современной науке.

Паперный отталкивается от концепций авангарда, выстраивает структуру «сталинской культуры». Культура 1 и 2 – два противоположных феномена по своему содержанию и структуре. Два состояния культуры поочередно сменяют друг друга. Условно можно назвать хронологические рамки: Культура 1 – 1920-е гг. (время советского авангарда); Культура 2 – 1930–1950-е гг. («сталинская» эпоха), а если следовать дальнейшей логике, то цикл впоследствии продолжается. Автор находит их проявление в разных исторических эпохах, но неизменно ведет логику на основном материале. Паперный, по образованию архитектор, заинтересовавшись в 1980-х гг. семиотикой и культурологией², пришел к бинарным оппозициям через архитектуру. Культурологи довольно успешно усвоили эту схему, т. к. во многом она основывается на методах структурализма и семиотики.

В. Паперный предпринимает попытку описать принципы архитектурной культуры 1930–1950-х гг., это ему позволяет раскрыть «сталинскую культуру». Создание архитектурских группировок, объединение в единый Союз архитекторов, усиление властного влияния приводят к созданию особенностей «советского архитектурного сообщества».

Второй фланг отраслевых исследований представляют труды по биографии архитекторов. Биографические исследования дают возможность ознакомиться не только с профессиональной, но и социально-культурной составляющей творчества архитекторов. Биография архитекторов имеет

¹ Иовлева Е.В. Своеобразие архитектуры неоклассицизма в Свердловске // Архитектон: известия вузов. 2004. № 8. 2004 URL: http://archvuz.ru/2004_3/1 (дата обращения: 29.11.2010); Янушкина Ю.В. Особенности архитектурного формообразования в Сталинграде в историко–культурном контексте 1930–1950–х гг.: автореф. дис. ... канд. архитектуры. Волгоград, 2009; Селиванова А.Н. Творческие поиски в теории и практике советской архитектуры 1930–х годов: автореф. дис. ... канд. архитектуры. Москва, 2009; Ибрагимов И.А. Формирование архитектуры христианства и ислама как выражение понятия системы координат в визуально–ориентационно–смысловом пространстве // Архитектон: известия вузов. 2009. № 26. URL: http://archvuz.ru/2009_2/6 (дата обращения: 29.11.2010).

² См.: Багрова Н.В. Наследие архитектуры авангарда в критических концепциях XX века. Новосибирск, 2010. 126 с.; Назарова М.П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен: автореф. дис. ... филос. н. Волгоград, 2013. 49с.; Щеголева А.В. Взаимодействие культур в пространстве города. Автореф. ... к. культ. Саранск, 2011. 28с.

особое значение в исследовании общей социальной истории и истории архитектуры в частности. Традиционно биография и творческая деятельность известных архитекторов широко изучалась. Первые издания о советских архитекторах 1930–1950-х гг. появились практически сразу после установления советской системы архитектурного управления. Публиковались в основном биографии признанных архитекторов. Архитекторы эпохи авангарда были под запретом. Особым событием стало издание книги, посвященной крупнейшему архитектору И. Фомину, авторами которой являлись его преемники¹. Эта книга стала первой в серии изданий «Мастера советской архитектуры». После «естественного»² снятия запрета вышел двухтомный сборник³ «Мастера советской архитектуры об архитектуре»⁴. Перед разделом каждого архитектора или антологией его избранных трудов, статей и выступлений размещалась биографическая справка. Как справедливо заметил Д. Хмельницкий, имена архитекторов были выстроены «случайным способом», т. к. архитекторы-авангардисты и архитекторы-неоклассики находились в одном списке.

В 1968 г. книжная серия «Мастера архитектуры» переживает второе рождение. В новом формате начали выходить издания, посвященные советским и иностранным архитекторам. За весь период (с 1968 по 1990 г.) было выпущено 33 книги, но не было ни одной, посвященной сибирским архитекторам. В 1970-х гг. появилась серия книг «Народные архитекторы СССР», посвященная архитекторам разных регионов и республик, в творчестве которых отразились локальные и национальные особенности, но реализовать эту задачу в полном объеме авторам не удалось.

¹ Минкус М., Пекарева Н.И. А. Фомин. М., 1953. 314 с.

² Официального признания эпохи конструктивизма в отраслевой истории не произошло, но в исследованиях 1960–х гг. существенно цензуре не подвергались.

³ Также был выпущен однотомник «Мастера архитектуры об архитектуре», который включал в себя труды видных иностранных архитекторов XX века: О. Вагнер, Э. Сааринен, О. Перре, Ле Корбюзье, Ф.Л. Райт, В. Гропиус, А. Аалто, О. Нимейер, К. Танке и др. См.: Мастера архитектуры об архитектуре / сост. и ред. А.В. Иконникова. М., 1971.

⁴ Мастера советской архитектуры об архитектуре: в 2 т. М., 1975.

Логичным продолжением на современном этапе развития научной мысли стали книжные серии «Творцы авангарда» и «Кумиры авангарда».

Первые попытки исследовать деятельность советских архитекторов сводились в основном к повествованию о жизни и творчестве архитектора или к истории проектирования и строительства значимых зданий и сооружений.

В эту подгруппу следует выделить региональные исследования, посвященные сибирским архитекторам 1930–1950-х гг.: С.Н. Баландину¹, И.В. Невзгодину², М.Р. Колпаковой, Г.Н. Туманику³, С.С. Духанову⁴, И.В. Поповскому⁵, А.Ю. Ложкину⁶, Е.В. Хиценко⁷. Биография сибирских архитекторов слабо освещена, в отличие от биографии московских и ленинградских архитекторов. Одним из крупнейших архитекторов рассматриваемого периода является А.Д. Крячков. Его профессиональный

¹ Баландин С.Н. Сибирский архитектор. Документальный очерк. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. 160 с., ил.; Баландин С.Н. Архитектор А.Д. Крячков (К 100-летию со дня рождения) // Сибирские огни. №11. 1976. С.180-188.

² Невзгодин И.В. Архитектура Новосибирска. Архитектура Новосибирска: Первые крупные каменные здания, революционный романтизм, рационализм, функционализм, конструктивизм, архитектура переходного периода, хрущевский модернизм и интернациональный стиль эпохи застоя. Новосибирск, 2005. 204 с.: ил.; Его же. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. Новосибирск, 2013. 320с.

³ Колпакова М., Туманик Г. Новосибирск: город в 2000 году. Новосибирск, 1989г. 111 с., ил.

⁴ Духанов С.С. Архитектура рабочих клубов и дворцов культуры города Новосибирск 1920-первой половины 1950-х гг. Дис. ... к. архит. Новосибирск, 2006. 280с.; Его же. Влияние региональных условий в градостроительстве Западной Сибири первой пятилетки // Архитектон: Известия вузов. №45. 2014. [Режим доступа] http://archvuz.ru/2014_1/10 (дата обращения 02.05.2014г.); Его же. Массовые культурно-зрелищные сооружения нового типа и градостроительные проблемы Новосибирска конца 1920-х начала 1930-х гг. // Региональные архитектурно-художественные школы: сборник статей. Новосибирск, 2012. С. 2012-217; Его же. Формотворческий проект синтетического театра новосибирского Дома науки и культуры (арх. А.З. Гринберг, 1931г.) в ряду конструктивистских аналогов // Пути совершенствования архитектурно-художественного образования в Сибири: Всероссийская научно-практическая конференция. Новосибирск, 2004. С.131-133.; Его же. Новосибирский Дом науки и культуры (ДНК) – как поле борьбы творческих концепций двух ведущих школ советской архитектуры – АСНОВА-АРУ (арх. А.З. Гринберг, 1933г.) и «школы И.В. Жолтовский» // Пути совершенствования архитектурно-художественного образования в Сибири: Всероссийская научно-практическая конференция. Новосибирск, 2004. С.133-137.

⁵ Поповский И.В. Проблемы ментальности горожан в отношении к историко-культурному наследию // Баландинские чтения: сборник статей VII научных чтений памяти С.Н. Баландина, Новосибирск, 18-20 апреля 2012г. Новосибирск, 2013. С. 55-66.; Поповский И.В. Памяти неутвержденных генпланов // Arch-i-tect. 23 ноября 2012 [Режим доступа] <http://arch-i-tect.ru/i-v-popovskiy-pamyati-neutverzhdennyih-genplanov/#ixzz30ppNJGhk> (дата обращения 27.01.2014г.); Его же. Мосты из прошлого в будущее // Проект Сибирь. 1999. №3. [Режим доступа] <http://www.prosib.info/stat.php?tab=tema&id=70> (дата обращения 20.01.2014г.)

⁶ Ложкин А.Ю. Оперный. Проектирование //Проект Сибирь. 2005. №22. С. 4-13.; Его же Оперный. Строительство //Проект Сибирь. 2005. №22. С. 14-31.

⁷ Хиценко Е.В. Развитие жилой застройки городов Западной Сибири в послевоенное десятилетие // Архитектон: Известия вузов. 2013. №43. [Режим доступа] http://archvuz.ru/2013_3/15. (дата обращения 20.01.2014)

путь начался ещё в дореволюционный период. Видный историк архитектуры С.Н. Баландин неоднократно обращался к этой фигуре¹. Архитектор работал над проектами для многих городов Сибири, поэтому С.Н. Баландин назвал его «сибирским архитектором»². Следом за Баландиным отраслевой историк А.П. Долнаков удостоивает еще одного архитектора этим статусом – Е.А. Ащепкова³. Эта работа вызывает интерес у историков культуры и интеллигенции. В.Г. Рыженко обращается к биографии Е. Ащепкова, реконструируя исторические процессы, происходящие в научной среде⁴. Таким образом, в отраслевой истории Сибири появляются труды, выполненные в русле персональной истории. Такие работы раскрывают отраслевую историю через деятельность исторической личности, указывая на особенности профессиональной деятельности.

Однако стоит отметить, что конечная цель всех этих исследований – описать историю архитектуры как вида искусства.

Подходы, представленные в указанных работах, традиционны для историко-архитектурных и искусствоведческих исследований. С учетом всех отличительных черт необходимо подчеркнуть, что авторы работают в русле истории архитектуры как вида искусства со свойственной эволюцией стилей и чередой «больших форм». К положительным моментам можно отнести появление региональных исследований городской среды.

Третья подгруппа – исследования социальных институтов – сформировалась не так давно. Следует отметить, что искусствоведы подходили к изучению социнститутов, но наибольший интерес для нашей работы представляют труды Ю.Л. Косенковой. Она изучает процесс изменения идейно-политической атмосферы в 1940-е гг. с опорой на

¹ Баландин С.Н. Сибирский архитектор. Документальный очерк. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. 160 с., ил.; Баландин С.Н. Архитектор А.Д. Крячков (К 100-летию со дня рождения) // Сибирские огни. №11. 1976. С.180-188.

² Баландин С.Н., Ваганова О.П. Сибирский архитектор А.Д. Крячков. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. 54 с., ил.

³ Долнаков А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. Новосибирск, 1992.

⁴ Рыженко В.Г. Историк – человек своего времени: ценностные установки сибирских историков в первое послевоенное десятилетие // Исторический ежегодник. Вып. 1: Отечественная история. 2008. С. 43-56

архивные данные, который приводит к формированию архитекторов-администраторов. Одним из таких «архитектурных чиновников» становится главный архитектор города, чей институт (отдел) должен был претворять в жизнь политические решения партии и госаппарата. Автор подробно изучает задачи, которые ставили руководители архитектурных ведомств и правлений Союза советских архитекторов, сопровождая их отсылками к документам Российского государственного архива экономики¹. Подобные тенденции просматривались в трудах В. Хазановой² и Е. Кириченко³, но наибольшую реализацию этот подход получил в трудах Ю.Л. Косенковой.

На современном этапе можно констатировать, что эта подгруппа только формируется в отраслевой истории. Отраслевые историки занимаются изучением динамики Союза советских архитекторов (к примеру, Т. Самохина⁴, А.В. Щеглова⁵), Правления либо его политики. Сегодня наблюдается устойчивый интерес к истории местных отделений⁶ (О.В. Орельская⁷, И.А. Ворошилова). В изучении социальных институтов архитекторов может быть найдена точка соприкосновения интересов социальных историков культуры и отраслевых исследователей.

Второй проблемный блок объединяет в себе исследования, посвященные непосредственно профессиональной деятельности архитектора с учетом социально-исторической ситуации. В начале XXI века появились первые научные работы историков, посвященные деятельности архитекторов

¹ Многие документы были включены в приложение к монографии. Во втором издании книги были добавлены архивные документы по застройке городов страны: Косенкова Ю.Л. Советский город 1940–х – первой половины 1950–х годов. От творческих поисков к практике строительства. Изд. 2–е, доп. М., 2009. 440 с., цв. вкл.

² Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М., 1970. 214 с.: ил.; Она же. Клубная жизнь и архитектура клуба 1917–1941. М., 2000. 160 с.: ил.

³ Кириченко Е.И. Запечатленная история России: В 2 кн. М., 2001.

⁴ Самохина Т. Из истории формирования творческого Союза зодчих // Архитектор: Интернет–издание Союза московских архитекторов [Режим доступа] <http://www.archinfo.ru/publications/item/78/> (дата обращения: 21.09.2008)

⁵ Щеглова А.В. Очерки по истории Союза архитекторов России. М., 2004. 226 с.

⁶ См. напр.: Поповский И.В. Архитектура Новосибирска. К 70–летию образования Новосибирского Союза Архитекторов России. Новосибирск, 2004. С.3.

⁷ Орельская О.В. Летопись истории Нижегородского отделения Союза архитекторов России (1933–2013). Хроника событий. Нижний Новгород, 2013. 160 с. ил.; Ворошилова И.А. К вопросу о создании Новосибирского отделения Союза советских архитекторов // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск, 2014 Т.9. Ч.2. С.74–78.

и проектировщиков в профессиональной сфере. В 2000 г. в г. Казань была защищена диссертация по направлению «Отечественная история». Л.М. Муртазина успешно реализует поставленные задачи на примере архитектурного сообщества Казанской губернии рубежа веков¹. Основным методологическим инструментом для автора является проблемно-исторический анализ. Казанский историк рассматривает профессиональную группу архитекторов в структурном плане, профессиональную деятельность во всех вариантах и некоторые формы общественной деятельности. Серьезным заявлением автора является включение в четвертый блок источников архитектурных проектов. Несмотря на то, что автор заявляет: «группы источников в источниковедческом отношении хорошо изучены»², – это вызывает сомнение. В самой работе автор не воспринимает проект как исторический источник, возможно, как «очередной» документ с изображением здания (подобно фотографии). Для такого уникального источника необходим особый принцип работы.

Общую концепцию автор сводит к тому, что архитектурное сообщество – это социальная группа, обладающая техническими знаниями, которые оказываются экономически полезными для соответствующих социальных слоев населения губернии. Если рассматривать эту работу в проекции, то можно увидеть, что взгляды Муртазиной сходятся со взглядами И.С. Николаева, высказанными в его работе³. И. Николаев предпринимает попытку рассмотреть значение самой профессии архитектора в хронологическом разрезе, но также, как и казанский историк, не рассматривает советский период. Однако при всех недостатках работа Л.М. Муртазиной – это компромисс между отраслевыми интересами и социально-историческими.

При изучении профессионального сообщества советских архитекторов

¹Муртазина Л.М. Профессиональная и общественная деятельность архитекторов казанской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 23 с.

²Там же. С. 6.

³Николаев И.С. Профессия архитектора. М., 1984. 384 с.: ил.

необходимо учитывать ряд факторов, которые могут проявиться только при изменении парадигмы. Советские архитекторы, занимающиеся выполнением социального заказа, должны корректировать свою деятельность в рамках заявленного политического курса. Однако архитектор, находясь в определенных социальных условиях, также может стать участником формирования новой культуры быта. С таких позиций дает свою оценку иркутский историк М.Г. Меерович. Он внес существенный вклад в развитие этого направления. Только на 2011 г. число его статей превысило 340, а монографий – более 15. Большая часть этих работ посвящена жилищной проблеме и политике расселения. В нашем исследовании важны его публикации, не только связанные с расселением¹, но и те, что освещают специфику самого архитектурного производства и творчества архитекторов. Архитектор в политике страны выполняет важную роль – создает блага и условия для проживания граждан². В то же время автор неоднократно подчеркивал, что его исследования касаются только столичной практики и отчасти Европейской части страны, а местные и региональные особенности не входят в круг его интересов. Следует подчеркнуть, что Меерович известен как историк архитектуры и как социальный историк. Он расширяет проблемное поле социальной истории за счет проблемных вопросов, которые не могут быть решены в историко-архитектурном исследовании. Отказ от историко-архитектурных штампов и изучения архитектурных форм выводит автора на изучение роли архитектора в политико-социальном поле. Историк

¹ Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально–культурный и социально–организационный аспекты). Иркутск, 2004. 272 с.; Его же. Социалистическое расселение: теория и практика // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков / под ред. Е.В. Коньшевой, С.А. Баканова, Л.В. Никитина. Челябинск, 2008. 409 с.: ил.; Его же Административно–хозяйственное районирование страны в 1920–1930–х годах – основа градостроительной политики советского государства) // Советское градостроительство 1920–1930–х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М., 2010. С. 8–28.

² Меерович М.Г. Социально–культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941): Дис. ... д–ра ист. наук. Иркутск, 2004. 659 с.; Его же. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М., 2008. 303 с.; Его же. Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. Stuttgart, 2005. 138 с.; Его же. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930–е гг. // Советская социальная политика 1920–1930–х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 84–117.

полагает, что можно составить комплексную «биографию профессии» советского архитектора¹, опираясь на те цели, которые ставил политический аппарат страны.

В 2010 г. вышел сборник статей конференции «Сталинский ампи́р»². На страницах этого сборника были представлены труды ведущих ученых, занимающихся этой областью знаний: историков, искусствоведов, специалистов по истории советской архитектуры. Кроме упомянутого М.Г. Мееровича, в этот сборник включена статья Г.Н. Яковлевой, которая дает анализ тектонических сдвигов 1920–1930-х гг., когда формируется непосредственно «советский архитектор»: «архитектор должен был превратиться в медиума имперсональной идеологии, обслуживающего этот сверхмасштабный порядок истории и природы»³. Яковлева определяет место архитектора во всей системе исходя из его социального значения, а не из политических взглядов политиков, т. е. это идеологический, а не политический рычаг влияния.

В этом видится движение к сотрудничеству отраслевых историков и историков культуры и системному изучению деятельности архитекторов в советский период.

Опираясь на накопленный опыт, можно отметить, что на современном этапе развития отраслевых исследований по первым работам по социальной истории архитекторов можно с определенной долей объективности охарактеризовать производственную и творческую деятельность архитекторов «сталинской эпохи».

¹ Меерович М.Г. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР 1917–1941 гг. Иркутск, 2002. 211 с.; Его же. Биография профессии. Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании. 1917–1941 гг. Иркутск, 2003. 217 с.; Меерович М.Г., Хмельницкий Д.С. Иностранцы архитекторы в России (исторические зарисовки о роли зарубежных архитекторов в советской архитектуре) // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2005. № 3 (23). Т. 2. С. 54–61; Меерович М.Г., Хмельницкий Д.С. Иностранцы архитекторы в России // Проектирование и строительство в Сибири. 2004. № 6 (24). С. 55–58.

² Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М., 2010. 496 с.

³ Яковлева Г.Н. творчество советских архитекторов предвоенного времени и власть // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М., 2010. С. 25–30.

Выявленные вопросы этого проблемного блока показывают, что возможно сотрудничество между отраслевыми историками и социальными историками культуры в достижении комплексного изучения профессиональной деятельности, но призывы не поддерживаются инициативой. В последнее время появляются отдельные статьи молодых историков¹, которые изучают не столько эстетическую составляющую, сколько идеологическую и политическую.

Особенностью этого блока также можно назвать акцентирование внимания указанных исследователей на встроенность архитектора в систему власти. Таким образом, профессиональная деятельность архитектора предстает как прямой отклик на заказ власти и лишается самостоятельного творческого содержания.

В третий блок входят работы по социальной истории интеллигенции. Следует обозначить, что особенности изучения деятельности советской интеллигенции, в том числе сибирской, достаточно полно представлены в историографии². Мы учитываем, что в советской историографии с 1980-х гг. стал преобладать историко-социологический подход в сочетании с культурно-деятельностным. Уделялось внимание количественным и социальным характеристикам отдельных отрядов интеллигенции. Однако как самостоятельный отряд архитекторы не рассматривались, а упоминались в общем составе инженерно-технической интеллигенции. Кроме того, преимущественно изучалась советская интеллигенция либо 1920-х гг., либо 1950–1960-х гг. Такое положение было характерно и для сибирской историографии вплоть до середины 1990-х гг.

Использование принципов изучения архитекторов как представителей технической интеллигенции обрекает исследование на односторонность.

¹Бирюков А.Д. Создание системы внепроизводственного регулирования творчества советских архитекторов в 1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С.161–164; Ильченко М.С. Советские архитекторы и институты власти в 1930–1950-х годах: становление взаимодействия // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 2 (22). С. 87–96

²Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920–е годы: Вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003. С. 76–103.

Архитектурная профессиональная практика не ограничивается техническими и инженерными расчетами. Наряду с вычислительной работой и составлением проектно-сметной документации архитектор подготавливает пакет проектно-графической документации, что требует немалых творческих усилий, поэтому некорректно относить его только к технической или художественной интеллигенции. В связи с этим возникла необходимость выделения архитекторов и проектировщиков из технического отряда интеллигенции. Впервые это отмечено в работах В.Г. Рыженко¹. Омский историк предпринимает попытку сконструировать авторскую модель «Интеллигенция–Культура–Город», где интеллигенция рассматривается сквозь призму проектов стратегии и функций развития городов Сибири: «социальная направленность деятельности инженеров и архитекторов, естественно, будет присутствовать и в наших рассуждениях как части этих откликов – проектов, стратегических представлений тактических действий инженерно-технической и научно-технической интеллигенции, относящихся к перспективам и проблемам четырех выбранных нами городов-центров Сибири 1920-х гг.»².

Благодаря тому, что В.Г. Рыженко выделила основные признаки современных исследований отечественной интеллигенции³, отпала необходимость в детальной историографии по советской интеллигенции.

Анализ основных исследовательских подходов в области интеллигентоведения показывает, что отряд инженерно-технической интеллигенции, задействованный в благоустройстве города, остается малоизученным. Как отмечает автор, ее проблемная область находится на границе «социальной истории культуры и интеллигенции с интеллектуальной историей»⁴. Подчеркнем, что В.Г. Рыженко в своей работе провела глубокий анализ наиболее значимых работ по истории

¹ Рыженко В.Г. Указ. соч.

² Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920–е годы ... С.165.

³ Там же. С. 23–103.

⁴ Там же. С. 164.

интеллигенции и заметила «заикленность» исследователей в этой области знаний: « ... наблюдаются регулярные дискуссии по двум основным вопросам: о содержании понятия "интеллигенция" <...> и о роли интеллигенции»¹. Автор призывает к исключению стереотипности мышления историка, т. к. в 1990-е гг. наметились иные возможные векторы развития интеллигентоведения. В связи с этим автор сосредотачивает внимание «на творческих усилиях и поисках представителей интеллигенции, их соотношении с научно-технической мыслью своего времени, степенью их профессиональной компетенции»², а не на более распространенной проблеме «взаимодействия Власти и Художника». В продолжение этой модели можно предположить, что результат деятельности такого отряда может оцениваться как с позиций политического руководства и идеологических догм, так и с позиции сугубо профессиональной доктрины. Важно понять не только социальную функцию определенного отряда, но и роль, которую ему отводит власть, и как все это укладывается на историческом отрезке.

Также исследования, близкие к предмету данной работы по территориальному и хронологическим признакам, проводит омский историк С.Г. Сизов³. Автор изучает художественную и культурно-просветительскую интеллигенцию в период проведения идеологических кампаний, а также органы власти, которые оказывали влияние и идеализацию жизни интеллигенции. В круг изучаемой С.Г. Сизовым интеллигенции не входят архитекторы, но его вывод по поводу политического контроля может быть актуален для технической интеллигенции: «<...> партийные организации Западной Сибири создали широко разветвленный аппарат пропаганды, объединявший огромные культурные силы, улучшили формы и методы руководства им»⁴. Интеллигенция, согласно его результатам, становилась тем

¹ Там же. С. 80.

² Там же.

³ Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири). В 2 ч. Омск, 2001.

⁴ Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири). Омск, 2001. Ч.1 «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). С.132-133.

источником влияния на умонастроения населения в период активного политического давления и в условиях репрессий.

Омский историк отталкивается от курса партии, который создает поле, где политикой можно было скорректировать профессиональную деятельность интеллигенции: «партийные органы заботились о развитии и усилении кадрового потенциала учреждений образования, культуры и культурного просвещения, но при этом жестко определяли основные направления их деятельности»¹. Такие взаимоотношения были разнонаправленными: партия должна получить контроль, а интеллигенция – возможность решения проблем. В таком разрезе остается невыясненным, каким образом сама интеллигенция воспринимала политический курс. Внешняя реакция на политический курс становится понятной, но возникает ряд вопросов: как само профессиональное сообщество воспринимало эту политику, как интеллигенция применяла ту «политическую кальку», которую «спускала» партия. Необходим был своеобразный идеологический фильтр, чтоб в процессе интерпретации политических установок профессиональное сообщество не отклонилось от заданного курса. Предположительно, в процессе создания соответствующих социальных институтов власть формировала мировоззрение у интеллигенции с целью дальнейшего влияния и управления. Пермский историк Г.А. Янковская, также занимаясь изучением представителей художественной интеллигенции в годы «сталинизма», использует институциональный подход. Она рассуждает о социальном институте: «институциональную систему искусства образуют стратегии поведения или "правила игры", а также специфичный для этой системы состав и расстановка "игроков", в той или иной степени вовлеченных в художественную жизнь»². Это справедливо и для технической сферы – как архитекторы становились частью административной структуры и как они

¹Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946 –1964 гг. (на материалах Западной Сибири). Омск, 2001. Ч.2 «Оттепель» (март 1953 –1964 гг.)..С.196..

² Янковская Г.А. Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты: дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2007. С. 13.

определяли свои функции и задачи в этой системе. Важно зафиксировать эти два вектора – внешний («властный») и внутренний («рефлекторный»).

Необходимо заметить, что архитекторы как часть технической интеллигенции в современных исследованиях по интеллигентоведению не рассматриваются.

Анализ литературы показывает, что на современном этапе не существует универсальной модели изучения отрядов интеллигенции. В ходе работы выявлен массив отраслевых исследований, который возможно использовать при выработке основных способов изучения особого отряда технической интеллигенции и реконструировать профессиональную среду архитекторов 1930–1950-х гг. Биография и профессиональная деятельность новосибирских и омских архитекторов может стать предметом для исследования этого подотряда интеллигенции. Однако стоит еще раз отметить, что отраслевые историки уже проделали работу по изучению биографии архитекторов¹. Подчеркнем, что отраслевая литература также обладает источниковой ценностью.

Четвертый проблемный блок – исследования по повседневности «сталинского времени». В поиске «второго мира» (такой термин предлагал М.М. Бахтин)² интеллигенции могут быть полезны работы, напрямую не изучающие техническую интеллигенцию³, но связанные с историей деятельности творческой интеллигенции и ее отношений с властью. В.А. Антипина в своей диссертационной работе обозначает предмет исследования как «деятельность общественных организаций по обеспечению условий

¹Баландин С.Н. Сибирский архитектор. Документальный очерк. Новосибирск: Новосибир. книжн. изд-во, 1991. 160 с.: ил.; Его же. Архитектор А.Д. Крячков (К 100-летию со дня рождения) // Сибирские огни. 1976. № 11. С. 180–188; Баландин С.Н., Ваганова О.П. Сибирский архитектор А.Д. Крячков. Новосибирск: Запад.-Сибир. книж. изд-во, 1973. 54 с.: ил.; Долнаков А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. Новосибирск, 1992; Пивкин В.М. Новосибирские академики. Очерки об архитекторах Т.Я. Бардте, В.М. Тейтеле и К.Е. Осипове. Новосибирск, 2001. 95 с.

² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. Художественная литература, 1990. 543 с.

³ Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950–е–первой половины 1980–х годов (на материалах г. Куйбышева и Куйбышевской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. 25 с.

повседневной жизни и творчества литераторов»¹. Найти входы в повседневную жизнь через институцию – довольно необычный поворот в специальном изучении интеллигенции «сталинской эпохи». Результаты своих поисков автор опубликовала в отдельной монографии, посвященной повседневной жизни писателей². Этот опыт может быть полезным, т. к. в Союзе советских архитекторов был создан «архитектурный фонд», который занимался именно улучшением материально-технического обеспечения членов союза.

Масштабным исследованием можно назвать работы Ш. Фицпатрик (Чикагский университет, США), т. к. в центре ее внимания оказывается «обычное» и «обыденное» мироустройство людей, живших в период «сталинизма». Ученый даже использует специальное обозначение социального типа «homosoveticus», который выявляется в городской³ и деревенской среде⁴. Работы американской исследовательницы стали неотъемлемой частью историографии для молодых исследователей⁵.

За последние годы ученые разных научных профилей все чаще обращаются к повседневной жизни города в «сталинскую эпоху». В сборнике статей «История сталинизма: итоги и проблемы изучения»⁶ был затронут широкий круг проблем: от самого явления «сталинская повседневность» до восприятия ее в массовом сознании современников. Издательство «Российская политическая энциклопедия» при поддержке Фонда первого президента Б.Н. Ельцина основало книжную серию «История сталинизма». В рамках этого научно-издательского проекта было выпущено более 140

¹ Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей в 1930–х – начале 1950–х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С.4.

² Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей 1930–1950–е годы. М., 2005. 407 с.

³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30–е годы: город. М., 2008.

⁴ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30–е годы: деревня. М., 2008. 422 с.

⁵ См.: Сталинизм в Советском союзе. Новые направления российских и зарубежных исследований: Матер. рос.–герман. науч. студ. сем. М., 2006. 214 с.

⁶ История сталинизма: итоги и проблемы изучения: Матер. Междунар. науч. конф. (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М., 2011. 790 с.

изданий¹. Наряду с изданиями, посвященными общим моментам повседневности, выходят и издания, посвященные региональным аспектам².

Создание административно-командной экономики и системы планирования привели к затруднениям в социальном и политическом плане, поменялся сам подход к обеспечению материальными благами и удовлетворению потребностей общества³. Современный западный экономист П. Грегори приходит к заключению, что такая систематика привела к «перекосам»: отдельные секторы экономики, такие как тяжелая промышленность, успешно прогрессировали, а другие заметно отставали. Автор только вскользь упоминает строительную сферу, но можно предположить, что интересующий нас сектор экономики оказался во втором списке, согласно логике автора.

Момент огосударствления также попадает в поле зрения отечественного историка Е.А. Осокиной⁴. Существование «второго» рынка в системе планового развития привело к отсутствию товаров народного потребления в свободной продаже. В таких сложных ситуациях и экономических трансформациях значение советского специалиста для общества должно было быть высоким, что подчеркивалось всеми способами, в том числе в получении товаров народного потребления «по талонам». Утверждалась адресная помощь отдельным категориям граждан. Таким образом произошло расслоение, и в бесклассовом обществе стали организовываться «страты». Высшие инженерные кадры имели особое значение в создании нового формата экономики, т. к. промышленность, народное хозяйство, строительство нуждались в специалистах. Особенность

¹ В том числе были переведены и изданы книги Ш. Фицпатрик.

² Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М., 2008. 295 с.; Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. 440 с.; Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М., 2011. 400 с.; Карелин Е.Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). М., 2014. 422 с.; Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М., 2011. 270 с.; Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М., 2010. 327 с.

³ Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. М., 2008. 400 с.

⁴ Осокина Е. А. За фасадом "сталинского изобилия". Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 2008. 351 с.

организации жизнедеятельности заставляет ученых использовать новые требования к выделению отдельных профессиональных групп. Немецкая исследовательница С. Шаттенберг¹ заметила, что «рождение нового инженера» далось государству трудно, т. к. наладить промышленность по-иному со «старыми специалистами» не всегда возможно. Необходимо было «воспитать» новые кадры, дать соответствующее образование и сформировать новый тип мышления «советского специалиста» 1930-х гг. «ИТР теперь рассматривался не только как технический специалист, но и как разносторонний человек, который должен помимо техники разбираться в искусстве, литературе и музыке»². «Окультуривание» инженеров привело к тому, что потребовалась особая площадка для общения и обмена мнениями, но С. Шаттенберг указывает только одну – Дом инженерно-технического работника. Другая представительница немецкой исторической науки, К. Кухер³, предлагает рассматривать парки как место окультуривания всего населения в «сталинскую эпоху». Идею создания центральных парков она выводит из идеи создания «нравственного ландшафта» Ф.Л. Ольмстеда⁴. Это место досуга советских граждан и презентации страны для иностранцев, где среди зеленых насаждений для прививания «нового» эстетического вкуса представлены скульптурные группы и малые архитектурные формы. Изучение повседневной истории граждан требует сверхусилия, т. к. «фасадность» исторической культуры скрывает реальное положение дел.

После крушения СССР появились работы, авторы которых занимали положение «разоблачителей» советского режима⁵. При всей спорности и дискуссионности этого вопроса мы вынуждены согласиться с мнением доктора исторических наук Н.В. Романовским, который утверждает, что

¹ Шаттенберг С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930–е годы / пер. с нем. В.А. Брун–Цехового, Л.Ю. Панфиной. М., 2011. 478 с.: ил.

² Шаттенберг С. Указ. соч. С. 317.

³ Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941 / пер. с нем. А.И. Симонова. М., 2012. 350 с.: ил.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ См., напр.: Якунин В.К. И.В. Сталин, сталинизм и историческая наука. Днепропетровск, 1991 90 с.; Чан ТхиМиньТует. Становление сталинской тоталитарной системы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1994. 23 с.

были резкие расхождения между идеологическими формулами, провозглашавшимися с трибун, и реальными делами на производстве, что приводило к отрицательным последствиям. «Возникла напряженность в сознании и еще больше – в повседневной жизни»¹. Однако причина разрыва между мнимым и реальным западному исследователю Дж.М. Истеру видится в создании «регионализации» административного аппарата страны². Американский исследователь уверен, что управленческий аппарат и большая часть секторов экономики функционировала за счет личных знакомств и неформальных связей между членами «элиты». Такие процессы должны накладывать свой отпечаток на повседневную жизнь.

В пятый проблемный блок отнесены урбанистические исследования. Необходимо выделить три подгруппы, в соответствии с проблематикой: общая теория урбанистики, историко-культурологические исследования городской среды и региональные исследования советского пространства города. К первой подгруппе относятся изыскания ученых, для которых городское пространство – это призма, через которую можно увидеть реальных людей, задействованных в процессе формирования городского пространства. Выделенные смысловые историографические группы оправданы, т. к. существует острая необходимость разграничения отраслевого и основного историографических направлений.

Отдельно необходимо отметить урбаниста-архитектора 1980-х гг. А.Э. Гутнова. Исходная позиция ученого – это городская «решетка» (план города или иная структура населенного пункта), которая определяет жизненный цикл горожан, а значит, априори детерминирует социальные движения и культурное развитие. Принципиальное положение в его теории занимает архитектура, которая формирует окружающую среду. А. Гутнов подчеркивает, что «образ города складывается из всей суммы особенностей

¹ Романовский Н.В. Социология позднего сталинизма // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 69–76.

² Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты / пер. с англ. Т.Н. Саранцевой. М., 2010. 255 с.

места, создающего необходимый контекст для восприятия архитектуры»¹. Однако, учитывая всю многофакторность формирования городского пространства, ученый прямо не выделяет монополистов в этом процессе. В технологии формирования среды и создании архитектурного облика архитектор-проектировщик оказывается зависим, поэтому архитектор не имеет единоличного авторства².

Его коллега и сподвижник В.Л. Глазычев развивал теорию и идеи А. Гутнова, тем самым оформил постсоветскую отечественную урбанистику. Три теоретических основания для его исследовательской модели были изложены в монографиях³. Первая фундаментальная работа этого корпуса была посвящена архитектуре в целом. Автор в продолжение традиции, заложенной совместно с Гутновым, выстраивал общую теорию архитектуры как схему городского пространства. Жанр книги был обозначен как «энциклопедия», против чего выступал сам Глазычев⁴, т. к. считал, что название «архитектура» вполне самодостаточно. В этой работе Глазычев предпринял попытку описать архитектуру в социальном континууме. Второе издание посвящено урбанистике в принципе. Совершенно точно В. Глазычев заметил: «город так давно стал нашим естественным окружением, что требуется некоторое усилие для того, чтобы уяснить, насколько приблизительными являются обыденные представления о нем»⁵. Такое сверхусилие автор делает для того, чтобы «подняться» над материалом. Умело расставленные элементы города в теоретической модели Глазычева приводят его к неизбежному ранжированию городов не только по масштабу (малые, средние, крупные), но и по особенностям городского планирования (хронологическая раскладка – классика, новое время и начало реформ). Составные части урбанистического пространства вполне традиционны для

¹ Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. Мир архитектуры. Лицо города. М., 1990. С. 19

² См.: Гутнов А.Э. Мир архитектуры. Язык архитектуры. М., 1985. С. 299–309.

³ Глазычев В.Л. Архитектура. Энциклопедия. М., 2002. 672 с.; Его же. Урбанистика. М., 2008. 220 с.; Его же. Город без границ. М., 2011. 400 с.

⁴ Об этом он написал в итоговой книге.

⁵ Глазычев В.Л. Урбанистика. М., 2008. С. 21.

архитектора: квартал, микрорайон, площадь, монумент, главная улица, бульвар, парк и т. д.¹ Для данного исследования также необходимо обозначить принципы архитектурного наполнителя города: «если в западных странах специфические умения архитектора реализовались и реализуются в условиях жестких ограничений, заданных экономическим зонированием и правилами застройки, закрепленными в законе, ни в старой России, ни в Советском Союзе таких ограничений не было. Были другие ограничения – идеологические, другие – экономические, но при всех таких ограничениях в городе видели пространственную форму застройки и транспортных коммуникаций. И только»². Предикат заведомо предусматривает, что читатель увидел водораздел между городской средой и символическим пространством. Подобный тезис Глазычев раскрывает в заключительной части своей трилогии³. Подробный анализ градостроительных схем и генпланов развития городов и регионов приводит к выводу, что последовательные технологические этапы («присвоение, освоение и усвоение»⁴) формируют как город, так и прилегающую территорию, поэтому города, по сути, являются эпицентрами культурного развития в пределах ими созданного региона. Архитектор – участник освоения территории через определение «условных» границ будущей городской среды, культура которой может включать пределы региона.

Еще одно немаловажное положение – о социальной иерархии. В городской застройке советской строительной индустрии применялся американский тип построения промышленных автономий: рядом с

¹ Исследования в таком разрезе актуальны и в 1980–е гг., когда начинал В.Л. Глазычев, и в наше время, см.: Турчин В.С. Монументы и города. Взаимосвязь художественных форм монументов и городской среды М., 1982. 160 с. Основоположником такого метода является немецкий ученый: Бринкман А.Э. Площадь и монумент как проблема художественной формы: пер. с нем. М., 2010. 296 с.

² Глазычев В.Л. Урбанистика. М., 2008. С. 84.

³ Глазычев В.Л. Город без границ. М. 2011. 400 с.

⁴ Там же. С. 73

промышленным предприятием возводятся жилые кварталы с обособлением элиты¹.

В. Глазычев – архитектор по образованию, поэтому в его теории градостроителю отводится особое место в формировании городского пространства. В противоположность можно поставить философское осмысление урбанистики «потребителя». Е.Г. Трубина, основываясь на иностранной научной литературе, выстраивает теорию города как оформление социальных циклов². Экономическая, политическая, культурная, социальная мобильность создает форму и содержание городского пространства, ее книга, по сути – качественный научный сборник основных теорий города. На первых страницах автор дает понять, что в этом труде соединилась и «преподавательская и исследовательская работа»³. Критическая рефлексия теоретических подходов дана в развернутом виде, что приближает издание к формату учебника «для профессиональных исследователей». Новаторским решением, на наш взгляд, является параграф «город как место и время повседневности». Используя методологические основы зарубежного ученого Бернхарда Вальденфельса, Е.Трубина ведет рассуждение дальше: «различные формы деятельности, включенные в различные сферы жизни, подчиняются несопоставимым правилам и существуют автономно. Повседневность же – это пространство для соединения разделенного и встречи всего и вся»⁴. Город как хронотоп⁵ является «местом обмена каждой фрагментации».

Проводя свой анализ урбанистических западных теорий, социолог В.М. Савченкова приходит к схожему мнению: «в настоящее время в зарубежной социологии имеется достаточное количество научных трудов, ориентированных на соотнесение урбанизации с общей социальной

¹ Там же. С. 343.

² Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2011. 520 с.

³ Там же. С. 5.

⁴ Трубина Е.Г. Указ. соч. С. 404.

⁵ Хронос – время, топ – место.

эволюцией, когда первая рассматривается в локально временном или пространственном ограничении, на разных исторических этапах своего развития»¹.

К «потребительскому» урбанизму можно отнести также опыт П. Вайля². На основе художественных текстов и сложившейся городской среды автор книги ищет осязаемую связь между человеком и местом его обитания. Эта работа не носит научно-исследовательского характера, представляя собой «гибрид путевых заметок, литературно-художественного эссе, мемуара». Такая практика значима, т. к. для реконструкции советского города были использованы фотоматериалы того времени. Фотографы не имели отношения к архитектурной сфере и выступали такими же обывателями, поэтому их видение позволяет посмотреть на результат работ архитекторов со стороны.

Зафиксировать город на определенном историческом этапе развития – одна из стратегических задач исторической урбанистики. Большой шаг был сделан в основании этого научного поля членами научного совета РАН по истории мировой культуры. Под руководством крупного ученого Э.В. Сайко были выпущены научные издания³, многосторонне освещающие проблему города в рамках исторического подхода. Объединяющая идея этих изданий – город как среда обитания – создает «местную» культуру. В городе остаются запечатленные исторические процессы (своеобразный культурный слой). Город сам является ценностью для исторической ленты. «Вычленение города было главным специфическим моментом первоначального этапа процесса урбанизации»⁴.

Центр гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.

¹ Савченкова В.М. Концепции города и урбанизации в западной социологии (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. ...канд. соц. наук. М., 2005. С. 5.

² Вайль П. Гений места. М., 2011. 448 с.

³ Город как социокультурное явление исторического процесса М., 1995. 351 с.; Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001. 392 с.

⁴ Сайко Э.В. Переход в социальной эволюции и роль города в ее историческом выполнении // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001. С. 10–70.

Лихачева под руководством Д.Н. Замятина¹ ведет работу по реконструкции образов города. Теоретический горизонт гораздо шире научной группы в целом и Д.Н. Замятина в частности. Основная цель исследований – моделирование образа территории – это гораздо более широкий подход в освоении историко-культурного пространства, т. к. он не ограничивает себя городской чертой. Культурно-географический образ (отражение культурно-географического пространства) имеет свою генетику и стратегию развития². Город – это такое же пространство, как деревня или лесной массив, который так или иначе может быть представлен в культуре. Надо согласиться, что город имеет в своем пространственном выражении вкрапления естественной природы, которая становится неотъемлемой частью города (например, топографии или ландшафта). Такой метод вынуждает отрабатывать каждый элемент городского пространства.

Однако, когда речь заходит о непосредственном архитектурном ансамбле города, а тем более о проектировании, то здесь ощущается явственно предел возможностей гуманитарной географии: «пространственные нарративы и их подобия на уровне простейших когнитивных схем, возникающие в архитектуре, скорее, как следствие более общих визуальных соположений и сосуществований, рассматриваются в гуманитарной географии как основополагающие и часто подчиняющие себе, включающие в себя очевидные визуальные репрезентации»³. Объем города включает в себя и географо-топографические особенности, и архитектурные объекты, которые отражаются в общем сознании. Архитектор задействован в создании городского ландшафта, но Д. Замятин не учитывает деятельность архитекторов по формированию городского пространства.

Гуманитарная география использует пласты информации, которая закрепляется на разных уровнях человеческой ментальности, для

¹ Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы М., 2008. 760 с.

² См.: Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006. 488 с.

³ Замятин Д.Н. Гуманитарная география и архитектура: в поисках со-пространственности // Архитектура и социальный мир. М., 2012. С. 64–74.

реконструкции конкретного образа (чаще всего природного объекта, элемента ландшафта), закрепленного в пространстве. Изучение памятника истории в отрыве от проектной деятельности архитектора недопустимо при реконструкции пространства исторического города¹, что является существенным недостатком названной теории.

В. Каганский, отказываясь от единичных и точечных исследований городской среды, поднялся на высоту обобщения². В его трактовке терминов можно встретить принципиально новые интерпретации³ для своего времени: «советское пространство – воплощенная в материале вещей, знаков, людей и пространства схема. Советское пространство – не территория СССР, а качественно и структурно особый тип пространства, состояние культурного ландшафта»⁴. Он считает, что под влиянием политических структур подвергся статусной дифференциации культурный ландшафт. В этом процессе организации архитектор может быть задействован как участник.

В этом отношении интересен опыт пермского исследователя В.В. Абашева⁵. В своей монографии он пытается выявить процесс идентификации региональной культуры на историческом этапе. В работе используется междисциплинарный подход, что существенно расширяет предмет исследования. Автор анализирует «пермский текст в русской культуре», «но не об истории города или края, а о Перми, как месте жизни человека и феномене русской культуры <...>»⁶. Это принципиально новый взгляд на

¹ Напр. см.: Социокультурный анализ и развитие территорий России: проблемы и решения / под. ред. О.Г. Севан. М., 2012. 464 с.

² Каганский В.Л. Советское пространство: ландшафтный и экологический аспект // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 26–36.

³ К сожалению, молодые ученые пропускают его исследования, т. к. определяют их в класс философского осмысления, а не исторического.

⁴ Каганский В.Л. Ландшафт советского пространства // Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. С. 135–154.

⁵ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. С. 404.

⁶ Там же. С. 5.

культуру региона: не просто провинция, а регион со своим административным центром, своим культурно-символическим содержанием¹.

Эта фундаментальная работа привлекла исследователей и ученых как к самому подходу, так и городскому / региональному пространству в целом. Приверженцы такого предметно-методологического подхода нашлись в разных регионах страны². На современном этапе уже можно говорить о положительном исходе таких исследований, т. к. такой метод позволил существенно разделить принципы «краеведения» и «новой локальной истории». По мнению С.И. Маловичко, «пространственный подход к исследованию любого локуса несет в себе импульс отказа от обслуживания государственно-этнического нарратива. Погружающийся во фрагментарные, производственные пространственно-временные ряды историк перестает быть государственным биографом, так как он не обязательно находит консенсус с метанарративным стилем истории государственной механической сборки территорий»³. Такой разрыв ощутим, и это позволяет говорить о чистоте научных исследований, т. к. главный критерий – методология.

Развитие этого направления наблюдается в тех регионах, где уже была подготовлена благодатная почва. В Сибирском филиале Российского института культурологии (ныне – Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва) сформировался научно-исследовательский сектор по культуре городов в историческую эпоху⁴. Итогом двухгодичной работы в

¹ Автор приводит в пример здание силового ведомства (сегодня областное УВД), которое в неофициальной топонимике получило название «Башня смерти». В.В. Абашев обращает внимание на разницу между мифом и реальной историей строительства административного здания.

² Чирков В.Ф. Метафизика места: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2002; Пространственность развития и метафизика Саратова: Сб. науч. ст. Саратов, 2001. 144 с.

³ Маловичко С.И. Городская история в ситуации «пространственного поворота» в гуманитаристике // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан: матер. – VII Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Омск, 20–22 октября 2009 г.). Омск, 2009. С. 12–15.

⁴ К началу реализации проекта была проведена большая научно-исследовательская работа и уже сделаны основные публикации. См., напр.: Культура региона: история и современность. Программа и методические рекомендации / сост. В.Г. Рыженко. Омск, 2000 с.; Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX в.: монография Омск, 2001. 200 с.; Его же. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): учебное пособие. Омск, 2002. 196 с.; Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX века (к проблеме

рамках проекта «Культурное пространство западносибирского города в советскую эпоху (1920-е–1950-е гг.)» стала коллективная монография¹. Авторы вводят дефиницию «культурно-цивилизационный ландшафт», тем самым подчеркивают, что предметом исследования может выступать «ландшафт города», наполненный историко-культурным смыслом. Такое культурное пространство в зависимости от специфики исторического отрезка включает в себя символические объекты (памятники, новые типы зданий, сооружения), которые дополняют образ города. Эти «точки на карте города» появляются в ходе социальных и культурных трансформаций, что позволяет ученым выявить признаки общей сталинской культуры и региональные особенности.

Авторы вводят уникальные архивные, музейные и личные источники в научный оборот. Не менее важна методика, предложенная в третьей части книги, для работы с визуальными источниками (фотографиями и проектами). Вышеназванный историк, В.Г. Рыженко, продолжая работу над заявленной темой, выводит образ советского сибирского города в соотношении с желаемым и реальным. Особый интерес вызывает то, что такое расхождение ученый фиксирует в представлениях и профессиональной работе архитекторов того времени². Такой моделью начинают пользоваться и молодые ученые в своих научных изысканиях, что позволяет говорить о начале оформления научной исторической омской школы³.

С.А. Баканов на основе анализа последних научных работ, сделанных в области исторической урбанистики, приходит к выводу, что появились исследования, которые принципиально отличаются от других и могут

преемственности в науке) // Городская культура Сибири: традиции и новации: сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 66–85.

¹ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920–е – 1950–е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко–культурологические характеристики (на материале Западной Сибири). Омск, 2004. 292 с.

² Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (Региональный аспект). Омск, 2010. С. 154–192.

³ Можно привести одного из недавних успешно защитившихся ученого: Жидченко А.В. Повседневная жизнь в новом городском районе: Проблемы формирования городской среды, 1950–1960–е гг. (локальный аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013.

произвести в науке о городе так называемый «культурологический поворот»: «вышедшие в 2004–2005 гг. монографии челябинского исследователя Е.В. Коньшевой и омских авторов В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимовой и Д.А. Алисова выступили в качестве эмпирической проверки гипотез, выдвинутых в рамках культурологической науки. Примечательно, что авторы обеих монографий поставили в центр своих работ города, сопоставимые между собой по целому ряду показателей как экономико-демографических, так и культурно-исторических, – Челябинск, Омск и Новосибирск»¹. Такое мнение может неоднозначно трактоваться, поэтому необходимо внести поправку относительно работы Е.В. Коньшевой. Имя этого ученого хорошо известно историкам архитектуры. Монография² действительно сделана в русле истории архитектуры, и автор использует искусствоведческие приемы для описания архитектурного объекта в культуре города, что дает основание для сравнения этих двух работ. Принципиальная разница между названными монографиями лежит в способе осветить проблему. Точкой отсчета в первом случае является культурно-цивилизационный ландшафт города, при изучении которого используются историко-культурные подходы, а во втором – историко-архитектурная эволюция, которая имеет социальный контекст.

В статье С.А. Баканова эти две монографии не случайно оказались рядом. Указанная проблема в историко-архитектурной литературе активно решается, а в исторической науке только еще появляются первые труды, направленные на осмысление деятельности архитекторов по формированию городского культурного пространства. Омские ученые в своих трудах освещали этот вопрос и предложили свою точку зрения, но по поводу этой позиции коллеги из других научных сообществ высказываются крайне осторожно³. В данной работе предлагается воспользоваться тем багажом,

¹ Баканов С.А. Советский индустриальный город 1920–1950-х годов и культурологический поворот в исторической урбанистике // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2007. № 3 (81). С. 123–126.

² Коньшева Е.В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х –1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск, 2005.

³ Лейбович О.Л. Возвращение советского города // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 2 (14). С. 125–127.; Петрова А.С. Визуальное пространство советского города 1920–1930-х годов: Историографические аспекты // Вестн. гуманитар. фак-та Иванов. гос. химико-технолог. ун-та. 2012. № 5. С. 47–51.

который есть в отраслевых исследованиях для выстраивания своей позиции в исторической науке, что также предлагалось омскими учеными¹.

Дополнительно для общего контекста привлечена литература, изучающая основные вехи истории двух городов: очерки истории города², сюжетная история³, энциклопедические сведения⁴.

Анализ историографии по представленным проблемным блокам показал, что подотряд технической интеллигенции архитекторов не имеет устоявшихся принципов изучения. Профессиональная деятельность архитекторов по формированию городской среды освещалась преимущественно отраслевыми историками. Отдельные сюжеты и библиографические описания привлекали внимание региональных ученых в исследованиях по локальной истории города. Общественная активность архитекторов в условиях сталинской социальной системы стала самостоятельным предметом изучения только в последнее десятилетие. Заметные изменения происходят в исторической урбанистике, появляются региональные научные школы (в Перми, в Омске). Результаты таких научных центров могут стать существенным дополнением к реконструкции процессов создания общественных и административных организаций.

В исторической науке только появляются первые труды, направленные на осмысление деятельности архитекторов и их социальных институтов. В данной работе предлагается воспользоваться тем багажом, который накоплен в отраслевых исследованиях для выстраивания своей позиции в

¹ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. О возможностях использования отраслевых исследований в современных историко-культурологических опытах изучения интеллигенции // Культура и интеллигенция России XX в. как исследовательская проблема ... С. 37–40.

² Юрасова М.К. Омск. Очерки истории города. Омск, 1972. 312 с.; Удалов Р. Мой Омск. Омск, 2008. 345 с.: ил.; очерки истории города Омска: в 2 т. / под ред. А.П. Толочко. Т. 1: — Омск, 1997. 291 с.; Т. 2: Омск. XX в.. Омск, 2005. 398 с.; Омск. XX век (вехи истории): краевед. сб. / Отв. ред. А. П. Толочко. Омск, 2001. 197 с.; Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993; История города Новониколаевск – Новосибирск: Исторические очерки: в 2 т. Новосибирск, 2013. 800 с.; История промышленности Новосибирска: в 6 т. Новосибирск, 2004– 2005.

³ Сизов С.Г. Омск в годы «послевоенного сталинизма» (1945–март 1953 г.). Омск. 2012. 252 с.: ил.; Журавлев М.П. Омск: вчера, сегодня, завтра. Омск, 1993. 176 с.: ил.; Новосибирск на рубеже XXI в.: перспективы развития и инвестиционные возможности: Сб. статей. Новосибирск, 1999.

⁴ Энциклопедия города Омска: в 3 т. Омск, 2009; Энциклопедия Омской области: в 2 т. / Под общ. ред. В.Н. Русакова. Омск, 2010; Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск, 2003. 1010 с.: ил.

исторической науке. Исходя из обозначенного комплекса проблем и степени их рассмотрения в современных исследованиях была поставлена цель.

Цель диссертационного исследования – выявить характерные черты профессиональной деятельности сибирских архитекторов 1930-х –1950-х гг. в условиях складывания системы управления отраслью, создания социальных институтов и повседневных практик на материалах Омска и Новосибирска.

Для реализации определены следующие задачи:

1 выделить этапы складывания системы управления архитектурной сферой в 1930-е–1950-е гг. и определить их признаки;

2 выявить процесс оформления ССА как нового социального института;

3 определить особенности создания сибирских отделений ССА;

4 охарактеризовать направления и формы деятельности отделений ССА в Сибири;

5 сравнить региональные практики профессиональной деятельности архитекторов Омска и Новосибирска;

6 показать характерные признаки производственной повседневности советского архитектора-проектировщика в городском пространстве сталинской эпохи и бытовые условия ее осуществления.

Объект исследования – архитекторы как отряд советской интеллигенции и их объединения.

Предмет исследования – сибирские архитекторы Омска и Новосибирска в 1930-е – 1950-е гг. в условиях реализации их профессиональной деятельности, формирования советских социальных институтов и повседневных практик.

Территориальные рамки представлены двумя городскими пространствами – Омска и Новосибирска. Два крупных города, относящиеся к одному типу, являлись центрами административно-территориальных образований (Омская область с 1934 г., Новосибирская область с 1937 г.), были близкими по численности населения. На 1939 г. в Омске проживало 288900 чел., в 1959 г.– 581108 чел., а в Новосибирске в указанные годы

404000 чел. и 885045 чел. соответственно.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1930-х по 1950-е гг. Нижняя граница определена началом централизации архитектурного сообщества и ликвидации плюрализма в творчестве проектировщиков в условиях выстраивания «вертикали власти» и складывания административно-бюрократической системы. Эти тенденции связаны с проведением первых мероприятий по исполнению Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Верхняя граница определена серединой 1950-х гг., когда система, выстроенная в эпоху правления И.В. Сталина, подвергается деформации и существенной трансформации. 7 декабря 1954 г. состоялось выступление Н.С. Хрущева на Втором Всесоюзном совещании строителей, архитекторов и работников промышленности, строительных материалов, строительного и дорожного машиностроения, проектных и научно-исследовательских организаций, а 4 ноября 1955 г. было принято Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» – это исходные события для начала масштабных изменений в профессиональной деятельности советских архитекторов.

Методологическая основа исследования

Учитывая характер предмета исследования, в работе были использованы методы и подходы, позволяющие комплексно оценить и охарактеризовать деятельность советских архитекторов.

Дефиниция¹ «интеллигенция» в рамках данного исследования используется в традиционном смысле – как страта (социальный слой) профессионалов с соответствующим образованием, занимающихся

¹ Кривопалова Н.Ю. Российская провинциальная интеллигенция в 1907–1914 гг.: социальная структура и деятельность (на материалах Самарской губернии). Самара, 2009. С. 39–67; Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–60-е годы. М., 1999. С. 11–32; Веселов В.Р. Интеллигенция и провинция в исторической судьбе России. Кострома, 2001. С. 8–15.; Корзун В.П., Рыженко В.Г. По поводу одной дефиниции (от общей методологии к многообразию тезауруса) // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тез. докл. межгос. науч.–теор. конф. Иваново, 1995. Т. 1. С. 34–37.

умственным, творческим трудом, объединенных по территориальному или производственному принципу. Сам термин «интеллигенция»¹ применительно к архитекторам может не только обозначать приверженность к техническому производству, но и подчеркивать участие архитекторов в культурной жизни города (архитекторы кроме производства были также задействованы в образовательном процессе подготовки кадров и принимали участие в художественной деятельности).

В рассматриваемый период существовала нехватка специалистов в сибирском регионе, поэтому для выполнения архитектурной работы могли привлекаться представители смежных специальностей (инженеры, конструкторы), которые со временем становились полноценными архитекторами-проектировщиками. Однако квалификация и специализация накладывала отпечаток на работу, поэтому для корректного оформления документации такие архитекторы подписывались не как «архитектор», а как «автор». Степень выполнения расчетных и чертежных работ не всегда удавалось установить. Отдельные архитекторы занимались административной работой, выполняли общественную нагрузку, но не выполняли проектных заданий, поэтому применение жесткого принципа разделения интеллигенции может быть не обосновано. В связи с этим вводится рамочное понятие «архитекторское сообщество», которое вбирает в себя как представителей архитектурной специальности, так и круг лиц, задействованных в архитектурном процессе.

Принцип историзма позволяет изучать процесс развития архитектурной деятельности в указанных городах в историческом контексте и условиях формирования архитектурного руководства отрасли.

Архитектор после себя оставляет интересный материал (проекты, пояснительные записки, фотографии, интеллектуальные труды, расчеты, графические листы и т.д.), что требует применение научного арсенала

¹ См.: Меметов В.С., Комиссаров В.В. Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 70–79; Будник Г.А. Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии // Интеллигенция и мир. 2009. № 3. С. 7–19.

профильных и смежных дисциплин, поэтому в рамках данной работы реализуется также *междисциплинарный подход*.

В рамках реализации данных подходов применялись следующие методы. Метод *исторической реконструкции* необходим для восстановления составляющих элементов городского образования в определенный временной отрезок. Особый тип городского пространства, который в 1930-е гг. получил название «Соцгород», на протяжении следующих трех десятков лет претерпел ряд изменений. Трансформация была детерминирована рядом обстоятельств, в том числе созданием административно-управленческой схемы архитектурного сообщества, которое выполняло социальный заказ. В отраслевой истории устоялось мнение, что власть могла директивно спускать идеальную модель города, которая должна быть создана в отдельно взятом регионе¹. Однако не всегда только такое вмешательство могло сказаться на архитектурном облике города. Архитектор в «эпоху правления И.В. Сталина занимал более высокую иерархическую ступеньку, чем строитель, который получит пальму первенства в следующую эпоху – хрущевскую «оттепель». В связи с этим важно учитывать подобные факторы, которые сказываются на городской среде. При использовании практики современных отраслевых исследований² и накопленном опыте омских историков³ становится возможной реконструкция культурно-цивилизационного ландшафта, что в свою очередь поможет реконструировать формы и способы формирования архитектуры города.

Историко-сравнительный метод направлен на вычленение уникальных схем в историко-культурном содержании двух указанных городских систем. В ходе сопоставления двух практик можно выделить базовые характеристики эпохи и «случайные» компоненты в профессиональной работе архитекторов.

¹ См.: Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007. 376 с. 184 с.: ил.

² Кроме выше названных: Смолицкая Т.А., Король Т.О., Голубева Е.И. Городской культурный ландшафт. Традиции и современные тенденции развития. М.: Либроком, 2012. 276 с., цв. вкл.

³ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Указ соч.

Профессиональные культуры этих двух регионов – разные квалификационные наборы.

С учетом схожести городских, территориально-климатических и экономических особенностей для выявления схожих черт в проектной деятельности и организации производственного процесса был применен *историко-типологический метод*.

Историко-генетический метод использовался при рассмотрении процесса формирования архитектурных сообществ в историческом развитии, и выделялись этапы создания и деятельности сибирских отделений ССА, отделов главных городских архитекторов.

Характеристика источниковой базы

Группы источников были выделены в соответствии с характером, степенью значимости, происхождением, что отражает особенности объекта исследования и поставленных задач. Название и состав источниковых групп приведены с учетом новых подходов и классификаций, предложенных современными специалистами по отечественному источниковедению¹.

I. Нормативно-правовые акты – одна из групп, которая продолжает свое формирование на современном этапе развития исторической науки. Кроме традиционно относящихся к этой группе законов и нормативных актов можно отнести документы и решения партии и правительства².

Нормативные документы, регламентирующие архитектурную деятельность и работу профильных ведомств, крайне редко публиковались³. Наиболее известные нормативные документы, касающиеся архитектурной деятельности – декреты, распоряжения и постановления ЦК КПСС и Совета народных комиссаров СССР и Совнаркома РСФСР – достаточно изучены и

¹ См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А.К. Соколова. М., 2004.

² Источниковедение новейшей истории России... С. 85.

³ Из истории советской архитектуры 1926–1932. Документы и материалы. Творческие объединения / под ред. К.Н. Афанасьев М.: Наука, 1970. 196 с.; Из истории советской архитектуры. 1932–1941. Документы и материалы / под ред. К.Н. Афанасьев М.: Наука, 1968; Из истории Советской архитектуры 1941–1945 г. / под ред. К.Н. Афанасьев М.: Наука, 1978. 212 с.

являются неотъемлемой частью подобного изучения¹. Кроме опубликованных (в том числе в электронных системах) нормативных документов в работе использовались неопубликованные документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Всего было привлечено 82 документа.

II. *Делопроизводственные документы* – одна из обширных групп источников, т. к. включает в себя ряд разных по своей форме документов. В эту группу входят:

1. *Документы внутриотраслевого назначения.* В работе были изучены положения о главном городском архитекторе (типовые и разработанные региональными и городскими властями), уставы Союза советских архитекторов и первоначальные его проекты, инструкции архитекторам, изданные вышестоящими организациями.

2. *Протокольная документация,* включающая протоколы и стенограммы Первого съезда советских архитекторов, заседаний местных отделений ССА, архитектурно-планировочных комиссий, выписки из протоколов государственных органов Советского правительства, совещаний исполнительных комитетов и главных архитекторов города.

3. *Деловая переписка* включает в себя записки и письма органов исполнительной власти регионов с организациями, архитектурно-планировочными бюро и конторами. Ответные официальные письма на запросы со стороны проектных организаций и представителей архитектурного сообщества.

4. *Циркулярные письма,* входящая и исходящая официальная корреспонденция составляет корпус *учетных документов.*

5. *Отчетно-планирующие документы* – такое объединение отчетов и планирующих документов стало возможным после изучения ряда соответствующих документов, выявленных в архивах, т. к. годовые планы и

¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)– ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под. ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. 872 с.

отчеты по линии Союза советских архитекторов или Государственного комитета Совмина РСФСР по делам архитектуры проходили одинаковые процедуры рассмотрения, рецензирования (особенно в первой половине 1950-х гг.), одобрения, согласования и утверждения. Эти документы имели формальные схожие признаки оформления.

6. *Отраслевые документы текущего делопроизводства*, обеспечивающие производственный процесс, являются дополнением к заявленной ранее классификации, т. к. требуется учесть специфику предмета изучения. Специфика работы архитектурно-планировочной организации не может исследоваться без учета процессуальных этапов проектирования и принятия решений по вводу в эксплуатацию. Издание архитектурно-планировочных заданий, решения архитектурно-строительной комиссии, экспертные заключения являются составной частью бюрократической машины советского времени, которая влияла на работу проектировщиков. Большая часть этих документов была обнаружена в двух центральных архивохранилищах (Российский государственный архив литературы и искусства – РГАЛИ; Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ), двух региональных (Государственный архив Новосибирской области – ГАНО; Исторический архив Омской области – КУ ИСА) и одного муниципального (Новосибирский городской архив – НГА). В ходе исследования изучено более 800 дел из 15 фондов указанных выше архивов.

III. *Источники личного происхождения* – редкий источник для изучения технической интеллигенции, поэтому такие материалы являются наиболее ценными по своему информационному наполнению. В работе используются опубликованные воспоминания партийных деятелей (Л.М. Кагановича, С.И. Манякина) для реконструкции процесса принятия решений по политически важным вопросам. Дневники, письма, личные воспоминания крупных советских архитекторов были опубликованы, также как и воспоминания современников о них. В.А. Резин и А. Латур включили в свои издания воспоминания самих архитекторов об архитектурной жизни и

творческой работе своих коллег. Особой ценностью является опубликованный труд А.П. Долнакова о первом сибирском академике архитектуры Е.А. Ащепкове¹ – в книгу вошли фрагменты текстов из дневников Е.А. Ащепкова, что позволяет самостоятельно определить мнение современника об градостроительных процессах. Также были изучены опубликованные воспоминания внучки крупного сибирского архитектора А.Д. Крячкова², что позволяет восстановить личностный момент в творчестве и семейную атмосферу архитектора.

Сюда же вошли материалы из личных фондов архитекторов. Кроме личного фонда Е.А. Ащепкова в ГАНО (Ф. Р–2102) были изучены материалы фондов архитекторов К.К. Леонова (Ф. Р–2102) и С.П. Скобликова (Ф. Р–2033), которые участвовали в проектировании социально значимых объектов Новосибирска. В текущем архиве Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ОО ВООПиК) была обнаружена рукопись труда искусствоведа О.В. Белана «Архитектура Омска XX века и деятельность главных городских архитекторов». Автор работал над книгой (последние правки относятся к 2000г.), опираясь на архивные источники Департамента архитектуры Администрации г. Омска. Часть этих архивных данных была утрачена (списаны как «морально устаревшие документы»), а часть остается недоступной. В основу текста легли воспоминания, мемуары, личные беседы и интервью с архитекторами, работавшими в 1930–1950-х гг. Автор объединил часть расшифрованных бесед в одно дело. Эта находка³ обладает информационной ценностью. Большинство интервьюеров ушли из жизни, поэтому невозможно собрать материалы из семейных архивов многих омских архитекторов (П.В. Радищева, Е.А. Степанова, Г.А. Капустина). Искусствоведу удалось восстановить очередность замещения должности главного городского

¹ Долнаков А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. Новосибирск, 1992. 119 с.

² Стребкова А. Воспоминания о деде // Проект Сибирь. №28. 2007. С.31-34.

³ Данный материал собран и укомплектован по делам, поэтому в тексте будут даны ссылки и нумерации страниц в соответствии с положением листов в деле.

архиватора Омска, что позволяет более полно восстановить картину происходящего. На сегодняшний день доступ к архиву был ограничен, а часть архива была расформирована, поэтому наработки и архивные данные О.В. Белана также могут относиться к этой группе источников.

Воспоминания архитекторов остаются практически недоступны, поэтому встает необходимость обращения к трудам самих архитекторов по истории проектной организации и к их автобиографиям, которые писались при приеме на работу или при вступлении в Союз архитекторов. Такие материалы сегодня хранятся в ведомственном музее истории ОАО ТПИ «Омскгражданпроект» (г. Омск) и Государственном научно-исследовательском музее им. А.В. Щусева (г. Москва). В составе Новосибирской архитектурно-художественной академии находится Музей истории архитектуры им. С.Н. Баландина, в фондах которого находятся коллекции архитекторов Сибири, включающие в себя уникальные материалы, собранные из частных и семейных архивов архитекторов. К 100-летию со дня рождения В.И. Кочедамова его внук С.Б. Наумов передал часть семейного архива в Омскую государственную областную научную библиотеку им. А.С. Пушкина и Омский историко-краеведческий музей. В архивных папках хранились личные заметки, статьи и рукописи о городах Сибири, в том числе и об Омске. В.И. Кочедамов был архитектором одной из проектных организаций в 1930-х г, а в 1950-е гг. закончил работу над книгой об истории Омска. В этой части семейного архива сохранились уникальные тексты и записи с его личными наблюдениями, которые ранее не были известны исследователям.

IV. Периодическая печать

7Среди местной периодической печати (газеты – «Омская правда», «Советская Сибирь»; журналы – «Омская область», «Народное хозяйство Омской области») за три десятилетия (1930–1950-х гг.) было выявлено 87 статей.

8 Периодическая печать также изучалась, и прежде всего те журналы, которые читали сами архитекторы и выписывали для библиотек проектных организаций и библиотеки Архитектурного фонда – «Архитектура СССР. Орган Академии архитектуры СССР и Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР» (1934-56 гг. 168 номеров), «Архитектура и строительство. Орган Министерства городского строительства и управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР» (1946-55 гг. 84 номера), «Архитектура и строительство Москвы» (1953-56 гг. 36 номеров), «Архитектура Ленинграда: Журнал Исполкома Ленсовета» (1939-45 гг. 72 номера), «Архитектура и строительство Ленинграда. Орган исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, Ленинградского филиала Академии архитектуры СССР» (1954-56 гг. 39 номеров), «Архитектурная газета: Орган оргкомитета Союза советских архитекторов» (1934-40 гг. 72 номера, включая приложения). Выявлена 91 публикация (22 аналитических статьи ведущих архитекторов, 56 заметок об архитектурной жизни и деятельности архитекторов, 3 – статьи о результатах конкурсов, 10 передовых статей о политических решениях, повлиявших на проектное дело и строительную отрасль).

При работе с периодическими изданиями использовался фронтальный способ (журналы просматривались с 1936 г. по 1956 г., газеты с 1938 г. по 1955 г.) с целью выявления статей, освещающих архитектурную жизнь, значительные события и архитектурные акции Сибири.

V. Визуальные источники – это особая группа источников, которая позволяет сделать самостоятельные выводы преимущественно без опосредующих звеньев.

1. *Архитектурные проекты, рабочие чертежи и эскизы.* В отечественной исторической науке подобные материалы не попадали ранее в поле изучения социальных историков. Не существует методики исследования подобных источников. Есть опасность потери особого рода информации при вскрытии уникального кода прочтения при отнесении

источников к общим визуальным источникам. Проектная документация и графические листы архитектурных работ 1930–1950-х гг. в рамках данного исследования представляют особый интерес. В течение пяти лет было изучено более 300 оригинальных работ, около 50 работ, представленных на постоянной экспозиции упомянутого выше музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина, 80 проектов из коллекции оригинальной графики Музея архитектуры им. А.В. Щусева и 36 проектов, выполненных на кальке. Для изучения такого рода источников были использованы знания из технических дисциплин. Проекты и чертежи сопровождалась пояснительной запиской, но, как правило, такие материалы хранятся в спецхранилищах проектных учреждений и не выдаются исследователям. Во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период в связи с нехваткой рабочих материалов и бумаги проекты и чертежи, сделанные ранее, были использованы повторно (на обороте могла быть напечатана пояснительная записка или составлен новый проект), поэтому архитектурные чертежи 1930-х гг. встречаются крайне редко. Отдельные работы архитекторов воспроизводятся в отраслевой литературе, каталогах выставок, поэтому, опираясь на эти материалы, можно составить представления о целостности графической части архитектурного проекта.

2. *Фотопроекты* составлялись архитектурными мастерскими при отсутствии возможности выполнять чертежи в двух экземплярах. Отсутствовала копировальная техника в проектных организациях, поэтому особо важные чертежи и проекты фотографировались, а затем могли подкалываться в личное дело архитекторов, вкладываться в альбомы творческих работ архитектурно-проектных мастерских. Архитектурные конкурсы на проекты общественных и административных зданий также оформлялись в виде единого альбома с фотографиями проектов. В ходе изучения было выявлено более 700 фотопроектов из вышеуказанных архивов и музеев.

3. *Фотографии* традиционно входят в круг визуальных источников. В работе были изучены фотографии городов Омска и Новосибирска, выстроенных архитекторами архитектурных объектов, процесс строительства. Также были обнаружены личные фотографии архитекторов, инженеров, проектировщиков на рабочем месте, в «непринужденной обстановке» (дома или среди друзей), выпускные фотографии образовательных учреждений архитектурно-строительного профиля.

4. *Карты, схемы* районов городов были использованы с целью соотнесения генеральных проектов развития городов с зафотографированными реальными фрагментами пространства города.

Научная новизна состоит в обобщении основных характеристик профессиональной деятельности сибирских архитекторов 1930-х – 1950-х гг., отражающих специфику оформления их социальных институтов (в том числе местных отделений ССА), а также в определении динамики состава омского и новосибирского отделений ССА с учетом фактора эвакуации и реэвакуации архитекторов городов СССР.

В научный оборот вводятся новые источники (архитектурные проекты и эскизы), позволяющие выявить и описать особенности профессиональной деятельности архитекторов. Необходимость введения новых источников привела к созданию рабочей методики работы с архитектурно-проектной документацией.

Показаны разные стороны деятельности советских архитекторов в пространстве двух крупных сибирских городов. Впервые воссоздана история появления и специфика существования сибирских отделений ССА. Восстановлен персональный состав отделений и отличительные признаки профессиональной деятельности и повседневных практик новосибирских и омских архитекторов. Реконструирована деятельность главных городских архитекторов.

Теоретическая значимость. Архитектурное сообщество выводится из общего инженерно-технического персонала как подотряд советской

интеллигенции, занимающий особое положение между производством и творчеством. Полученный отраслевыми исследователями опыт использован для выстраивания модели исследования советского архитектурного сообщества сталинской эпохи.

Полученные результаты важны для реконструкции процесса складывания корпоративной культуры сообщества советских архитекторов, в его общих (союзных) и региональных проявлениях для выяснения степени унификации деятельности советской интеллигенции и свободы творческих поисков в условиях «сталинской эпохи».

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования полезны для разработки рабочих программ дисциплин исторического профиля, специальных дисциплин, посвященных истории городов Сибири и истории профессиональной повседневности интеллигенции.

Положения, выносимые на защиту:

1. В процессе выстраивания системы политического управления архитектурной сферой можно выделить ряд этапов. Начальный («экспериментальный», охватывал первую половину 1930-х гг.) включал постановку перед архитекторами основных задач со стороны власти. Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г. был заявлен как образец, на который архитекторы провинции должны были ориентироваться, как в профессиональном, так и в организационном плане. Исполнение становилось критерием оценки эффективности и средством контроля за творческой деятельностью интеллигенции как в центре, так и на местах. На этом этапе появляется новое институциональное звено системы в масштабах страны – Союз советских архитекторов. Второй этап (конец 1930-х – середина 1940-х гг.) – попытки закрепления политического руководства сферой архитектуры и строительства. Появляются системные требования к профессии архитектора, оформляется институциональность. Третий этап приходится на конец 1940-х – начало 1950-х гг. и характеризуется расхождением интересов

государственного и политического аппарата и ведомственных проектных организаций.

2. Политика унификации корпоративной культуры советской интеллигенции, проявившаяся в формировании соответствующих союзов, включая создание ССА как варианта архитектурного сообщества 1930-х – 1950-х гг., отразила не только «политическое давление», но и стала условием для выполнения архитекторами своих профессиональных обязанностей в сибирских городах. Технология оформления ССА «на местах» означала не регионализацию, а централизацию творческой деятельности. Местное отделение могло принимать решения по определению качества работы архитектора исходя из политики руководства.

3. Новосибирское и омское архитектурные объединения, находясь примерно в равных условиях, стояли перед разными административно-организационными барьерами (утверждения, согласования документов и выделения финансовых средств). При выполнении задач по благоустройству и оформлению городского пространства это отразилось в специфике профессиональной деятельности. История создания сибирских отделений ССА показывает, что «специфичность» могла принимать разные формы, исходя из количественного и персонального состава, квалификации архитекторов. Новосибирскому отделению ССА удалось сформировать основы общей корпоративной культуры, интегрировав высококлассных специалистов. Основные архитектурные силы Омска были собраны в составе одного проектного института, поэтому основной функцией отделения была координация.

4. ССА воспитывал «идеологически правильного» специалиста, мастерство которого должно подтверждаться при распространении благ со стороны соответствующих органов, а не эффективностью выполнения производственных задач. Производственные организации и проектные конторы могли самостоятельно создавать условия для проектирования, что ущемляло функции отделений ССА. Исходя из численности и состава

отделений, местное правление могло варьировать направления деятельности коллектива и их формы влияния на производственную сферу, а также стимулировать повышение творческого потенциала.

5. В «сталинскую эпоху» происходит оформление новых требований к производственной деятельности советского архитектора и появляется расхождение с реалиями местных повседневных практик, что является, с одной стороны, результатом масштабных социальных событий, а с другой – сугубо политических решений. Позиции местных представителей этого отряда интеллигенции определялись как традиционалистские, новаторские и колеблющиеся.

6. Архитектор в результате своей профессиональной деятельности производит комплект проектной документации, который проходит ряд процедур. С позиции административных структур – это техническая документация для выполнения строительных работ и осуществления политики архитектурного и градостроительного проектирования. Архитектор, занятый проектированием архитектурного сооружения, опирается на свой научный и творческий потенциал, который применяет в архитектурном проекте. Советский архитектор в праве дополнить комплект эскизными работами, которые отличаются уровнем художественной проработки. Все это дает основания полагать, что архитектурный проект не может рассматриваться как составная часть визуальных источников, а должен быть выделен в самостоятельный вид источников со своей методикой исследования.

7. Производственная деятельность архитекторов накладывала отпечаток на их повседневную жизнь. Производственная повседневность и частная (бытовая) повседневность архитектора складывались под влиянием разных факторов, в том числе жилищно-бытовых условий, связанных с персонифицированным иерархическим социальным статусом. Занимаясь формированием городского пространства, архитектор оказывался зависим не только от экономических условий региона, но и культурного ландшафта

города. Взаимодействие с другими участниками производственного процесса становилось фактором принятия решения профессиональных проблем и элементом коммуникаций профессионального сообщества на отдельной территории или отрасли.

Достоверность и обоснованность научных выводов обусловлена использованием только проверенных данных и материалов с опорой на исторические документы, а также подтверждением результатов изысканий.

В структуру исследования входят введение, три главы по три параграфа каждая, заключение, список источников и литературы, приложение.

Глава 1. Система политического управления архитектурной сферой в 1930-е – 1950-е годы (идеологический и институциональный аспект)

Одной из проблем, связанных с изучением архитектурного подотряда технической интеллигенции (как и советской интеллигенции в целом), является проблема ее взаимоотношений с властью. В обозначенный период складывается административно-командная система руководства всеми сферами экономики и культуры. Технологии государственного управления, выстроенные в «сталинскую эпоху», становились неоднократно предметом изучения отечественных историков¹. Политическая история – это самостоятельная область исследования, которая имеет свои особенности, не затрагиваемые в данной работе.

Новосибирский историк И.В. Павлова предпринимает попытку «вскрыть» ключевые моменты создания политической структуры и тоталитарного режима. Особенно важным моментом является сама «вертикаль власти»: «Механизм сталинской власти в 30-е гг. – способ принятия решений и передачи их из Центра на местах – представлял собой настолько законспирированную систему, что она не оставляла практически никаких следов»². Предположительно, одна из важнейших задач социально-исторического исследования – найти либо такие «следы», либо возможные средства фиксации таких решений. Управление отдельными отраслями экономики или сферами творческой деятельности должно иметь правовую базу. Нормативные правовые акты – это единственный доступный источник для интерпретации. Соотношение нормативного документа с реальной

¹ Соколов А.К. Курс советской истории, 1917–1940. Кн. 1. М., 1999. 272 с.; Соколов А.К., Тяжелникова В.С. Курс советской истории, 1941–1991. Кн. 2., М., 1999. 415 с.; Хлевнюк О. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 62–74.; Хлевнюк О. Большой террор 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 433–451; Хлевнюк О. Диктатор. Сталин в системе сталинской власти // Россия в XX веке. М., 2003. С. 176–191; Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. 480 с.

² Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 20.

ситуацией позволит выявить, как велась политика в этой области и как выстраивались рычаги управления технической интеллигенции интересующего подотряда.

Изучение архитектурной деятельности 1930–1950-х гг. приводит к необходимости обращения к социальной истории и институциональным аспектам оформления архитекторского сообщества. ВКП(б) и управленческий аппарат в 1930-е гг. неоднократно предпринимали попытку объединения разрозненных творческих объединений с целью совершенствования политического руководства творческой стороной проектного дела, создавая таким образом новые «социальные институты». Важным моментом является постановка перед архитекторами основных задач социалистического строительства. При этом необходимо учитывать политическую мотивировку и сугубо профессиональные интересы участников процесса.

На каждом этапе «совершенствования» системы управления архитекторами и их деятельностью появлялись нормативно-правовые и технические акты, которые определяли границы и условия проектной деятельности.

В предлагаемой главе проводится анализ правовых актов советского правительства для реконструкции основных политических векторов развития архитектурно-строительной и градостроительной деятельности. Архитектурное проектирование и решения градостроительных задач рассмотрены сквозь призму принимавшихся политических решений РСФСР и СССР.

1.1 Политика в области архитектуры и строительства «сталинской эпохи»

Участие архитекторов в социалистическом строительстве неизбежно связано с той ролью, которую архитекторам отводило партийное руководство и органы исполнительной власти.

В отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. И.В. Сталин заявил: «В результате всей этой громадной культурной работы народилась и сложилась у нас многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа – интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой»¹. В качестве подтверждения этому приводилась ежегодная численность выпускников ВУЗов с 1933 г. по 1938 г. Архитекторы отдельно не учитывались, их причисляли к инженерам промышленности и строительства. Приведенная в докладе статистика отражает неравномерности и отсутствие стабильной тенденции роста: 1933 – 6,1 тыс.; 1934 – 14,9 тыс.; 1935 – 29,6 тыс.; 1936 – 29,2 тыс.; 1937 – 27,6 тыс.; 1938 – 25,2 тыс.² Наибольшие показатели – в середине десятилетия. Возможно, на статистику повлиял ряд факторов, связанных не только с расширением индустриальных принципов строительства, но и сугубо политической линией партии.

Согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР «О подготовке технических кадров для народного хозяйства Союза ССР» от 13 января 1930г. Государственной плановой комиссии было поручено составить пятилетний план подготовки специалистов высшей и средней квалификации. Отдельно оговаривалось: «В этом плане должно быть предусмотрено развертывание строительства новых учебных заведений сверх тех учебных

¹ Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 25.

² Там же.

заведений, строительство которых уже намечено правительством Союза ССР <...>¹. Постановление касалось подготовки специалистов «всех отраслей народного хозяйства», но отдельно о строителях и архитекторах не говорилось. Уточненный список специальностей и профилей предписывалось планировочной комиссии согласовывать с заинтересованными ведомствами. Однако каким образом строить и из каких источников финансировать, в проставлении не оговаривалось. Массовое строительство новых учебных заведений потребовало увеличения численности кадров собственно строителей и проектировщиков за счет повышения квалификации «старых» кадров и подготовки «новых», для того чтобы можно было проектировать в «духе времени». Здесь же подчеркивалось, что при выборе кандидатур на руководящие должности следует «решительно выдвигать» молодых специалистов. Ориентация на «новое» и «молодое» должна была гарантировать создание «советской школы» подготовки специалистов. Строительство было только способом, а в некоторых случаях средством, достижения желаемых результатов, в том числе и в решении жилищных и коммунально-хозяйственных вопросов. Столица страны становилась образцовым городом для других².

Следующая значимая веха – это принятие постановлений ЦК ВКП(б) 1931 и 1935 гг. На пленуме ЦК ВКП(б) московским властям было предложено не распылять свое внимание на мелкие вопросы, а выполнять «главнейшие мероприятия» в областях жилищного хозяйства, общественного питания и хлебопечения, городского транспорта, дорожного и подземного хозяйства, энергоснабжения, водоснабжения, санитарного состояния города, планировки столицы³. Для организации подготовки кадров и научно-исследовательского обеспечения принятых решений Пленум ЦК постановил

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сборник документов. Т. 2. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 140.

² См.: Паперный В. Культура Два. Двадцать пять лет спустя. М., 2007. С. 107–111.

³ Резолюция пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» 15 июня 1931 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сборник документов. Т.2. 1929–1945 гг. М., 1957. С.291–303.

создать Академию коммунального хозяйства при СНК РСФСР, а спустя два месяца издал Постановление¹. Однако каким способом решать проблемы жилищного фонда, планировку города, в решении не уточнялось: «Успехи, достигнутые партией и рабочим классом в борьбе за индустриализацию и коллективизацию страны, создали все необходимые условия для решительного улучшения городского хозяйства <...>»². Всесоюзная академия архитектуры при президиуме ЦИК СССР будет организована в 1933 г. при решении вопросов по архитектурному образованию³, и вплоть до реорганизации она будет реализовывать только образовательную и научную линию, а не производственную⁴. Большим событием в архитектурной жизни страны стал конкурс на проект Дворца Советов в Москве⁵. Исследователи неоднократно обращались к этому событию⁶ как к «точке перелома» траектории в сторону централизации производственных практик. Историк архитектуры И.А. Казусь определяет значение этого конкурса как начала «кристаллизации» образа архитектуры, связанного с «освоением классического наследия»⁷. Конкурс для представителей властей имел скорее политическое значение, чем профессиональное: «Сразу после начала конкурса на Дворец Советов профессиональные дискуссии потеряли смысл потому, что победить противника профессиональными средствами <...> стало невозможно»⁸. Непосредственное участие политиков в принятии решений по конкурсу бесспорно, т. к. конкурсную комиссию и позже комитет по строительству Дворца Советов возглавляли представители

¹ Постановление СНК РСФСР от 28 августа 1931 г. «Об организации Академии коммунального хозяйства». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23438> (дата обращения: 04.01.2015).

² Резолюция пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве ... С.303.

³ Постановление ЦК ВКП(б) «Об архитектурном образовании» от 14 октября 1933 г. // Постановления и директивы ЦК ВКП(б): Справочник партийного работника. 1934. Вып. 8. С. 446–447.

⁴ Косенкова Ю.Л., Самохина Т.Н. Академические наука и образование в истории советской архитектуры (1933–1963) // Российская академия архитектуры и строительных наук. Альбом творческих работ членов академии и советников 2001–2006 гг., посвященный 15-летию РААСН. М., 2007. С. 8–30.

⁵ Наиболее точная реконструкция была сделана профильным историком. См. Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007. С. 77–128.

⁶ Хан-Магомедов С.О. К истории выбора места для Дворца Советов // Архитектура и строительство Москвы. №1. 1988. С. 21–23.; Хазанова В. К истории проектирования Дворца Советов СССР в Москве // Советское изобразительное искусство и архитектура 60–70-х годов. М., 1979. С.166–213.

⁷ Казусь И.А. Отечественные конкурсы 1920–1930-х годов – индикация стиля // Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. М., 2010. С. 80–89.

⁸ Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. М., 2007. С. 97.

власти. Сама инициатива строительства главного административного здания столицы была политизирована¹. Ещё 30 декабря 1922 г. С.М. Киров на заседании Первого съезда Советов СССР предложил построить более вместительное здание, чем Большой театр (где проводился Съезд), для того, чтобы можно было вместить всех делегатов: «В этом здании, в этом дворце, который, по-моему, должен быть выстроен в столице Союза, на самой красивой и лучшей площади, там рабочий и крестьянин должны найти все, что требуется для того, чтобы расширять свой горизонт»².

Д. Хмельницкий обращает внимание на совпадения двух событий: в творческом плане – конкурса на идею для проекта Дворца Советов в Москве, и в политическом – начала политического объединения разрозненных объединений³. В 1932 г. было издано Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»⁴, которое предусматривало объединение разрозненных творческих течений. В следующих параграфах этот вопрос будет освещен более подробно. Необходимо заметить, что ЦК ВКП(б) начал объединение с писателей, планируя позже провести подобные мероприятия в других творческих кругах.

В этой акции просматриваются первые политические попытки встроить архитектурное сообщество в общую систему. Однако четкие задачи были поставлены позже в Постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции города Москвы» от 10 июля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР занимали особую позицию: «во всей работе по перепланировке города должно быть достигнуто целостное архитектурное оформление площадей, магистралей, набережных, парков с использованием при строительстве жилых и общественных зданий лучших образцов

¹ Эйгель И.Ю. Борис Иофан. М., 1978. С. 80.

² Киров С.М. Доклад на I съезде Советов СССР. 30 декабря 1922 г. // Киров С.М. Избранные статьи и речи. 1912–34 г. М., 1957. С. 150–152.

³ Хмельницкий Д. Архитектура Сталина... С. 63–69.

⁴ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 172–173.

классической и новой архитектуры, а также всех достижений архитектурно-строительной техники»¹. Примечательные детали о процессе подготовки этого документа содержатся в записках Л.М. Кагановича. Он отмечает, что работа по планированию была инициирована после июньского Пленума ЦК ВКП(б) 1935 г. «При разработке и рассмотрении вопроса о плане Москвы были споры и различные точки зрения, которые приходилось разбирать, частью отклоняя, а частью отсеивая неприемлемое и воспринимая лучшее»². Споры между «консерваторами» и представителями «крайнего крыла», о которых вспоминает партийный деятель, получили свой отклик в преамбуле Постановления: «ЦК ВКП(б) и СНК СССР отвергают проекты сохранения существующего города, как законсервированного музейного города <...> также предложения о сломке сложившегося города и постройке на его месте города по совершенно новому плану»³.

Мемуары Л.М. Кагановича позволяют понять, каким образом велась работа над правовыми документами. Важно заметить, что в процесс законотворчества включены архитекторы. «Были содержательные, интересные совещания с архитекторами и строителями Москвы, среди которых выделяются: совещание в Москве, созванное ЦК, МГК и Моссоветом в 1932 году <...> и совещание в 1934 году при ЦК ВКП(б), на котором присутствовали руководители партии и правительства, представители московских организаций и более 50 архитекторов и планировщиков»⁴. В работе комиссий и в совещаниях принимали участие крупные советские архитекторы И.В. Жолтовский, А.В. Щусев, В.А. Щуко, поэтому об изоляции архитектурного сообщества от формирования законодательной базы говорить не приходится. Сам автор мемуаров отмечает, что в 1930-х гг. произошёл расцвет творчества архитекторов.

¹ Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции Москвы» от 10 июля 1935 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сборник документов. Т.2. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 463–476

² КаГАНУ.вич Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста–большевика, профсоюзного, партийного и советско–государственного работника. М., 2003. С.410.

³ Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции Москвы» ... С.464.

⁴ КаГАНУ.вич Л.М. Памятные записки ... С.410.

В самом нормативно-правовом акте подчеркивалось, что основная задача партийных и советских организаций – «строить и создавать высококачественные сооружения для трудящихся, чтобы строительство в столице СССР и архитектурное оформление столицы полностью отражали величие и красоту социалистической эпохи»¹. В последнем пункте указывалось, что переобучение и обучение техническому минимуму необходимо производить без отрыва от производства, следовательно, рабочий должен иметь базовые знания и навыки в области строительства. В 1936 г. в другом Постановлении СНК СССР и ВКП(б) четко прописывалось: «Основой упорядочения строительного дела и удешевления строительства является переход от кустарщины и партизанщины в строительном деле на пути крупной строительной индустрии»². Инженерно-технические работники должны были иметь представления о методах строительства и строительных технологиях возведения зданий, но о самих проектировщиках и архитекторах не говорилось. Прием и контроль качества проектных материалов были возложены на «директора строящегося предприятия». В постановлении указывалась «недопустимо высокая стоимость проектирования», которая не может быть превышена после 1936 г. 1,5–2 % от общей стоимости строительства. Акцент был сдвинут в сторону строительной части работ. Проектное дело рассматривалось как «преграда» в деле развития строительных технологий. Отдельно выделялась главная задача в строительстве – внести и «развить пафос освоения новой техники, добавив к пафосу строительства, решившему задачи первой пятилетки, пафос освоения машин и механизмов»³. Отсутствует упоминание об улучшении проектирования, освоении архитектурных приемов и методов.

Постановления и нормативные документы, в которых не указывались задачи для архитекторов, необходимо было адаптировать для интерпретации

¹ Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции Москвы» ...

² Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства» от 11 февраля 1936 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сборник документов. Т.2. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 495–510.

³ Там же.

профессионального сообщества. Д. Фесенко, анализируя ведущий журнал «Архитектура СССР», приходит к выводу: «логика архитектурного процесса во всей своей противоречивости запечатлевалась на страницах издания независимо от намерений эпохи в лице ее конкретных представителей, ответственных за проведение художественной политики»¹. Безымянные редакционные статьи, по мнению Фесенко, «не подлежащие обсуждению», становились трансляторами политических взглядов «сталинской эпохи». Значит, в таких «безымянных», «редакторских», «передовых» статьях следует искать «отклики» на правовые документы.

В передовой статье журнала «Архитектура СССР» за 1938 г. приводится обращение к архитекторам с призывом плотнее сотрудничать со стройпромышленностью, т. к. архитектор не должен быть обособленным. Подчеркивалось, что «архитектор, как правило, уделяет весьма мало внимания техническому проектированию и изготовлению рабочих чертежей, часто игнорирует сметно-экономические вопросы, увлекаясь эскизным рисованием и "фасадной" архитектурой»². От архитектора требовали, чтоб его творчество реализовывалось сугубо в технической плоскости, т. е. происходило приравнение его к инженерному специалисту. В этой же статье призывали активизировать «работу архитектора на лесах»³. Статус архитектора понижался до рабочего, который обязан выполнять черновую работу. Возможно, таким образом руководство пыталось создать цеховой способ обучения, когда специалист на практике делится своим опытом с необразованным разнорабочим.

В резолюции XVIII съезда ВКП(б) было отмечено, что «основная историческая задача» решена: ликвидированы все эксплуататорские классы и

¹ Фесенко Д. «Архитектура СССР» в контексте архитектурного процесса // Архитектура СССР. 1991. №3. С.46–53.

² За удешевление проектирования и строительства! За высокую культуру стройки! // Архитектура СССР. 1938. № 1. С. 3.

³ Там же.

провозглашена победа социализма на законодательном уровне¹. Старая часть интеллигенции либо отошла от дел, либо «присоединилась к народу и пошла за Советской властью»². Следовательно, в 1935–1936 гг., когда была повышена численность выпуска кадров, формировался основной состав молодых специалистов, которые должны были решать задачи, поставленные партией. Изменяется риторика в профильной периодической печати. Позиционировался уникальный путь советской индустрии: «советский архитектор перестал слепо ходить на поводу у западных "законодателей" архитектурных "мод"»³. В то же время ряд архитекторов обучался за границей, повышал квалификацию и расширял свои профессиональные компетенции⁴.

В последний мирный год перед Великой Отечественной войной было принято Постановление СНК СССР «Об утверждении положения о главном городском архитекторе», которое возложило функции и ответственность за качество выполнения планировочных работ и архитектурное качество непосредственно на главного городского архитектора⁵. Таким образом, градостроительный вопрос со стороны государственных органов оказался решен. Градостроительные проблемы должны были решать «на местах» главные архитекторы, а политика стала только условием для деятельности.

В военные годы в основном решались оборонные и социальные задачи, а текущими становились архитектурные вопросы, которые в разных отдельных городах решались исходя из конкретно сложившейся обстановки⁶. После коренного перелома в Великой Отечественной войне и перехода военной инициативы к СССР потребовалось проведение восстановительных

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.)» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сборник документов. Т. 2. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 557.

² Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии... С. 36.

³ К новым победам! // Архитектура СССР. 1938. № 6. С. 3.

⁴ Паперный В. Культура Два... С. 83.

⁵ О должности главного городского архитектора и его функциональных обязанностей подробно отмечено ниже.

⁶ Согласно Постановлениям СНК СССР «Об образовании Комитета по Делах Архитектуры при Совнарком СССР» от 29 сентября 1943 г. и «О государственном архитектурно-строительном контроле» от 16 августа 1944 г.

мероприятий в экономической, хозяйственной и иных сферах. По мере освобождения советских территорий от захватчиков, согласно Постановлению СНК СССР и ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»¹ архитекторы привлекались для реконструкции объектов экономики и восстановления городской инфраструктуры. По мнению отечественных историков, этот документ ознаменовал важный этап: «Это постановление имело программное значение – оно поставило задачу развернуть работу по ликвидации тяжелых последствий оккупации на всей освобожденной от врага территории, подчеркнуло важное военно-хозяйственное и политическое значение восстановительных работ»².

В послевоенное время социальная политика партии изменилась. В 1946 г. было издано Постановление СМ СССР «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке»³. В этом нормативно-правовом документе указывались только инженерно-технические работники промышленных предприятий и участники строек «индустриальных» министерств. Наряду с этим утверждался план жилищного строительства на 1,5 года, в котором оговаривались объемы строительства жилого фонда и его ценовой диапазон. Установленные финансовые затраты на возведение были недостижимыми, поэтому архитекторам приходилось прибегать к использованию «не соответствующих» качеству строительных материалов, чтоб уложиться в норму, или строить хозяйственным способом, который широко применялся в 1920-е гг., т. к. отсутствовала строительная техника и труд был не

¹ Постановление СНК СССР и ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14 т. Т. 6. М., 1971. С. 65–104.

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество, война. М., 2011. С. 688.

³ Постановление Совета министров СССР «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строе, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» от 25 августа 1946 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сборник документов. Т. 3. 1946–1952 гг. М., 1958. С. 87–89.

механизирован. Снижение стоимости затрат на жилищное строительство было простимулировано: Постановлением Совета министров СССР от 10 мая 1947 г. была утверждена инструкция «О фонде начальника строительномонтажных организаций»¹. Сэкономленные средства со строительномонтажных работ шли в общий фонд, что подстегивало строительный сектор к тотальной экономии, но на практике приводило к ухудшению качества и отступлению от изначального архитектурного замысла. Авторский надзор мог устанавливаться за строительством, финансируемым по государственному принципу, а по линии предприятий и ведомственной линии авторский надзор имел рекомендательный характер. Государственные органы отстранили архитектора с целью удешевления строительства и упрощения возведения зданий. После вступления в силу указа Президиума Верховного Совета СССР² хозяйственным способом в основном разрешалось пользоваться при возведении индивидуальных жилых домов.

Послевоенный период – это время реконструкции городов, восстановления населённых пунктов после разрушений захватчиками и эвакуации (или реэвакуации) промышленных предприятий. Импульсом для составления комплексных («Больших») генеральных планов по реконструкции и развитию инфраструктуры городов стало Постановление Совета министров СССР «О разработке нового генерального плана реконструкции Москвы»³. В документе отмечались положительные тенденции в развитии коммунального хозяйства и планировании города, согласно прежнему генплану 1935 г., но ошибкой была признана малая перспективность (генеральный план реконструкции столицы 1935 г. был рассчитан на 10 лет), поэтому следующий план был выбран с перспективой на 20–25 лет. «В связи с завершением восстановления основных отраслей

¹ Инструкция министерства финансов СССР по применению постановления Совета министров СССР от 10 мая 1947 г. № 1472 «О фонде начальника строительномонтажных организаций» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сборник документов. Т. 3. 1946–1952 гг. М., 1958. С. 200–204.

² Указ президиума Верховного Совета СССР «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» от 26 августа 1948 г. // Директивы КПСС ... Т. 3. 1946–1952 гг. М., 1958. С. 313–316.

³ В Совете министров СССР и ЦК ВКП(б) «О разработке нового генерального плана реконструкции Москвы» от 1 февраля 1949 г. // Директивы КПСС... Т. 3. С. 337.

городского хозяйства Москвы до довоенного уровня созданы необходимые условия для выполнения заданий генерального плана по развитию водоснабжения, канализации, городского транспорта, строительству набережных и усовершенствованных дорог, школ и других культурно-бытовых учреждений»¹. Совет Министров поддержал предложение И.В. Сталина о строительстве в Москве многоэтажных зданий², поэтому в реализации «нового» плана реконструкции требовалось достичь нового уровня творчества: «Означая крупнейшее завоевание и советской техники и советского архитектурного творчества, строительство высотных зданий в свою очередь требует дальнейшего освоения и развития сложных и тонких приемов мастерства»³.

Архитекторы должны были освоить новый способ размещения жилых районов на карте города, а также увязать в своей концепции все элементы, руководствуясь принципом «идейно-художественного единства». В редакторской статье журнала «Советская архитектура» неоднократно подчеркивалось: «Важнейшая творческая задача архитектора – бороться за единство, связывать каждое, даже самое незначительное по размерам сооружение с архитектурным организмом квартала, улицы, набережной, всего города в целом»⁴.

Находившемуся в условиях строгой экономии средств, материалов, ресурсов строительному сектору создали юридические основания для удешевления строительных работ. На четверть предписывалось снизить стоимость работ: «за счет устранения излишеств в проектах и сметах, снижения стоимости строительного монтажа работ, а также снижения оптовых цен на материалы⁵ и оборудование и тарифов на перевозки»¹.

¹ Цит. по: Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О разработке нового генерального плана реконструкции Москвы» от 1 февраля 1949 г. // Техника молодежи. 1949. № 4.С.2.

² Постановление Совета министров СССР «О строительстве в г. Москве многоэтажных зданий» от 13 января 1947 г. // Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – второй половины 1950-х годов... С. 263–264.

³ К новому подъему архитектурного мастерства // Советская архитектура. 1952. № 3. С.3–7.

⁴ К новому подъему архитектуры Сталинской эпохи // Советская архитектура. 1951. №1. С.1–9.

⁵ Очередная попытка экономии строительных материалов, но уже со стороны других ведомств, будет предпринята в 1951 г. См.: Постановление Совета министров СССР «Об экономном расходовании металла, цемента и леса в строительстве» от 27 октября 1951 г. // Директивы КПСС... Т. 3. С. 610–631.

Требовалось на 15 % уменьшить затраты за счет ликвидации завышения объемов и площадей промышленных и гражданских зданий. Исключить 7,5–8 % от общей стоимости, согласно постановлению, возможно при грамотной организации строительных и монтажных работ. В планирующие документы уже закладывалась возможность удешевления, упрощения и отказа от многих «не нужных», в том числе геодезических, работ.

Однако Совет Министров обратил внимание и на оплату труда проектировщиков², которая зависела от общей сметной стоимости строительных работ. Проектировщики вынуждено завышали объемы и расходы на материалы с целью увеличения премиального фонда. Согласно этому решению заинтересованным ведомствам предписывалось составить тарифную сетку по категориям проектных организаций, рассмотреть возможность оплаты труда по стадиям проектирования, а при экономически и технически выгодных проектных решениях оплачивать по повышенному тарифу. Серьезный шаг в развитии проектного дела прописывался в пункте 15: «В целях создания мощных специализированных и территориальных проектных организаций, устранения параллелизма в работе и ликвидации мелких проектных организаций, не обеспечивающих надлежащего качества проектных работ, признать необходимым укрупнить существующие проектные организации»³.

Заинтересованные министерства и ведомства к 1 сентября 1950 г. должны были представить перечень мелких контор для реорганизации или расформирования. Процедура продлилась до 1951 г. В «новом» нормативно-правовом акте Совет Министров постановил: «Утвердить список проектных организаций союзного, республиканского и местного подчинения, осуществляющих проектирование для капитального строительства и

¹ Постановление Совета министров СССР «О снижении стоимости строительства» от 9 мая 1950 г. // Директивы КПСС... Т. 3. С. 484–494.

² Постановление Совета министров СССР «Об оплате проектных работ и упорядочение оплаты труда работников проектных организаций» от 9 мая 1950 г. // Директивы КПСС... Т. 3. С. 495–497.

³ Там же.

содержащихся за счет государственного бюджета, согласно приложениям»¹. Проектные организации, находящиеся в подчинении ведомств и министерств, должны были принять меры по приведению в соответствие с новыми требованиями, а остальные должны были быть ликвидированы. Следовательно, были созданы основные крупные проектные институты, которые могли решать серьезные проблемы архитектурного ансамбля и реализовывать задачи градостроительства. Велась серьезная работа по разработке универсальных принципов архитектуры и городской застройки, которые могли привести к массовому строительству городов и населенных мест. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» ускорило процесс, поэтому необходимо согласиться с заявлением руководящих органов: «Подготовлены квалифицированные кадры рабочих, инженеров и архитекторов, правильно понимающих свои задачи – строительства экономичных зданий и сооружений, отвечающих современным требованиям, и внедрения в строительство индустриальных конструкций и прогрессивных методов работы»². В этом же году принимается Постановление ЦК КПСС «О порядке утверждения проектов планировки и застройки городов Советского Союза» от 24 августа 1955 г., которое должно было улучшить планировку городов, а значит – облегчить работу проектировщикам, но это привело к «приоритетному праву» застройки промышленных предприятий: «По правительственному постановлению генпланы всех городов и поселков, строящихся в районах, где намечается создание группы промышленных предприятий, должны были разрабатываться только на основе проектов районной планировки»³.

¹ Постановление Совета министров СССР «Об укреплении проектных организаций и ликвидации мелких проектных контор» от 6 апреля 1951 г. // Директивы КПСС... Т. 3. С. 571–573.

² Постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8049> (дата обращения: 02.02.2015).

³ Косенкова Ю.Л. Представления о «целостном организме города» в период изменения творческой направленности советской архитектуры // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. М., 2013. С. 15–75.

Таким образом, архитектурная профессия была для советского руководства частью общего строительного сегмента экономики, который должен был реализовывать сугубо функциональное назначение – возведение жилого фонда и промышленных предприятий. В политическом плане архитектор представлял собой инженера, который проектирует городское пространство (в отличие от инженера, который конструирует). Созданные политическим руководством суровые условия, строгая экономия и минимальное использование строительных материалов приводили к порождению новых проблем, которые лежали уже не в технической, а в творческой плоскости. Анализ правовой базы показал, что были четко регламентированы (особенно после социальных потрясений) нормы, выходить за которые было возможно только по согласованию с руководством ведомства, региональных или местных властей. Заявления руководителя партии находили отражение в нормативно-правовом производстве.

Методично «выводили» новый тип специалиста, т. е. воспитывали техническую интеллигенцию, которая должна была решать социальные вопросы советского государства.

1.2 Унификация творческой деятельности советских архитекторов: создание Союза советских архитекторов

Начало объединения архитекторов в единое творческое образование ознаменовало Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г.¹, обозначая новую веху в архитектурной жизни. Постановление касалось писателей: «ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей; <...> объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся почувствовать

¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 173.

в социалистическом строительстве»¹. В документе определялась необходимость в проведении «аналогичных изменений» в других сферах искусства, в том числе среди архитекторов. Произошло разделение не на множество творческих объединений, а на два лагеря: входящих и не входящих в Союз.

Союз советских архитекторов – единая организация, объединяющая архитекторов и специалистов, работающих в архитектурной сфере. Многочисленные архитектурные объединения, возникшие в 1920-х гг. (АРУ, АСНОВА, ОСА и т. д.), представляли собой разнородные конгломераты, которые различались идеями, подходами в проектировании, методами работы. Первая попытка объединить под единым знаменем советской архитектуры была предпринята при создании Всесоюзного (всероссийского) общества пролетарских архитекторов (ВОПРА). Д. Хмельницкий подчеркивает: «Объединило вопровцев членство в партии и желание руководить. ВОПРА, по замыслу организаторов, должна быть чем-то вроде партийного комитета всех советских архитекторов»². По своей форме это партийная организация, которая должна защищать интересы партии и выглядеть как политический институт. Одним из учредителей был К. Алабян³ – архитектор, который в будущем возглавит Союз архитекторов. В 1930-е гг. началось выстраивание командно-административной системы. В. Паперный называет это выстраиванием «иерархизации», т. е. вертикали власти и культуры. Исходной точкой начала механического и физического объединения творческих группировок является указанное Постановление ЦК ВКП(б).

Властные структуры привлекают на свою сторону интеллигенцию для строительства «нового мира и порядка», т. е. единый союз – это объединение не только партийных, но и поддерживающих идеи партии. Третий пункт Постановления предлагал провести аналогичные изменения в других

¹ Там же.

² Хмельницкий Д. Архитектура Сталина... С. 43

³ Печать и революция. 1929. № 6. С. 128.

искусствах. В текст подлинника И.В. Сталиным было внесено: «объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т.п. организаций»¹. Здесь уже определен круг той интеллигенции, которая должна получить свое объединение для выстраивания административно-управленческой системы. В постановлении отмечалась цель этих трансформаций: для исключения «клубности», «закрытости» и для повышения мобильности профессиональных кадров. Организационные моменты решались непосредственно «на местах» конкретными оргкомитетами. Историк архитектуры и градостроительства Т. Самохина отмечает, что реорганизация архитектурных сообществ проходила сложно, и ещё сложнее – подготовка к первому съезду. Съезд – высший руководящий орган Союза, а между съездами эта функция была возложена на правление. Одной из острейших проблем, которая не оставляла Правление Союза, было принятие решения о том, «что должно лежать в основе деятельности Союза как определяющее его направленность – экспериментальная, поисковая практическая работа внутри творческих групп, объединяемых Союзом, – или надо сосредоточить внимание на углубленной разработке историко-теоретических проблем и, в первую очередь, проблемы классического наследия»². Эту проблему долгое время не могли преодолеть архитекторы³. Даже именитые историки отмечают⁴, что это является одним из основных препятствий для выстраивания целостного образа архитектурного сообщества.

На сегодняшний день историки склонны полагать, что это объединение по своей нагрузке не творческое, а «внепроизводственное»⁵. В этой плоскости, возникает вопрос о соотношении представлений власти и

¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»...

² Самохина Т. Из истории формирования творческого Союза зодчих // Архитектор: Интернет-издание Союза московских архитекторов URL: <http://www.archinfo.ru/publications/item/78/> (дата обращения: 21.09.2008).

³ См.: Стенограмма заседания Правления Союза советских архитекторов // Из истории создания Союза советских архитекторов. К 75-летию творческого Союза зодчих. М., 2007. С. 54–67

⁴ См.: Хан-Магомедов С.О. Сталинский ампи́р. Проблемы, течения, мастера // Academia. Архитектура и строительство. 2008. №1. С. 25–35.

⁵ Бирюков А.Д. Создание системы внепроизводственного регулирования творчества советских архитекторов в 1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С.161–164; Яковлева Г.Н. Творчество советских архитекторов предвоенного времени и власть // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М., 2010. С. 25–30.

архитекторов. М.С. Ильченко утверждает, что это создало прецедент, на основе которого возникли взаимовыгодные условия: «в сотрудничестве с государством они ощущали свою сопричастность масштабным социальным изменениям и строительству новой реальности»¹. Идеологическая сетка накладывала свой отпечаток на работу архитекторов. Архитекторы должны были объединиться в целях оказания помощи государству, но сама сложившаяся оргструктура могла принимать в каждом регионе свои формы, действовать по-своему и выполнять различные задачи. Творчество – нерациональная субстанция, поэтому требует определенных объективаций. Административный аппарат не произрастал из среды архитекторов, поэтому ему было бы трудно управлять, если бы не критерии работы: «административному аппарату необходимо пусть примитивное, но ясное и общедоступное понимание существа архитектурной деятельности и того социально значимого продукта, который архитектор как работник системы государственного производства обязан производить»². В этом нельзя не согласиться с М.Г. Мееровичем, но тогда критерии должны лежать не в профессиональном поле. Предположительно, эти критерии складываются в количественных показателях, но не тех, о которых пишет М. Меерович³, а тех, по которым ведется работа (количество выставок, конференций, численность отделения, количество человек, прошедших обучение, и т.д.). Сам архитектор также мог оценить свою работу, но это были совсем другие показатели, поэтому политически необходимо было найти консенсус в определении таких показателей. Это требовало отведения роли и постановки задач перед архитектором со стороны управляющих органов.

К первому Всесоюзному съезду советских архитекторов был подготовлен устав в нескольких вариантах (1936 и 1937 гг.). В первой версии определялось историческое значение Великой Октябрьской революции,

¹ Ильченко М.С. Советские архитекторы и институты власти в 1930–1950-х годах: становление взаимодействия // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 2 (22). С. 87–96.

² Меерович М.Г. Почему был создан Союз советских архитекторов? // Проект Сибирь. № 16. 2003. С. 11–25.

³ См.: Меерович М.Г. Биография профессии. Государственная организация... С. 126–128.

которая предоставила архитектору возможность проектировать целые ансамбли, т. к. появился единственный заказчик, и возводить по проектам новые типы зданий и сооружений жилого, общественного, промышленного, транспортного и сельскохозяйственного назначения. «Это требует от каждого архитектора всесторонних знаний, высокой художественной и технической вооруженности, смелой инициативы и глубокой идейной целеустремленности в работе»¹. В связи с этим архитектор должен быть образованным, иметь багаж знаний двух профилей и идеологически верные взгляды. Подчеркивался социальный статус архитектора: «Организация архитектурного труда в системе творческих коллективов обеспечивает архитектору обстановку постоянной общественной и государственной поддержки и критики, открывает широкую возможность свободного творческого соревнования»². В такой формулировке определяются условия существования самого творческого процесса. Стоит отдельно подчеркнуть, что в этом проекте определялась роль участия архитектора в жизни населения: с одной стороны, архитектор должен «активно содействовать культурному подъему и художественному воспитанию миллионов трудящихся города и деревни»³, с другой – народные массы должны участвовать в обсуждении проектов архитектурно-строительного сектора. Архитектор должен «служить» народу.

В проекте, который был внесен на рассмотрение Первого съезда, были откорректированы формулировки. Во-первых, была усилена роль самого союза: «Такое объединение позволяет теснее связать архитектурную деятельность с политикой партии и советской власти, еще более вовлечь работников архитектуры в социалистическое строительство, что является решающим условием повышения идейности и политической сознательности советского архитектора, его художественного мастерства и технического

¹ Устав Союза советских архитекторов СССР (проект). М., 1936. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 9.

умения»¹. Во-вторых, в новой версии сохранена непоколебимая позиция архитектора в «социалистической реконструкции городов».

В отчете Свердловского отделения перед Правлением ССА встречается показательное предложение, которое выражает мнение архитекторов «сталинского» времени: «Советский архитектор должен руководствоваться своими творческими принципами социалистического реализма, которые сложились, с одной стороны, в результате критического овладения культурным наследием прошлого и, с другой стороны, на основе опыта победоносного строительства социализма и роста социальной культуры»². «Половинчатость» у архитекторов сохранялась в практике и в сознании, но называть критерии узкопрофессиональными нельзя, так же как и внепроизводственными. Осуществлялось критическое освоение не только наследия, но и первого этапа развития советской архитектуры, который получил название «советского авангарда». Согласно Уставу Союза советских архитекторов, во-первых, соцреализм – это не стиль, а метод (которым пользовались все отрасли), т. к. это уже один из способов проектирования и критерий для оценивания. Сами архитекторы это видели так: «Метод социалистического реализма предполагает большое разнообразие выразительных средств архитектуры, допуская применение самых различных композиционных и формальных систем»³. Эпоха конструктивизма все же близка к пониманию стиля. В официально признанном труде о советской архитектуре, который был удостоен высших правительственных наград, автор М.П. Цапенко признавал существование конструктивизма как реализации только одной стороны архитектурной сущности – функциональности, но вместе с тем и отмечал, что это не является «определяющим моментом в процессе становления советского зодчества»⁴.

¹ Устав Союза советских архитекторов СССР (Проект, внесенный на рассмотрение и утверждение Всесоюзного съезда Оргкомитетом Союза советских архитекторов). М., 1937. С. 2.

² РГАЛИ.Ф. 674. Оп. 2. Д. 392. Л. 55.

³ Архитектурные итоги 1940 года // Архитектура СССР. 1941. № 1. С. 1–3.

⁴ Цапенко М.П. О реалистических основах советской архитектуры. М., 1952. С. 70.

Критика – явный признак усвоения материала в той или иной мере¹. Из проекта устава 1937 г.: «В области архитектуры социалистический реализм означает сочетание идейности и правдивости художественного образа с наиболее полным соответствием каждого сооружения техническим, культурным и бытовым требованиям, предъявляемым к нему, с наиболее высокой экономичностью и техническим совершенством строительства»². В этом идейно-идеологическом поле архитектор мог работать и дискутировать, не выходя за рамки. Следовательно, необходимо корректно относиться к заключениям, например, к таким: «советские архитекторы и строители – принципиальные противники ненужных ухищрений в зодчестве»³, которые выявит партия.

Кроме творческих дискуссий находилось место организационным вещам. Спустя год после создания был утвержден печатный орган Союза советских архитекторов – «Архитектура СССР», на страницах которого публиковались теоретические, исторические и эмпирические статьи. В начале большинства номеров публиковались передовые статьи редакции, которые определяли, как необходимо интерпретировать принятые политические решения и какая задача в правовых актах ставилась перед архитекторами. В мартовском номере журнала отмечалось: «каждый архитектор обязан внимательно изучать все материалы и резолюции XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) и VIII сессии Верховного Совета СССР, обязан отдать все свои силы на претворение в жизнь директив партии и верховной власти Советского Союза»⁴. Критика, получившая отражение в этих материалах, должна была стать стимулом к профессиональному развитию. Советские архитекторы, входящие в Союз, должны были четко выполнять возложенные на них задачи: «Союз советских архитекторов

¹ Багрова Н.В. Наследие архитектуры авангарда в критических концепциях XX века. Новосибирск, 2010. С. 66–82.

² Устав Союза советских архитекторов СССР (Проект, внесенный на рассмотрение и утверждение Всесоюзного съезда Оргкомитетом Союза советских архитекторов). М., 1937. С. 2–3.

³ Важнейшая задача архитекторов и строителей // Архитектура и строительство. 1950. № 6. С.1–3.

⁴ Программа Великих работ // Архитектура СССР. 1941. № 3. С. 2.

является носителем коллективного творческого опыта архитектурных сил нашей страны. Поэтому одной из важнейших задач Союза и научных архитектурных учреждений является обобщение этого опыта для наиболее плодотворного использования его практической деятельности»¹.

Внутри Союза должны были быть созданы максимальные условия для ведения профессиональной и творческой работы. Благоприятные условия сопутствовали профессиональному росту и формированию «идеологически правильного» архитектурного сознания. Новосибирские архитекторы в 1957 г. на совещании молодых архитекторов города поднимали вопрос² о возможности давать начинающим архитекторам, не членам и не кандидатам, повышать квалификацию и набираться опыта за счет местного отделения, т. к. только внутри самого союза существуют условия для этого.

Со стороны советского политического руководства были предприняты попытки обеспечения интеллигенции жильем. Первые попытки предпринимались до официального объединения. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О праве пользования дополнительной жилой площадью» от 28 февраля 1930 г. определял категории граждан, которые могли обладать дополнительной жилплощадью: партработники, офицерский состав, герои СССР или труда, изобретатели, научные работники, медработники, заслуженные деятели науки, искусства и техники, художники, писатели и композиторы³. Все профессиональные группы лиц должны были быть на учете соответствующих органов управления или быть членами профессиональных союзов. Архитекторы потенциально могли попасть не по профессиональному профилю, а по социальным характеристикам (лица, страдающие болезнями, работники, занимающие ответственные должности, и пр.). Этот декрет неоднократно подвергался редакции (1930 – 2 раза, 1934 – 2 раза, 1948, 1956, 1981 г.), но представители строительных и архитектурных

¹ XIII пленум правления Союза советских архитекторов СССР // Архитектура и строительство. 1950. № 11. С. 29.

² ГАНО.. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 155 на 80 листах.

³ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О праве пользования дополнительной жилой площадью» от 28 февраля 1930 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2185.htm (дата обращения: 01.04.2015).

специальностей в постановление не вошли по профессиональной линии. Предположительно, технические и инженерные работники должны были получить квартиры в построенных жилых домах «для специалистов», согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постройке домов для специалистов» от 25 марта 1932 г.¹

СНК СССР и СНК РСФСР создавали правовую основу для улучшения жилищных условий советских научных работников², композиторов³, художников и скульпторов⁴, а после войны для офицерского состава армии⁵. Представители творческих профессий должны были входить в состав Союза, чтоб получить право на дополнительную площадь. Распоряжением СНК СССР в 1944 г. удостоили таким правом архитекторов: «Распространить действие Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 марта 1933 г. № 62/503 "Об улучшении жилищных условий научных работников" на архитекторов, состоящих членами Союза советских архитекторов СССР»⁶. Такое решение принципиально не меняло положение архитекторов. Постановление становилось основой для принятия изменений в законы страны, а распоряжение в военное время распространило уже принятое постановление на ещё одну часть населения. Архитекторы с 1944 г. обладали правом «на дополнительную отдельную комнату для занятий, а при отсутствии таковой – на дополнительную площадь в размере не менее 20 кв. метров»⁷. Архитектор, являющийся членом ССА, имел возможность воспользоваться этим правом

¹ Для воплощения этого Постановления в Западной Сибири предполагалось возвести два таких «Дома специалистов» в Новосибирске и Омске. См.: Хиценко Е.В. Социальноэкономические проблемы жилищного строительства городов Западной Сибири в 1930-е годы // Вестник ТГАСУ. 2013. №2. С. 57–65.

² См.: Постановление СНК РСФСР «О жилищных правах научных работников» от 20 августа 1933 г.

³ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «О жилищных правах советских композиторов» от 20 ноября 1933 г., Постановление СНК СССР «Об улучшении жилищных условий советских композиторов» от 2 октября 1933 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3935.htm (дата обращения: 01.04.2015).

⁴ Постановление СНК СССР «Об улучшении жилищных условий советских художников и скульпторов» от 4 февраля 1935 г.; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об улучшении жилищных условий советских художников и скульпторов» от 1 апреля 1935 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4038.htm (дата обращения: 01.04.2015).

⁵ Постановление СНК СССР «Об улучшении жилищных условий генералов и офицеров Красной армии» от 21 июня 1945 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4544.htm (дата обращения: 01.04.2015).

⁶ Распоряжение СНК СССР № 14969 от 21 июля 1944 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4502.htm (дата обращения: 01.04.2015).

⁷ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «Об улучшении жилищных условий научных работников» от 27 марта 1933 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3878.htm (дата обращения: 01.04.2015).

при получении жилой площади, в отличии от своих коллег, не входящих в союз.

В 1934 г. было создано жизненно-важное структурное подразделение, учрежденное Постановлением СНК СССР «Об архитектурном фонде Союза советских архитекторов СССР» от 5 октября 1934 г. № 2340. Основной задачей архфонда является «содействие членам Союза советских архитекторов СССР в улучшении их материально-бытового положения и постоянном повышении их квалификации, а также оказание помощи молодым кадрам»¹. Этот орган занимался всем, что касалось жизнеобеспечения архитекторов и союза: выделял средства на лечение, предоставлял необходимые средства, в том числе канцелярские принадлежности, выдавал путевки в санатории и курорты, закупал литературу и периодические издания и т. д. Однако юридической базы под этими решениями не было, т. к. не определялись конкретные условия предоставления услуг и распределения благ. Многие решалось на совещаниях Архфонда или на совместном заседании с Правлением отделения ССА. «Архитектурный фонд Союза архитекторов осуществляет культурно-бытовые обслуживания архитекторов самостоятельно в ходе отношений»².

В конце второго десятилетия существования Союза во избежание излишних трат и расходования материальных средств было принято Постановление Совета Министров СССР «Об упорядочении хозяйственно-финансовой деятельности Союза советских архитекторов СССР» от 30 октября 1951 г. № 4184. В начале 1950-х гг. начались массовые проверки финансовых и иного рода документов не только в Союзе, но и в управлениях главного архитектора города. Правление ССА было ликвидировано в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 30 октября 1951 г. № 4184, и руководство возлагалось на Управление Архитектурного фонда.

¹ Постановление СНК СССР «Об архитектурном фонде Союза советских архитекторов СССР» от 5 октября 1934г. № 2340 URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16527> (дата обращения: 04.04.2014).

² РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Пояснительная записка.

В структуре управленческого аппарата Союза создавались новые подразделения: в 1946 г. – отдел повышения квалификации и отдел международных связей; в 1948 г. – комиссия по переучёту и учету членов ССА; в 1949 г. – Планово-финансовый отдел¹. Существование этих отделов было эпизодическим, т. к. они выполняли необходимые операции в конкретное время. В эти же годы в отчетах и планах местных отделений появлялись аналогичные параграфы и разделы с соответствующим содержанием.

Такая «идеальная модель» была реализована далеко не во всех отделениях. В основном так выглядели ленинградское и московское отделения. Для творческих встреч и обсуждений текущих вопросов в 1932 г. московское, а в 1935 г. ленинградское отделения получают помещения в собственное пользование. Дом архитекторов в Москве как структурное подразделение дважды менял свой адрес, но в 1937 г. «по решению вышестоящих организаций» Союзу советских архитекторов было предписано переехать в здание французского консульства в Гранатном переулке, дом №7 (автор – архитектор А. Эрихсон, 1896 г.)². РСФСР не имел своей собственной организации, поэтому вся нагрузка перекладывалась на Правление Союза. В связи с этим невольно Дом архитектора в Москве стал «центральным»; в нём могли пользоваться всеми услугами представители не только РСФСР, но и других республик: «С открытием нового Дома архитектора центральное и московское правления ССА СССР получают отличное помещение, отражающее в своем архитектурном решении современное понимание общественного комфорта»³.

В пункте 10-м положения о добровольных обществах и их союзах⁴ отмечалось, что взаимоотношения местных отделений с руководящими органами определяются уставом. Устав Союза неоднократно обсуждался, и

¹ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Пояснительная записка.

² Дежурнова С.Н. Центральный Дом архитектора. М., 2007. С. 5.

³ Ильин Л. Дом Союза советских архитекторов // Архитектура СССР. 1941. № 4. С. 3–6.

⁴ Утверждено Постановлением ВЦИК СНК РСФСР «Об утверждении положения о добровольных обществах и союзах» от 10 июля 1932 года.

утверждение откладывалось, но конкретных технологий работы с местными отделениями не было прописано. Связь с отделениями настраивалась слабо. В конце 1940-х гг. в местные отделения были разосланы информационные письма, целью которых было усиление связи с Правлением Союза. В них рекомендовалось оповещать Правление о любых событиях архитектурной жизни региона и городов. В это же время вводится рецензирование отчетов и планов отделений, которые высылаются ежегодно в адрес Правления.

Необходимо было время для создания центрального структурного устройства, а затем местных отделений. В. Паперный, опираясь на архивные источники фонда Союза архитекторов, отмечал прямую зависимость отделений от центра (в том числе требовалось согласование при проведении любых массовых встреч архитекторов), а в 1934 г. оргкомитет в циркулярном письме потребовал присылать планы и программы созываемых конференций¹. При таком мощном административном сопровождении местные отделения, создаваемые в регионах, не могли быть незамеченными центральными органами управления.

Союз советских архитекторов выполнял ряд задач, как творческого и организационного, так и идеологического характера. Учитывая технологии реализации данного нормативного документа со стороны бюрократического аппарата, отделения Союза советских архитекторов в каждом регионе приобретали свою форму, отражающую особенности и уникальность архитектурной практики данного региона и удаленность от крупных строительных площадок страны. Возможно, развитие Союза в регионах оказалось реальным только при наличии определенных условий и индивидуальной активности заинтересованных архитекторов².

¹ Паперный В. Культура Два. 25 лет спустя. М., 2007. С. 131.

² Данная тема будет освещена в следующей главе.

1.3 Управление архитектурной отраслью в 1930-е – 1950-е гг.: архитектура руководства и руководство архитектурой

Административно-управленческая структура архитектурной отрасли формировалась эволюционистским способом. Законодательство было несовершенным, поэтому региональные власти и местные органы принимали на себя функции, которые не прописывались в нормативно-правовых актах¹. При всей сложности законодательства и неоднозначности принятых решений необходимо определить формальное положение главного городского архитектора в руководстве архитектурно-строительным сектором и выявить роль в архитектурной политике.

Регламентация архитектурного творчества и профессиональной деятельности выстраивалась постепенно, поэтапно в крупных городах СССР. Начиная с принятием решения и реализацией первых мер по генеральному плану Москвы, потребовалось принятие правил застройки, т. к. была высокая опасность стихийной застройки и нерационального размещения особо важных объектов без привязки к инфраструктурному комплексу. Спустя 16 дней после принятия Постановления о генплане Москвы СНК РСФСР издает постановление об утверждении должности городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства². Постановление «Об учреждении должности главного городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства» от 26 июля 1935 г. гласило: «Установить, что, начиная с 1 января 1936 года, новое строительство всех без исключения видов, а также реконструкция, перестройки и надстройка отдельных зданий и сооружений в городах, перечисленных в прилагаемом списке, не может производиться без предварительного в каждом отдельном случае

¹ Региональная практика рассмотрена в следующей главе.

² Перечислялись 39 городов из 25 регионов (республик, краев, областей). В 18 городах уже существовала должность городского архитектора.

согласования с главным городским архитектором»¹. Это положение возлагало на главного городского архитектора широкие полномочия, т. к. в «идеальном» воплощении «все виды строительства» должны согласовываться, а значит, городской архитектор мог влиять на формирование городского пространства и профессиональную деятельность архитекторов города. Полномочия городского архитектора были обширными: уточнение и реализация генпланов города, распределение территории под строительство, выдача заданий и заключений на проектируемый объект. Однако эти технологии предстояло отработать.

Осенью 1935 г. СНК страны советов принимает «Правила о порядке застройки города Москвы»². В утверждённых правилах четко оговаривались возможности возведения путем строительства зданий и сооружений на территории столицы: «Всякого рода строительство, а также закладка зеленых насаждений на территории г. Москвы допускается лишь после утверждения проектов этого строительства Московским Советом или согласования их с Московским Советом в порядке, определяемом особой инструкцией Московского Совета»³. Необходимо пояснить, что особые инструкции создавались для строительства и перестройки значимых сооружений столицы, объектов промышленного или военного назначения, поэтому эти документы описывали особый случай, что выходит за рамки данной работы. Важны два момента в приведенном пункте. Во-первых, должен быть утверждённый проект для внесения в план застройки. Во-вторых, утверждение и согласование осуществляет Московский Совет.

В п. 5 указывалось, что строительные работы должны проводиться на основе архитектурно-планировочных заданий, и, следовательно, эти документы должны оформлять специалисты, входящие в состав Совета. За

¹ Постановление СНК РСФСР «Об учреждении должности главного городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства» от 26 июля 1935 г. URL:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=25105> (дата обращения: 08.09.2012).

² Постановление СНК СССР «Об утверждении "Правил о порядке застройки города Москвы"» от 1 октября 1935 г. URL:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=6961;dst=0;ts=97DE018479071D4F2C546DCF82DE1A67;rnd=0.2375438897870481> (дата обращения: 01.04.2015).

³ Там же.

Советом закреплялось право отвода участков под капитальное строительство по специальным актам. В заключительном пункте Моссовету поручалось издать положение в целях воплощения Правил.

Возможно, предлагаемый для столицы вариант должен был стать примером для других городов в рамках действующего законодательства, т. е. исполкомы должны были взять на себя руководящую функцию.

В 1936 г. вводились единые правила в проектировании капитального строительства, стадиях проектных работ (проектное задание, технический проект к заданию, рабочие чертежи) и содержании проектных документов¹. Для облегчения ведения проектной деятельности были изменены или упразднены 23 постановления. Особо стоит отметить, что в п. 14 упрощенный порядок был установлен, или мог устанавливаться республиками, в отношении проектно-сметной стоимости не более 100 000 рублей, что давало возможность обойти бюрократические процедуры. М.Г. Меерович так определяет положение дел в проектном деле: «Запомнить, удерживать в сознании, согласовать и соотнести все аспекты проектной темы, все знания, все требования к проектному объекту, все нюансы технологического и инженерных решений одному человеку становится не под силу»².

Для более качественного выполнения работы Экономический совет при СНК СССР принял постановление³ о «стимулирующих» выплатах главным архитекторам, авторам проектов по итогам проектных работ. Однако это улучшило положение в финансовом плане и организации, и архитекторов, но качество застройки города оставляло желать лучшего⁴. В эпоху усиленной

¹ Постановление СНК СССР «О порядке составления проектов и смет по капитальному строительству» от 23 мая 1936 г. URL:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=32754;dst=0;ts=97DE018479071D4F2C546DCF82DE1A67;rnd=0.16045015025883913> (дата обращения: 01.04.2015).

² Меерович М.Г. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР (1917–1941 гг.). Иркутск, 2002. С. 105.

³ Постановление Экономического совета при СНК СССР «Об оплате проектировщиков, премировании проектных организаций и о подрядных договорах на проектирование» от 16 марта 1939 г. было принято в развитие Постановления СНК СССР «Об улучшении проектного и сметного дела...».

⁴ Неоднократно о качестве застройки и составления генпланов поднимались вопросы на страницах периодической печати и на совещаниях в органах исполнительной власти.

индустриализации страны вокруг производственных предприятий городов СССР «стихийно» создавались рабочие поселки, жильё в которых возводилось из подсобного материала¹. Совет комиссаров призвал к порядку: «Обязать исполнительные комитеты городских и поселковых Советов депутатов трудящихся организовать через соответствующие отделы коммунального хозяйства <в том числе – главного городского архитектора> охрану находящихся в их ведении земель от самовольного строительства»².

Необходимо отметить, что составление генеральных планов городов не всегда шло по намеченному плану, поэтому требовались более решительные меры. Решением вопросов с упорядочиванием дел по планированию застройки и отводу земель занимались отделы исполкомов, которые не всегда вели единую политику. В 1940 г. вводится положение о главном городском архитекторе³. Организовывалось управление, руководящая роль в котором отводилась главному архитектору и которое должно было заниматься отводом участков, детальным планированием и прочими функциями, направленными на улучшение ситуации в сфере благоустройства и градостроительства. В тех городах, где управление не создавалось, задачи возлагались на отделы коммунального хозяйства в городских органах исполнительной власти. В состав управления вошли группы по детальной планировке города, архнадзора и отвода земельных участков, геодезическая служба и инженерный отдел по подземным сооружениям. При вводе этого постановления предыдущий правовой акт от 26 июля 1935 г. автоматически утратил силу. Новое постановление придало особый статус главному городскому архитектору, который был не в штате отдела коммунального хозяйства, а в самостоятельном управлении, которое принципиально могло

¹ См.: Астафьева М.И. Проектирование и строительство рабочих поселков и новых городов // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы. М., 2010. С. 350–361.

² Постановление СНК РСФСР «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках» от 22 мая 1940 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=32754;dst=0;ts=97DE018479071D4F2C546DC F82DE1A67;rnd=0.16045015025883913> (дата обращения: 01.04.2015).

³ Постановление СНК СССР «Об утверждении положения о главном городском архитекторе» от 4 сентября 1940 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=27713> (дата обращения: 01.04.2015).

исправлять ситуацию. Созданное управление позволяло главному горархитектору использовать всю полноту своих возможностей и реально обладать широкими полномочиями, а значит – нести ответственность «за планировку, застройку и архитектурное оформление города»¹. Правительство больше к этому вопросу не возвращалось до 1943 г. В этом году был создан Комитет по делам архитектуры при СНК СССР, а также в органах власти на республиканских, краевых, областных и городских уровнях². В соответствии с этим решением при городских архитекторах учреждались архитектурные комиссии; там, где такая должность главного городского архитектора не была введена, комиссии вводились по особым спискам, утверждённым СНК СССР. Одна из задач, возложенных на Комитет по делам архитектуры СССР, выходила за рамки функциональной системы: «наблюдение и контроль за творческой деятельностью архитектурно-проектных организаций вне зависимости от их подведомственности»³. Необходимо подчеркнуть, что эта задача вводилась наряду с «утверждением проектов планировки». Если подобные комитеты вводились на всех уровнях исполнительной власти, то и функции должны реализовываться на всех уровнях. Конечный результат производственной работы архитектора – это проект, который должен согласовываться с главным архитектором города, но творческие предпочтения должны были формироваться под воздействием идеологического воспитания Союза советских архитекторов. Можно предположить, что такое решение было связано с тем, что под влияние политики попали все архитекторы, включая и не входивших в союз. Важным моментом является дата принятия постановления, когда уже произошел коренной перелом в Великой Отечественной войне, поэтому поручения правительства Комитету были связаны с налаживанием нормальных условий

¹ Там же.

² Постановление СНК СССР «Об образовании Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР» от 29 сентября 1943 г. URL:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=34485;dst=0;ts=FAF2E177FB59AFD3B67756A2D553BB7A;rnd=0.09812707756645977> (дата обращения: 01.04.2015).

³ Там же.

жизни в городах, строительством бытового и культурного обслуживания населения, созданием новых строительных материалов для оперативного возведения жилых объектов и реконструкции памятников.

В соответствии с Постановлением Совнаркома РСФСР¹ был принят ряд мер, направленных на создание отделов по делам архитектуры при исполкомах городов (в том числе новосибирского) и организацию устойчивой работы. Полномочия и задачи были идентичны тем, которые назывались в советском постановлении, в сентябрьском же отсутствовало одно поручение Комитету РСФСР: разработка и внесение на утверждение «проектов планировки и застройки крупнейших городов, а также проектов крупнейших сооружений»². Разъяснения по этому поводу не были отражены в периодической печати и поднормативных актах, поэтому можно предположить, что реконструкция городов была отведена на уgodу непосредственно высшему руководству, которое решало какие города имеют первостепенное значение. После окончания Великой Отечественной войны Совет Комисаров РСФСР примет постановление «О проектах планировки городов и поселков РСФСР»³; Совет в очередной раз подтвердит создание генплана в начале работ по проектированию города, а после – детальной разработки. Будет составлен список городов, которые должны были представить на утверждение СНК РСФСР свои генпланы. В этот список не вошли только те города, генпланы которых утверждаются Совнаркомом СССР, например, Ленинград, Москва. Ю.Л. Косенкова заметила, в какое положение поставила власть главного архитектора: «Главный архитектор оказался как бы между двумя жерновами, каждый из которых в равной степени двигался интересами государственности: генпланом, якобы точно

¹ Постановление СНК РСФСР «Об образовании Управления по делам архитектуры при Совнаркоме РСФСР» от 21 декабря 1943 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=28295;dst=0;ts=E982C88BCE99946298CE27C0AB01CFC8;rnd=0.27683906885795295> (дата обращения: 01.04.2015).

² Постановление СНК СССР «Об образовании Комитета по делам архитектуры при Совнаркоме СССР»...

³ Постановление СНК РСФСР «О проектах планировки городов и поселков РСФСР» от 9 августа 1945 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=20346> (дата обращения: 01.04.2015).

определявшим будущее города, и неотложными хозяйственными задачами, важность которых не подлежала обсуждению»¹.

Совнарком РСФСР передал Управлению госстройконтроль (вывел из прямого подчинения СНК), отдел по охране памятников архитектуры (из Наркомпроса РСФСР), управление главных городских архитекторов (из Наркомхоза республики). С принятием этого постановления завершился этап формирования института городских архитекторов как самостоятельного политического органа. После следует этап организационного структурирования: в Комитет вводится Управление архитектурно-строительного контроля; на местном уровне в состав Управления главного архитектора вводится соответствующая инспекция². В победном мае республиканский совет комиссаров установил оргструктуру отделов по делам архитектуры при исполкомах городов республиканского подчинения³.

В целях поддержания инженерно-технических работников Совет министров СССР в 1951 г. принял ряд постановлений и распоряжений. В этом же году была принята номенклатура должностей и их тарифов, отделов и управлений главных городских архитекторов⁴.

После смерти И.В. Сталина и прихода к власти нового государственного лидера – Н.С. Хрущева – политический курс изменяется в том числе и в архитектурно-строительной сфере: издаются Постановления Совмина СССР и ЦК КПСС «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (от 4 ноября 1955 г.) и СМ РСФСР «О мероприятиях, связанных с упразднением Государственного комитета Совета министров РСФСР по делам строительства и архитектуры» (от 12 июня 1957 г.). Эти два правовых документа ознаменовали завершения «сталинской» эпохи в архитектурной и строительной политике государства.

¹ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов ... С. 144.

² Постановление СНК СССР «О государственном архитектурно-строительном контроле» от 16 августа 1944 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8828> (дата обращения: 01.04.2015).

³ В период с 1943 г. по 1951 г. была категория городов Российской СФСР отнесенные в республиканское подчинение, в том числе Омск и Новосибирск.

⁴ Распоряжение Совета министров СССР «О должности главного архитектора города» от 6 ноября 1951 г. № 21232 URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=24479> (дата обращения: 01.04.2015).

1.4 Главный городской архитектор: региональное администрирование

Регламентация архитектурного творчества и профессиональной деятельности в крупных городах СССР выстраивалась постепенно в два этапа. В структуре местной власти вводятся специальные отделы и подразделения, которые должны были проводить политику «на местах». Постановление «Об учреждении должности главного городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства» от 26 июля 1935 г. гласило: «Установить, что, начиная с 1 января 1936 года, новое строительство всех без исключения видов, а также реконструкция, перестройки и надстройка отдельных зданий и сооружений в городах, перечисленных в прилагаемом списке, не может производиться без предварительного в каждом отдельном случае согласования с главным городским архитектором»¹. Это положение возлагало на главного городского архитектора максимально возможные полномочия, т. к. в «идеальном» воплощении «все виды строительства» должны согласовываться, а значит, городской архитектор мог влиять на формирование городского пространства и профессиональную деятельность архитектора. Полномочия городского архитектора были обширными: уточнение и реализация генпланов города, распределение территории под строительство, выдача задания и заключения на проектируемый объект.

В некоторых городах существовали отделы коммунального хозяйства, где при необходимости были введены в состав профессиональные архитекторы, поэтому рядом с указанным городом в скобках указывалось – существует. В прилагаемом списке к постановлению под № 19 значился Омск (существует), а под № 34 – Новосибирск (существует). Однако возложенные обязанности были огромными: одно должностное лицо не

¹ Постановление СНК РСФСР «Об учреждении должности главного городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства» от 26 июля 1935 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=25105> (дата обращения: 08.09.2012).

могло выполнить весь объем поставленных работ, поэтому потребовалось положение о главном городском архитекторе, которое не запрещало создание управления главного архитектора. Взамен предыдущего постановления Совет народных комиссаров РСФСР издал новое – «Об утверждении положения о главном городском архитекторе» от 4 сентября 1940 г. № 693¹. Вышестоящей организацией назначался городской совет депутатов, который при санкции Наркомхоза РСФСР имел право утверждать и освобождать от должности главного архитектора, устанавливать штат аппарата и регламентировать бюджет. В «Положении» более четко прописывались задачи главного архитектора, вместо шести пунктов было введено десять. Примечателен пункт «е», который стал основанием для создания экспертной комиссии по утверждению проектов – «участие <главного городского архитектора> в комиссиях по приемке сдаваемых в эксплуатацию зданий и сооружений». Главный городской архитектор становится председателем такой комиссии и принимает окончательное решение, что определяет его статус. Однако окончательная штатная структурная сетка формируется и реорганизуется при запросе главным архитектором и с учетом решений городского управленческого аппарата.

В городском архиве Новосибирска в 2002 г. была проведена переработка описей и дел в фонде Главного управления, т. к. из Государственного архива Новосибирской области были переданы документы и дела за 1940–1976 гг.², которые находились в розыске специалистами архива, поэтому фонд был укомплектован делами, начиная с 1940 г. и по настоящее время. Такая информация дает основания для выстраивания целостной картины.

В высланной в адрес Новосибирского горисполкома копии «Положения о главном городском архитекторе» карандашом выделены два пункта в полномочиях, которые возлагаются на главного архитектора: «<...>

¹ Постановление СНК РСФСР «Об утверждении положения о главном городском архитекторе» от 4 сентября 1940 г. № 693 URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=27713> (дата обращения: 08.09.2012).

² НГА. Ф. 584. Оп. 1. Предисловие к описи. На 3 лл.

рассмотрение и дача заключений в частности планировки и архитектурного оформления по всем без исключения проектам строительства и реконструкции существующих зданий и сооружений <...>; наблюдение за точным выполнением строительства в соответствии с утвержденными проектами планировки, застройки и архитектурного оформления»¹. Эти две проблемы наиболее остро стояли перед архитекторами города² того времени. Организационный этап затянулся до 31 декабря 1942 г., когда было принято решение № 1234 Исполнительного комитета Новосибирского городского совета депутатов трудящихся, которым утверждались «Положение о гл. архитекторе» и другие положения служб (о геослужбе, о геосекторе, о проектно-планировочном бюро, о бюро по регулированию подземного хозяйства и уличном развитии, об экспертном совете)³. Также этим решением утверждалась структура управления, персональный состав⁴ и распределение работы между управлением главного городского архитектора и экспертно-техническим советом. Все доработки и предложения для оптимизации работы возложили на А.М. Дворина.

Положением об управлении главного городского архитектора при Новосибирском горисполкоме определялся следующий состав: сектор детальной планировки, архитектурного надзора и отвода участков; бюро по регулированию подземных сооружений и уличных развитий; геодезическая служба с производственным сектором (состоящие из хозрасчетных единиц); проектно-планировочное бюро; геодезическая контора⁵. Рычаги воздействия были серьезно проработанными. Главное управление могло запретить строительство или отозвать финансирование⁶. Но за весь спектр работ отвечал только главный архитектор, вне зависимости от того, какая служба

¹ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1. Л. 2

² Необходимо оговорить, что в списке городов, где должна быть введена должность главного городского архитектора по Новосибирской области кроме административного центра указаны следующие города: Сталинск, Кемерово, Томск, Прокопьевск. См. НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

³ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁴ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 506. Л. 123.

⁵ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁶ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 3. Л. 2об.

или отдел выполняли работу. Штат и размер оплаты труда¹ определялся самим главным архитектором. В 1943 г. количество штатных единиц сократили до семи (первоначальное количество установить не удалось)²: главный городской архитектор, главный инженер Управления, инженер–землеустроитель, начальник геологической службы, инженер–геодезист, заведующий планохранилищем, управдел–машинистка³. Остальные, кто остался за штатом, «будут находиться на самоокупаемости, за счет спецсредств»⁴. Главный городской архитектор Дворин в этом же документе, направленном в областной финансовый отдел, указал на юридическое положение его управления: «Действительно, может ли городской Архитектор и его рабочий аппарат, являясь государственным регулирующим органом, быть на хозрасчете, следовательно <, > в некоторой зависимости от заказов, поручений и т.д. Мы считаем <—> не может и не должен»⁵.

Решение об утверждении положения о главном архитекторе и управлении было принято своевременно, т. к., в связи с осложнившейся обстановкой, связанной с эвакуацией предприятий и населения, потребовалось экстренное определение и выделение территорий для строительства жилого фонда и промышленно-складских помещений⁶. А.М. Дворин предлагал корректировку генерального плана развития города с целью реализации указанных изменений, что потребовало дополнительных финансовых расходов. Однако «отписка», которая была сделана на второй свободной половине листа записки, свидетельствовала, что чиновник не поддерживал дополнительных трат. Управление главного архитектора города подготовило проект решения исполкома города для выделения специальных финансовых средств, где сумма была скорректирована в меньшую сторону⁷.

¹ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 3. Л. 6об.

² НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

³ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

⁴ Там же.

⁵ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁶ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 2. Л. 3

⁷ Там же. Л. 5

Горисполком поддержал его решением № 383 и выделил на первое полугодие 1943 г. сумму в размере 40 000 рублей¹.

А.М. Дворин точно выполнил план на 1943 г., где обосновал расход выделяемых средств². Не менее полным был и отчет о проделанной работе³. Такой порядок был определен Приказом № 81 Главного городского контролера РСФСР по строительству от 23 декабря 1943 г.⁴ Сравнительный анализ планирующих документов и годового отчета показал, что главный городской архитектор смог не только правильно распределить средства, но и наиболее оптимально распределить обязанности между своими должностными лицами в экстренных условиях.

Любые предложения по изменению облика города должны были согласовываться и утверждаться аппаратом главного городского архитектора. Например, в 1948 г. велось обсуждение о памятнике к 30-летию Великой Октябрьской революции. Завод № 520 Министерства цветной металлургии обратился к главному архитектору города с заказом услуг по проектированию и составлению необходимых схем⁵. Новосибирская группа Горстройпроекта подготовила схему расположения будущего монумента на территории заводского комплекса, потребовала разработки не только предзаводской площади, но и корректировки транспортного узла, который прилегал к площади завода⁶. Фотографии макета монумента⁷ были сделаны со всех сторон, поэтому можно оценить качество выполнения. Монумент предлагалось сделать многогранным в виде символов достижения советского государства, олицетворяющих труд рабочего; на постаменте размещены барельефы, освещающие историю трех десятилетий, четвертое панно не имело никаких изображений. Венчают композицию знамена революции.

¹ Там же. Л.6

² НГА. Ф. 584. Оп.1. Д.4. на 10 л.

³ НГА. Ф. 584. Оп.1. Д.5. на 10 л.

⁴ НГА. Ф. 584. Оп.1. Д.6. Л.22–22об.

⁵ НГА. Ф. 584. Оп.1. Д.36. на 8л.

⁶ НГА. Ф. 584. Оп.1. Д.36. Л.8.

⁷ Там же. Л.3–6.

Однако о дальнейших решениях по поводу реализации проекта в делах и протоколах заседаний информация отсутствует.

Благодаря сохранившимся документам и архивным поискам новосибирские исследователи смогли восстановить персональный порядок замещения должности главного городского архитектора Новосибирска с 1911 г., когда была введена должность главного инженера, и до 2003 г.¹ В отличие от омской ситуации, новосибирская практика сохранила профессиональную специфику: главными архитекторами г. Новосибирска становились те, чье творчество совпадало с вектором развития советской архитектуры. К примеру, в 1938–1941 гг. эту должность занимал К.Е. Осипов – приверженец постконструктивизма², который господствовал во второй половине 30-х гг. Г.Ф. Кравцов (1951–1954 гг.) использовал в своей практике лучшие мотивы классического наследия для реализации идей Триумфа Победы советского солдата в Великой Отечественной войне. Годы работы Кравцова на должности руководителя Управления совпали с разработкой основных больших архитектурных форм и строительством высотных зданий в Москве.

Должность главного архитектора города в Омске вводилась также на основе указанных выше постановлений СНК РСФСР, но активная фаза работы начиналась также с 1940 г. Сложность в изучении деятельности отдела главного архитектора города вызывает отсутствие в фонде Исторического архива Омской области распорядительных документов с 1940-го по 1950-е гг. Первые документы были сданы в 1960-е гг., розыск недостающих документов, как сказано в пояснительной записке к фонду, объявлен и будет дополнен в других описях, но до сегодняшнего дня этого не было сделано. Фонд был основан после 1943 г. (Постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 2 декабря 1943 г. № 996 упраздняло управление, взамен создавало Отдел по делам архитектуры) и позже 1956 г. (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 сентября 1955 г. № 312/3

¹ Энциклопедия Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 205.

² Значение термина см.: Хан–Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1. М., 1996. С.667.

и Распоряжение Совета министров РСФСР от 2 марта 1956 г. № 650-р), поэтому название фонда соответствовало последним редакциям: «Омский городской отдел по делам строительства и архитектуры».

В связи с этим в реконструкции деятельности омского управления главного архитектора города будет использована другая методика и источниковая база. Самостоятельная реконструкция списочного перечня главных городских архитекторов оказалась неполной, т. к. в открытой периодической печати и более поздних научных исследованиях информация очень скудная. В фонде содержатся многочисленные протоколы заседаний экспертно-технического совета, из чего можно сделать вывод, что этот орган существовал не только «на бумаге», а вел оперативную работу с проектирующими конторами и заказчиками. Также сохранились архитектурно-планировочные задания, которые составляло непосредственно руководство отдела¹.

Президиум Омского городского совета своим Постановлением № 1591 от 3 ноября 1935 г. создал планировочную комиссию для урегулирования дел по отводу земельных участков для строительства. В состав комиссии входили: от Горкомхоза – начальник городского коммунального хозяйства (один из заместителей геодезического, жилого сектора или благоустройства отделов), от Горплана – конструктор по планированию города, от пожарной охраны – инспектор, от государственной санитарной инспекции – горинспектор, от райсоветов – по одному представителю от каждого, от Облкомхоза – один представитель, а также представители от крупных проектных организаций². Также этим постановлением во исполнение циркуляра ЦККХоза создавалось Управление городского архитектора в 1936 г., в которое включили планировочную комиссию. Саму должность главного городского архитектора при Президиуме Горсовета утвердили с 1 октября 1936 г.³

¹ КУ Иса. Ф. 477. Оп. 1. Д. 1 на 277 листах.

² КУ Иса. Ф. 235. Оп.2. Д. 51. Том 1. Л.28.

³ КУ Иса. Ф. 235. Оп.2. Д.116. Л.49.

Существовала в Управлении инспекция Государственного архитектурно-строительного контроля города. Начальник этой инспекции составлял отчеты ежеквартально и по итогам года. Отчет состоял из десяти пунктов, девять из которых были обязательны для исполнения, а последний, фотографии построенных объектов, – рекомендуем. Отчеты, составленные в начале 1950-х гг., представляют собой информативный источник для изучения работы инспекции. Начальник инспекции Н.Л. Эйхлер отметил в годовом отчете за 1950 г.: «Штата до сего времени нет. В продолжение шести лет работаю один, а раньше имел *штат* <дописано> 6 чел. <...> Подконтрольных объектов 199. Крупных государственных подрядных организаций <,> производящих строительство подконтрольных объектов 7, не считая отделов кап. строительства заводов, ведущих строительство хоз. способом»¹. Начальник инспекции не имел юридических оснований применять взыскания за выявленные нарушения строительного законодательства. Начальник активизировал работу непосредственно с заказчиками, чтобы избежать нарушения на начальной стадии: «Ввиду отсутствия у меня инспектуры /работаю один/ имею связь с техническим надзором заказчиков, которые о всех крупных дефектах мне сообщают»².

В отдельных случаях для проведения работ по обследованию технического состояния крупных административных или общественных зданий специальным постановлением Президиума Омского городского совета рабочих, крестьян и красноармейских депутатов могла быть создана техническая комиссия, куда входили председатель, как правило, из Президиума, Госконтроль, инспектор из пожарного управления, санинспектор, специалисты из Омпроекта и главный архитектор³.

В 1944 г. произошли существенные изменения. В соответствии с Постановлением СНК РСФСР № 996 от 2 декабря 1943 г. и решением исполнительного комитета городского совета № 776 от 26 мая 1944 г.

¹ КУ ИСА. Ф.477. Оп.1. Д.3. Л. 26.

² КУ ИСА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 10. Л. 45.

³ Например см.: КУ ИСА. Ф. 235. Оп.2 . Д. 135. Л. 125.

расформировывается экспертный совет при Горкомхозе и утверждается архитектурная комиссия города Омска¹ при непосредственном подчинении главному архитектору. На комиссию возложили обязанность рассматривать и утверждать проектные работы свыше 50 000 рублей. Состав комиссии на 1944 г.: Макеров В.И. – председатель комиссии, исполняющий обязанности главного архитектора, Зутис П.П. – инженер, начальник Областного отдела по делам архитектуры, Эйхлер Н.Л. – инженер, Госстройконтролер города, Бутырин Д.С., Голенко П.С., Степанов Е.А. из Союза советских архитекторов².

В Управлении также работал архитектурный совет, который был организован после реформ 1954 г. Совет интенсивно проводил заседания, особенно часто в середине 1950-х гг. под председательством главного городского архитектора Б.В. Антипова³. В него входило не менее 10 архитекторов из разных проектных контор и бюро, а также 13 инженеров. Этот вывод сделан исходя из среднестатистической численности присутствующих на заседании. Важным событием было заседание Архсовета 28 июля 1955 г., на котором обсуждалась планировка центральной части города⁴. Примечательно, что среди архитекторов первой вслед за фамилией председателя стоит фамилия В.И. Кочедамова. Он родился в Омске в 1912 г., окончил в 1931 г. архитектурное отделение Омского художественно-промышленного техникума им. М.А. Врубеля⁵. Однако в многочисленных энциклопедических статьях⁶ и электронном издании, посвященном 100-летнему юбилею со дня рождения⁷ заметного советского историка

¹ КУ Иса. Ф. 235. Оп. 2. Д. 222. Л. 173

² КУ Иса. Ф. 235. Оп. 2. Д. 222. Л. 173 об.

³ КУ Иса. Ф. 477. Оп. 1. Д. 71 на 52 листах.

⁴ КУ Иса. Ф. 477. Оп. 1. Д. 71. Лл. 1–6.

⁵ Пугачева Н.М. Кочедамов Виктор Ильич // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 121.

⁶ Кроме указанной см.: Слабуха А.В. Указ. соч. С. 150; Энциклопедия Омской области. В 2 т. Омск, 2010. I том (А–М). С.507; Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. II. С.160; Барутчев А.К. Ученый и воспитатель. Памяти В.И. Кочедамова // Строительство и архитектура Ленинграда. 1971. №5. С. 34.

⁷ Виктор Ильич Кочедамов. Труды по истории градостроительства. К 100-летию со дня рождения [Электронный ресурс] / сост. В. Наумов. – СПб., 2012. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows XP; дисковод DVD-ROM.

архитектуры, отсутствует информация о каком-либо его участии в проектной работе и в работе архитектурного совета. Можно было бы предположить, что это случайность, но встречается еще одно свидетельство того, что архитектор принимал участие в разработке плана развития города. В соответствии с положением архитектурно-планировочное задание выдавалось в двух экземплярах, на одном из них должна быть поставлена подпись того, кто его взял для разработки или выполнения. Такой экземпляр сохранился – «Архитектурно-планировочное задание на составление проекта детальной планировки и застройки ул. К. Маркса в г. Омске», ниже подпись ручкой: «Получил Кочедамов 16/ХП-49 г.»¹. Архитектор В.И. Кочедамов – «не случайный человек» в городе. Он был сокурсником Е.А. Степанова, Е.А. Семенова, знал знаменитого омского краеведа А.Ф. Палашенкова. С ними он контактировал и обменивался мнениями при написании своего труда «Омск. Как рос и строился город»². Доказательствами могут служить дарственные надписи, сделанные в начале книг. В Отделе редкой книги и рукописей Омской научной публичной библиотеки им. А.С. Пушкина в личном фонде ученого находится экземпляр книги с надписью на форзаце: «Дорогому Андрею Федоровичу Палашенкову с благодарностью за помощь при работе над этой книгой Кочедамов 23/П 61». В архиве музея истории института «Омскгражданпроекта» книга по реестру под номером 51 – экземпляр из личной библиотеки Е.А. Степанова. На титульном листе: «Евгению Александровичу Степанову с благодарностью за оказанную помощь Кочедамов 16/IX 61». Этот факт подтверждает, что Кочедамов, работая в Ленинграде, поддерживал связь с представителями омской интеллигенции.

Вернемся к непосредственным делам управления. Советы, комиссии, отделы реорганизовывались, расформировывались, но должность главного городского архитектора была неизменной. Назначение главного архитектора осуществлялось при участии или согласовании с областным советом, но не

¹ КУ Иса. Ф.477. Оп.1. Д.1. Л.89–91

² Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. Омск, 1960. 112 с.

всегда в официальных документах указывалась фамилия. Благодаря результатам поисков в уже утерянных ведомственных архивах искусствоведа О.В. Белана и сопоставления найденных отраслевых делопроизводственных документов и справочных материалов историков архитектуры удалось установить очерёдность замещения должности главного архитектора Омска в рассматриваемый период. В отличие от новосибирской ситуации, где порядок замещения должности «главного городского архитектора» удалось установить документально¹, омские реалии показывают обратное, поэтому, основываясь на косвенных данных, была сделана реконструкция. Итоги поисков представлены в Таблице 1.

¹ См.: Филиппов В.Н. Главные архитекторы города Новосибирска // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 205.

Таблица 1. Главные архитекторы города Омска с 1936 по 1969 гг.

Главные городские архитекторы	Период замещения должности	Юридическое основание
Зутис Петр Петрович (1897–1977)	С 1 октября 1936 г.	Постановление Омского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 07 сентября 1936 г.
Поздняков Виталий Николаевич (1887–1950)	С 1937 по 1939 гг. ¹	Решение Омского облисполкома от 20 сентября 1939 г. «О создании отдела капитального строительства и ввода должности»
Фридман Даниил Федорович (1887–1950)	С 1941 по 1943 гг.	Н/д
Степанов Евгений Александрович (1910–1985)	С 1943 по 1944 гг.	Утверждение прошло в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 21 декабря 1943г.
Макиров Владимир Иванович (н/д)	С 1944 по 1947 гг.	Решение Омского городского совета от 20 августа 1944 г.
Капустин Георгий Александрович (1910–1996)	С 1947 по 1955 гг.	Н/д
Антипов Борис Владимирович (1914–2003) ²	С 1955 по 1969 г. ³	Решение Омского городского совета от 14 июня 1955 г.

Примечательно, что среди этого ряда фамилий один человек является не архитектором, а инженером. Владимир Иванович Макиров – инженер геодезического сектора, один из участников разработки схем планировки и

¹ Слабуха А.В. Указ. соч. С. 270.

² В Орле отметили 100-летний юбилей известного архитектора Бориса Антипова URL: <http://gorodskoportal.ru/orel/news/official/8244902/> (дата обращения: 09.09.2014).

³ Решение Орловской городской Думы от 25.07.1996 № 18/028-ГД «О присвоении звания "Почетный гражданин города Орла" Антипову Борису Владимировичу» URL: http://oryol.news-city.info/docs/sistemst/dok_oeqklz.htm (дата обращения: 01.12.2014)/

карт города¹, работал в Управлении архитектуры по специальности инженерная вертикальная планировка². Стаж работы в Управлении помог инженеру работать в должности главного городского архитектора с 1944 по 1947 гг. Однако П.В. Радищев отмечал, что Макиеров отводил земляные участки в центре города, исходя не из композиционных и градостроительных замыслов, а из особенностей и технических возможностей грунтов³. Специалист с инженерным образованием не видел необходимости в «архитектурных украшениях», поэтому, как вспоминал Радищев, проекты архитекторов А. Юмакаева, П. Голенко, Е. Степанова согласовывались после устранения «башенных завершений и шпилей»⁴.

От должности главного архитектора зависело в том числе качество застройки. Главный архитектор города Омска (1947-1955 гг.) Г.А. Капустин на совещании по вопросу улучшения качества застройки и архитектуры крупных промышленных центров РСФСР (г. Москва, 3 февраля 1953 г.)⁵ прямо и жестко оценил условия, в которых приходится работать Отделу по делам архитектуры в Омске. Основными застройщиками города являются Союзные министерства, предприятия которых расположены в городской черте. Чтобы не проходить фильтр советов и утверждений главного городского архитектора, министерства разбивают строительство по этапам так, чтобы в одной смете не было затрачено более 5 млн. рублей (максимальная проектная сумма, которую имеет право утверждать министерство), и строят поэтапно, что негативно сказывается на ансамбле и облике кварталов. Таким образом, упрощается процедура утверждения: она согласуется с местными органами, т. е. главным архитектором, и утверждается министерством, минуя Управление по делам архитектуры РСФСР. Найдя оптимальный выход из положения, главный архитектор

¹ Принимал участие в разработке карты города 1940 г. и 1941 г.

² Белан О.В. Архитектура Омска XX века и деятельность главных городских архитекторов. Омск, 2000. С. 163 (рукопись) // Фонд искусствоведа О.В. Белана. Текущий архив ВООПИиК.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ ГА РФ. Ф. А-150. Оп. 2 Д. 724 на 60 л.

города «в целях более квалифицированного решения вопроса архитектурной трактовки здания, планировочных вопросов экспертизу проводит следующим образом: в связи с отсутствием аппарата, представленного специально для решения проектирования, это дело подменяется исключительно общественными просмотрами»¹. Эти замечания Капустин подтверждает фактом: он приводит пример с жилым комплексом на ул. Герцена, где каждый год утверждалось по дому, поэтому в первой очереди здание имело качественную облицовку, в виде цветной штукатурки, а в последней – без штукатурки.

Еще одно резкое замечание со стороны Капустина было высказано в связи со строительством многоэтажных зданий на главных магистралях – в то время многоэтажными домами называли капитальные здания выше 4–5 этажей – в центре города при отсутствии утверждённого плана его развития: «Мы имеем директивы – без детальных проектов категорически запрещается строить. Спрашивается, на основании чего базируется при застройке центра и главных магистралей»². Главный архитектор добавил: «Мы тут перешли незаконный путь»³. Архитектор оказался в безвыходной ситуации: многоэтажные здания возводились рядом с промышленными предприятиями по окраинам города, т. к. генеральный план города не был утвержден и медленно разрабатывался, а Госстрой предписывал возводить в центре. Главный архитектор города не оставил без внимания и дистанционное проектирование. Если в проектных организациях, о которых упоминалось выше, архитекторы своими силами решали такие проблемы, то здесь управление главного архитектора предложило вопрос для обсуждения. «Если <следует читать – *есть*> такая организация "Нефтезаводпроект", есть архитектурная мастерская им. Веснина, по проектам которых в г. Омске в ближайшие годы должно быть построено несколько сотен тысяч квадратных

¹ ГА РФ Ф. А–150. Оп. 2 Д. 724. Л. 38.

² ГА РФ Ф. А–150. Оп. 2 Д. 724. Л. 42.

³ Листы стенограммы в деле перепутаны. Поэтому речь выстраивалась согласно внутренней нумерации, но ссылки даны в соответствии с архивной постановкой листов. ГА РФ Ф. А–150. Оп. 2 Д. 724. Л. 41.

метров жилой площади. Такие проектные организации не представлены в г. Омске ни единым человеком. Если говорить о помощи местным органам по делам архитектуры, то нужно заставить такую солидную организацию, так много обеспечивающую документацией строительство в г. Омске, все-таки свою резиденцию в городе иметь»¹. Отсутствие внимания со стороны руководящего состава Управления по делам архитектуры и строительства РСФСР приводило к сложным ситуациям «на местах», поэтому Капустин задавал вопросы исходя из практического опыта. Возможно, этот вопрос был решен именно после указанного совещания.

В Омске был создан филиал Гипронефтезавода, который непосредственно был задействован в проектировании нового городского образования «Городок нефтяников» при Нефтеперерабатывающем заводе. Архитектор филиала Г.П. Первушина отмечала просчеты архитектурно-планировочной мастерской им. Веснина в потребности жилой площади, что привело к «беспорядочной застройке строительной организации (Омкстрой)»², и указывала на некорректную разработку транспортных узлов. Анализируя ход развития событий, можно прийти к выводу, что Г.А. Капустин принял правильное решение, указав на эту проблему³. В итоге проект перспективной застройки был передан в Облпроекттрест, для дальнейшей переработки, о чем свидетельствует сохранившийся генеральный план Городка нефтяников⁴.

¹ ГА РФ Ф. А–150. Оп. 2 Д. 724. Л. 45–46.

² Первушина Г.П. Благоустройство городка нефтяников // Городская научно-техническая конференция по строительству. Секция благоустройства, строительства дорог и озеленения. Омск, 1958. С.3

³ Этот малоизученный сюжет прежде не встречавшийся ни в одном из специальных исследований архитектурного ансамбля был изучен молодым омским историком А.В. Жидченко (Жидченко А.В. Архитектурный ансамбль омского городка нефтяников как памятник жилищного строительства 1950–60-х гг. // Баландинские чтения: избранное 2006–2010 гг. С. 41–48), в том числе его совместном труде с крупным омским ученым, занимающимся проблематикой сибирского города (Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–60-е гг. Омск, 2013. С. 66–99).

⁴ ООМИИ им. М.А. Врубеля. Генплан городка Нефтяников. Картон, акварель, белила. Из двух частей: 74,8x47,3; 74,8x48,5. ВХ–35802.

Глава 2. Сибирские архитекторы в локальной и региональной культуре 1930-х – 1950-х гг.: особенности практической деятельности

С момента создания Союза советских архитекторов существовала проблема реализации общей политики центральных органов и местных отделений. В зависимости от природно-климатических условий, географических особенностей и экономического потенциала отделения брали на себя обязанности выполнять установленные задачи. Однако местные отделения Сибири выполняли разные задачи. Необходимо выявить формы деятельности этих отделений и их социальные роли в условиях регионального развития.

Местные отделения Союза архитекторов СССР могут расходиться по численности и составу, что может быть вызвано производственными факторами. С одной стороны, Союз должен был выполнять политику, которую «спускало сверху» Правление. Включение новых членов в состав отделения, активность архитекторов в жизни города становились явными «показателями» для «центра». С другой стороны, архитекторы, входящие в состав, могли получать необходимые ресурсы для успешной производственной деятельности. Однако для проектной организации важным моментом является квалификация и профессионализм кадров. Во многих городах СССР председателями отделений становились главные архитекторы проектных институтов, но в Новосибирске не было единого ведущего проектного института, а в Омске – был единственный крупный. В связи с этим возникает необходимость определить производственную форму деятельности архитекторов этих городов. Важный аспект – были ли общие интересы у местного отделения ССА и проектных организаций.

2.1 Сибирские отделения Союза советских архитекторов: создание и формы деятельности

В отечественной историографии начало объединения архитекторов в единое творческое образование ознаменовало Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно–художественных организаций» от 23 апреля 1932 г., обозначая новую веху в архитектурной жизни. Союз советских архитекторов выполнял ряд задач как творческого и организационного, так и идеологического характера. Учитывая технологии реализации данного нормативного документа со стороны бюрократического аппарата, отделения Союза советских архитекторов в каждом регионе приобретали свою форму, отражающую особенности и уникальность архитектурной практики данного региона и удаленность от крупных строительных площадок страны. Возможно, развитие Союза в регионах оказалось реальным только при наличии определенных условий и индивидуальной активности заинтересованных архитекторов.

Исходной точкой начала механического и физического объединения творческих группировок является Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно–художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. В Постановлении речь прямо идет только о писателях: «ликвидировать ассоциации пролетарских писателей»¹. Второй пункт определял основу: «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в ней»².

Объединить необходимо было не только архитекторов в столице, но и в провинциальных регионах. Большинство местных отделений Союза советских архитекторов было образовано в 1938 г.³ 23 января 1938 г.

¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. СМ., 1999. С. 173.

² Там же

³РГАЛИ. Ф. 674.Оп. 2. Пояснительная записка.

«Президиум правления Союза советских архитекторов под председательством К.С. Алабяна утвердил организацию двадцати трех республиканских объединений, краевых, областных отделений Союза»¹. Некоторые республики создали не только объединенные республиканские отделения, но и отделения в крупных городах, как, например, Украинская АССР. Решением Президиума Правления были учреждены новые, например, Башкирское², Хабаровское³, и перерегистрированы ранее созданные отделения. Например, Красноярское отделение было создано инициативной группой ещё в 1937 г., но правовой статус получило только после утверждения Правлением⁴. Также, в соответствии с этим решением, Новосибирское отделение, созданное в 1936 г. как Западно–Сибирское – название соответствовало административно–территориальному делению, – было преобразовано в Новосибирское областное отделение⁵.

Одним из самых ранних сибирских отделений является Иркутская организация Союза архитекторов. «8 апреля 1935 <г. – К.В.> на заседании краевого комитета ВКП(б) был заслушан отчет Восточно–Сибирского оргбюро и принято постановление о создании ИОСА СССР»⁶. У истоков отделения стояли сложившиеся профессионалы и мастера архитектуры, преимущественно, активно работавшие в дореволюционные времена. Оргбюро провело огромную подготовительную работу по объединению всех архитектурных сил в регионе: «был сделан учет архитекторов в Иркутске, Черемхово и Усолъе, организованы архитектурная выставка и архитектурная студия»⁷.

Б.М. Кербель – один из молодых активных создателей отделения, член с 1934 г., председатель отделения с 1944 г. – глава отдела по делам

¹ Слабуха А.В. Указ. соч. С. 11.

² Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан. Путеводитель. Уфа: КИТАП, 2009. С. 316.

³ Волков С. 75 лет Хабаровской краевой организации союза архитекторов России // Союз архитекторов России. 2013. № 5 (31). С. 6.

⁴ Слабуха А.В. Указ. соч. С. 10–11.

⁵ Власть и интеллигенция в сибирской провинции: сборник документов. Новосибирск: Сибирский успех, 2013. С. 315.

⁶ См.: Иркутск. Историко–краеведческий словарь. Иркутск, 2011. С. 129.

⁷ Каталог архитекторов Иркутской организации ... С. 8.

архитектуры, являлся выпускником Томского технологического института. Его инициатива о создании исследовательского сектора¹ в отделении существенным образом сказалась на развитии Иркутского отделения ССА. Он был выбран делегатом Первого Всесоюзного совещания строителей², что свидетельствует о заинтересованности иркутских архитекторов в современных тенденциях архитектурно–строительной отрасли. Регулярной практикой были рабочие совещания с руководящим составом региона и города и представителями отделения с целью обмена мнениями по благоустройству и строительству города. В 1936 г. отделение выступило инициатором и организатором конкурса на проект Дома Советов в Иркутске. В конкурсе принимали участие выдающиеся архитекторы Сибири, в том числе А.Д. Крячков³. Послевоенный период деятельности Союза связан с именем Е.Ф. Янко⁴ – члена с 1947 г. и председателя с 1950 г. Крепкий практик, Евгений Федорович, своим примером привлекал коллег к общему делу и ответственному отношению к проектированию. Из воспоминаний коллеги–архитектора Н.А. Румянцева: «Евгений Янко все время ходил в военной форме. Всегда аккуратный, подтянутый. Он много проектировал и всегда тщательно наблюдал за ходом строительства. Он постоянно был на лесах»⁵. Необходимо подчеркнуть, что численность союза в послевоенный период была невысокой (7–8 чел.)⁶, несмотря на то, что в Сибирь были эвакуированы предприятия и проектные конторы. Специальных печатных изданий у отделения не было. Специализированное помещение было приобретено Иркутским отделением в 1993 г.⁷

¹ Там же. ... С. 9.

² Ляпин А. К 75–летию юбилею Иркутской организации Союза архитекторов // Проект Байкал. 2010. № 24. С. 12–14.

³ Баландин С.Н., Ваганова О.П. Сибирский архитектор А.Д. Крячков. Новосибирск, 1973. С. 45.

⁴ Предположительно сменивший Б.М. Кербеля, т. к. в документах не указываются дата и причина перевыборов Председателя, а в отчётах фигурирует фамилия «Кербель».

⁵ Цит. по: Ляпин А. Иркутский период в творчестве архитектора Евгения Янко (1945–1954) // Проект Байкал. 2011. № 27. С. 148–155.

⁶РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 299. Л.7, 11, 14, 17, 19; Оп. 2. Д. 117. Л. 1–2.

⁷ Горбунова И. Музей архитектуры в Иркутске. URL: <http://www.iro-sar.ru/node/11> (дата обращения: 11.12.2013).

Красноярское отделение Союза отсчитывает свое начало с 1938 г. Инициативная группа занималась организацией и формированием отделения¹. Первый состав красноярского отделения включал в себя 15 человек, большая часть из проектного подразделения Крайкомхоза². С целью повышения качества проектной продукции архитекторы регулярно проводили обсуждения в архитектурском кругу³. Из красноярского отделения отправлялись планы и отчеты о деятельности архитекторов за год, но регулярность и периодичность однозначно оценить не представляется возможным, т. к. в фонде Союза сохранились отдельные документы. Однако отчет за 1946 г. и План на 1947 г. были приняты для рецензирования и получили положительные отзывы⁴. К вопросу о численности отделения можно добавить, что в 1945 г. она составляла 34 члена и кандидатов, а к 1 октября 1946 г. снизилась до 14 человек⁵. В печатном органе не было необходимости, т. к. архитекторы предпочитали публиковать свои статьи и материалы для общественных обсуждений в местной периодической печати, в том числе в газете «Красноярский рабочий».

Ниже отдельно остановимся на новосибирском и омском отделениях.

В период строительства, как в прямом, так и переносном смысле, нового «советского государства» квалифицированных архитекторов существенно не хватало, поэтому ключевые посты занимали люди либо со средним образованием, либо с высшим, но со смежным профилем. Советское руководство пыталось урбанизировать Сибирский регион путем создания городских пространств с определённой функциональной схемой. На раннем этапе это приобрело форму социального переустройства и создало феномен «соцгорода».

¹ Тулуб В. В Красноярске создан Союз архитекторов // Красноярский рабочий. 1938. 10 августа. С. 2.

² Слабуха А.В. Указ.соч. С. 10–11

³ См.: Царев В.И. Планировка Большого Красноярска 1930-х годов: этапы проектирования и градостроительное значение // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы. М., 2010. С. 266–281.

⁴РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 249. Л. 18.

⁵РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 299. Л.11, 17, 19; Оп. 2. Д. 117. Л. 1–2.

Подобной практики у отечественных архитекторов не было, как и самой советской архитектурной системы. Приглашенные иностранные архитекторы, в частности Э. Май, по сути, создавали бригаду проектировщиков для решения конкретных задач. Одна из таких бригад работала над созданием типовых проектов жилых домов, которые использовались архитекторами Новосибирсоцстроя при строительстве «Левобережного новосибирского соцгорода»¹. Сотрудничество с иностранными специалистами было опосредованным. Обращение к типовым проектам новосибирских архитекторов показывает скорее необходимость, соответствующую своему времени. «Государственный заказ был ориентирован на структурированное и стандартизированное, быстро реализуемое и организующее городской социум в типовые однородные единицы»². Оригинальность и самобытность новосибирской проектной практики данного периода проявилась в индивидуальных архитектурных проектах. В начале 1930–х гг. внимание архитекторов было направлено на новые средства выразительности. В отраслевой истории этот период получил название архитектурного авангарда³. Историк архитектуры Новосибирска С.Н. Баландин отмечает: «в среде специалистов–архитекторов Новосибирска не было единства взглядов на творческие проблемы архитектуры»⁴.

Ограничимся наиболее сильным крылом творческих поисков архитекторов того времени – конструктивизмом, основными представителями которого являются архитекторы Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, В.М. Тейтель. Архитектура конструктивизма требует серьёзного инженерного сопровождения, поэтому непосредственное участие в художественном оформлении здания принимал инженер. Вместе с названными архитекторами трудился молодой инженер Н.В. Никитин.

¹ См.: Блинов Е.Н. Соцгород Сибкомбайна // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 817.

² Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: государственная политика в СССР (1928–1932 гг.). М., 2011. С.143.

³ Термин введен С.О. Хан–Магомедовым.

⁴ Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1893–1945 гг. Новосибирск, 1978. С. 98.

Качество образования напрямую влияет на профессиональную культуру. Гордеев в 1926 г. закончил Московское высшее техническое училище. Историк советской архитектуры Новосибирска И. Невзгодин пишет о Б.А. Гордееве: «Молодой талантливый архитектор, ученик Виктора Веснина <...> представитель первого поколения советских зодчих, полностью прошедших обучение после революции и сыгравшего роль проводников идей новой архитектуры»¹. С.П. Тургенев также окончил инженерно–строительный факультет, но в отличие от Гордеева, выбрал Новосибирск не по своей воле, он работал в управлении Волжского строительства Центробумтреста архитектурного отдела: в 1929 г. он приезжает в город как ссыльный поселенец². В.М. Тейтель окончил в 1929 г. Ленинградскую академию художеств. Работал в Томске на «Кузнецстрое», а в 1930 г. перешел на работу в новосибирские организации (1930 г. – Сибкомбайн, с 1932 г. – в Горкомхоз, отдел городского архитектора)³. Архитекторы работали в разных организациях, но при выполнении конкретного задания объединялись и выполняли общую работу. Возможно, ими двигала идея, а не административные указания. «Архитекторы были охвачены творческим поиском, стараясь использовать в реальных проектах достижения архитектуры своего времени, в том числе и стиля конструктивизма»⁴. Новаторские идеи в архитектуре и строительстве были свойственны этому течению, поэтому в такую работу хорошо вписывался молодой и идейный инженер Н.В. Никитин⁵.

Современный исследователь архитектуры А. Ложкин объясняет концентрацию молодых архитекторов–конструктивистов в Новосибирске (кроме названных это ещё Б.А. Биткин, Д.М. Агеев): они были приглашены

¹ Невзгодин И. Архитектор Борис Гордеев // Про–Про: архитектура, строительство, дизайн, интерьер. № 4. С. 24–27.

² Баландин С.Н. Тургенев Сергей Павлович // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 888.

³ Пивкин В. Тейтель Владимир Михайлович // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 860.

⁴ Леонов К. Жизнь, отданная городу // Сибирские огни. 1986. № 9. С. 140–149.

⁵ Подробнее см.: Дыховичный Ю.А. Н.В. Никитин – инженер, ученый, исследователь // Бетон и железобетон. 1973. № 10. С. 39–42.

сюда для работы профессором Б.А. Коршуновым¹. Организация коллектива под руководством Б. Гордеева интересна как факт создания архитектурного сообщества в период советского авангарда. Если посмотреть в недалекой перспективе, то следующий период развития архитектуры не имел подобного объединения, которое не опиралось бы на столичный опыт. Поставангард не представлен «ни одной из своих ведущих школ (школа И.А. Фомина, школа И.А. Голосова, школа Б.М. Иофана)»². Возможно, это связано с утверждением конструктивизма как основного направления в архитектуре Новосибирска.

Первым фактом официального оформления архитектурного сообщества является создание объединения, которое включило представителей всех крупных направлений архитектуры – Союза Советских архитекторов. Это событие связано с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно–художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. В Постановлении констатируется, что «успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства». Основной опасностью, которая беспокоит ВКП(б), является «превращение этих <литературно–художественных> организаций из средств наибольшей мобилизации <...> вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников»³. Объединение в Союз – единственный способ исправить положение.

По поводу объединения в союзы существуют разные точки зрения. Приведем некоторые. М.Г. Меерович считает, что вариативность – это помеха для руководства, что в свою очередь усложняет административный аппарат. «Административный аппарат заинтересован в упрощении

¹ Ложкин А. Конструктивизм новой Сибири // Проект Сибирь. 2007. № 27. С. 62–63.

² Духанов С.С., Журин Н.П. Опыт изучения стиля и метода архитектурного проектирования советской эпохи (1917–1955 гг.): на примере рабочих клубов и Дворцов культуры Новосибирска. Новосибирск, 2009. С. 55.

³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно–художественных организаций» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 172–173.

подчиненной ему деятельности, стремится технологизировать и стандартизировать ее. <...> Личностное знание, которым владеют мастера архитектуры, в данной ситуации также скорее помеха – его не передать чиновнику в виде рекомендаций и предписаний»¹. Меерович считает, что главное – уловить причины, «по которым власть, первоначально поддерживавшая и поощрявшая архитектурные поиски и творческое концептуирование, внезапно резко запретила их»².

С одной стороны, созданное объединение – официальная общественная организация, а с другой – конгломерат творческих сил. В 1934 г. инициативной группой (в составе Д.И. Агеева, Б.А. Биткина, Д.И. Козьмина, А.Д. Крячкова³) было организовано Западно–Сибирское краевое отделение Союза советских архитекторов. Формально название соответствовало административно–территориальному делению, а содержательно – члены отделения в основном были представителями Новосибирска. В 1938 г. после изменения территориальных границ отделение получило областной статус. В Новосибирске находилось единственное на обширной территории Сибири высшее учебное заведение, выпускавшее архитекторов. Этот факт позволял готовить кадры именно для центра своего региона, поэтому и количественно в городе оставалось больше профессиональных архитекторов. Говоря о их численности, можно отметить устойчивую тенденцию роста. В год создания Западно–Сибирское краевое отделение состояло из 52 членов⁴. На момент реструктуризации в Новосибирском отделении (январь 1938 г.) насчитывалось 105 человек⁵. В последний мирный год (1940 г.) численность

¹ Меерович М.Г. Почему был создан Союз Архитекторов // Проект Сибирь. 2003. № 16. URL: <http://www.prosib.info/stat.php?tab=tema&id=138> (дата обращения: 21.03.2014).

² Там же.

³ Состав приводится в соответствии с данными С.Н. Баландина в алфавитном порядке. См.: Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1983–1945 гг. Новосибирск, 1978. С. 116.

⁴ Поповский И.В. Архитектура Новосибирска. К 70–летию образования Новосибирского Союза Архитекторов России. Новосибирск, 2004. С. 7.

⁵ Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1938–1945 гг.): Сб. документов. Новосибирск, 2013. С. 315.

дошла до 113 членов¹. 23 января 1938 г. Президиум Правления ССА утвердил организацию 23 республиканских, краевых, областных отделений².

Предвоенный период стал для Новосибирского отделения временем самоформирования как полноценной структуры. В центральном аппарате Союза архитекторов отдела по работе с местными отделениями не было, поэтому жесткий контроль отсутствовал. В конце 1930–х гг. была введена должность инструктора. Инструктор местных отделений ССА СССР неактивно участвовал в переписке, в основном его должность сводилась к регистрации входящей корреспонденции от отделений и учету членов. В 1948 г. появилась новая структурная единица – комиссия по переучету и учету членов ССА³, поэтому должность была сокращена.

Однако сами архитекторы понимали необходимость не только в структурном оформлении. Члены новосибирского отделения были обеспокоены положением дел в отделении и обращались к Правлению с просьбой о координации деятельности. Подтверждение этому – письмо члена Правления отделения Я.Е. Кузнецова к ответственному секретарю⁴ ССА К.С. Алабяну⁵. Кузнецов описывает положение дел как нетерпимое, с его точки зрения. Член правления описывает, что в 1937 г. Корник и Шляпников были «исключены из членов ВКП(б) и взяты органами НКВД», Удонов исключен из партии, Биткин не проявил себя в «общественно–политической жизни на производстве и в союзе не был допущен на 1–й съезд ССА» и позже уволен. Как заметил автор письма, в Правлении фактически «работают двое», но имен обозначено не было. Деятельность выдающегося сибирского архитектора А.Д. Крячкова Кузнецов оценил следующим образом: «пассивен в работе Правления». Возможно, это субъективная точка

¹ Поповский И.В. Архитектура Новосибирска... С. 7.

² Слабуха А.В. Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX – начало XXI века. М., 2004. С. 11.

³ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 117. Пояснительная записка.

⁴ Автор письма неправильно указал должность К. Алабяна – «председатель», т. к. в 1931 г. К. Алабян был выбран ответственным секретарем союза и занимал эту должность до 1950 г. К.С. Алабян руководил работой по созданию местных организаций Союза. См.: Архитектор Каро Алабян. Альбом. М., 2008. С. 169.

⁵ Письмо члена правления Новосибирского отделения Союза советских архитекторов [Я.Е.] Кузнецова «председателю Всесоюзного правления» ССА [К.С.] Алабяну о мерах по оживлению деятельности отделения // Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1938–1945 гг.)... С. 21–22. .

зрения. Сложно представить, что основоположники отделения не принимали активного участия в работе Союза. Б.А. Биткин, выпускник Ленинградского института гражданских архитекторов, участвовал при строительстве крупных архитектурных объектов. «В составе группы новосибирских архитекторов (1932–1941) разрабатывал архитектурное оформление ж.-д. вокзала Новосибирск–Главный»¹. После войны он даже возглавил отделение (1946–1947).

Сложно согласиться с ролью, которая отводится А.Д. Крячкову. На Первом всесоюзном съезде советских архитекторов Андрей Дмитриевич входил в комиссию по архитектурному образованию². Крячков выступал на заседании комиссии 23 июня 1937 г., как он подчеркнул, от имени архитектурного факультета Новосибирского строительного института³. Архитектор активно отстаивал позицию сибирского архитектурного образования и его культуру. Крячков был знаком с положением дел в сибирском архитектурном образовании. Образование – одна из главных составляющих архитектурной культуры⁴. Если предположить, что Крячков занимался только сугубо научной и преподавательской работой, то это не противоречило регламенту Союза. В соответствии с «Распределением обязанностей между членами Правления Союза советских архитекторов СССР» («№ 37 Крячков А.Д., г. Новосибирск») в списке значилось: «конкретных обязанностей нет»⁵.

Новосибирские архитекторы предпринимали попытки организовать полноценное отделение, не только административно зависящее от Правления ССА, но и являющееся самостоятельным творческим объединением. Обратимся к довоенному уникальному документу. «Справка о состоянии

¹ Гаврилов Г.В. Биткин Борис Александрович // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 96.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 40. Л.1.

³ В 1935 г. архитектор был назначен деканом архитектурно-строительного факультета, а в 1936 г. – заместителем директора Новосибирского инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева. См.: Баландин С.Н., Пустоветов Г.И. Из истории архитектурного образования в Сибири. Новосибирск, 1993. С. 30.

⁴РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 40. Л. 99–104. Крячков лично заверил стенографическую запись своего выступления.

⁵РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 56. Л. 15.

архитектуры и ее развитии в Новосибирской области» (1940 г.)¹ была составлена М. Седовым – сотрудником отдела пропаганды Новосибирского обкома ВКП(б)². Автор справки отмечает успехи и достижения, например, освоение проектирования больших строительных комплексов. Примечательны недостатки, на которых не останавливается специалист: отсутствие постоянной строительной выставки, включающей «выдающиеся» архитектурные проекты и стенды со стройматериалами, и областного архитектурного архива, безынициативность в улучшении архитектурного оформления города, недостаточное внимание к охране и реставрации памятников. В основном этот список можно интерпретировать как презентацию результатов предметно–практической работы. Такое оформление производственной деятельности вполне помогло бы утвердиться местной организации в культурной жизни города. Однако, по словам М. Седова, «местная печать почти не освещает работу ССА»³. Довоенный период можно охарактеризовать как время самоопределения областной организации. Поэтому связь с Московским архитектурным сообществом была важным элементом сопричастности к профессиональной жизни Союза. Я.Е. Кузнецов также видел в этом моменте оживление деятельности отделения.

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в деятельность Союза. Однако архитекторы получили и свою выгоду из этого нелегкого времени. В Новосибирск была эвакуирована мастерская ленинградского архитектора А.И. Гегелло. Стенограмма доклада именитого архитектора была обнаружена В.Г. Рыженко⁴ и введена в научный оборот. Доклад архитектора ленинградского отделения ССА «Архитектурное лицо г. Новосибирска» включал в себя оценку деятельности местных архитекторов:

¹ Справка о состоянии архитектуры и ее развитии в Новосибирской области // Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1938–1945 гг.)... С. 137–139. Документ № 41.

² Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1938–1945 гг.)... С. 326.

³ Там же.

⁴ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко–культурологические характеристики (на материале Западной Сибири). Омск, 2004. С. 133.

«здесь был довольно сильный и крупный коллектив архитекторов, которые начали организованно проводить работу, совершенно правильно начали поднимать вопрос о городском ансамбле»¹. Масштаб задачи, которую сами архитекторы ставили перед собой, свидетельствует о плотном сотрудничестве архитекторов из крупных центральных городов. В унисон звучат слова из лекции А.Д. Крячкова, прочитанной членам отделения в рамках мероприятий по повышению квалификации: «обобщать богатый опыт советской архитектуры, оплодотворять теорией практику, давать ей идейную направленность – важнейшая задача нашей архитектуры Новосибирска»². Решение профессиональных задач, которые стояли перед архитекторами, требовало согласованности внутри новосибирского сообщества. Союз архитекторов – прежде всего творческая организация, координация профессиональной деятельности. А.И. Гегелло в заключении–консультации по схеме планировки города Новосибирска (от 27 сентября 1946г.) отмечает: «До настоящего времени работа над генеральным планом велась замкнуто, в стенах Новосибирского городского Отдела по делам архитектуры, несмотря на то, что в Новосибирске имеется крупный коллектив архитекторов (Новосибирское отделение Союза Советских Архитекторов насчитывает до 80 архитекторов)»³.

Послевоенный период редко попадает в поле современных ученых, изучающих отдельные отряды технической интеллигенции. В.Ш. Назимова совершенно точно отметила: «социальные историки этих сюжетов (т. е. связанных с работой творческой и технической интеллигенции в военных условиях. – В.К.) не касались, историки архитектуры, считая военный период малопродуктивным с точки зрения разработок оригинальных проектов, касались его лишь бегло»⁴. Архитекторы даже в сложнейших условиях

¹ ГАНО. Ф. 2102. Оп. 1. Д. 60. Л. 1 об.

² Там же. Л. 8.

³ Цит. по: Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. М., 2009. С. 248.

⁴ Назимова В.Ш. Эвакуированные архитекторы в Омске: неизвестные судьбы в культуре Сибири военных лет // Сибирь: Вклад в Победу в Великой отечественной войне. Омск, 2005. С. 168–169.

продолжали работать. Доказательством этому может служить ряд фактов. В отчетном выступлении члена ССА В.Н. Попова, посвященном строительству в 1945 г., почеркнуто, что за высокое качество выстроенных домов почетными грамотами Правления НО ССА были награждены т. Коновалов, т. Боганов, т. Лопатин¹.

В эвакуацию попали архитекторы из Европейской части России, которые автоматически пополнили списки местных отделений. В сводной таблице о членах Союза по РСФСР на 1 января 1943 г. под № 19 значилось Новосибирское отделение². Общее количество архитекторов было на тот момент 173, из них 26 кандидатов в Союз. Всего 82 эвакуированных архитектора и 91 из числа местных архитекторов состояли в Новосибирском отделении. Эвакуированные архитекторы оставили материал, который требует специального изучения³. Архитекторы приносят в региональную практику особенности своих школ. Работа по регистрации и учету членов велась регулярно. Данные, которые передавались в Правление Союза, могут быть полезными в изучении положения местного отделения в период Великой Отечественной войны. Интерес исследователей может привлечь национальный состав. В январе 1943 г. состав местного отделения Новосибирской области ССА был следующим: русских – 140, украинцев – 5, армян – 2, евреев – 22, немцев – 1, латышей – 3⁴.

По мере освобождения территорий СССР от захватчиков архитекторы возвращались на свои территории. За один календарный год (с 1 января 1943 г. по 1 января 1944 г.) численность отделения сократилось с 173 до 104 человек (93 члена, 11 кандидатов)⁵. Количественное соотношение так же поменялось: 33 эвакуированных архитектора и 71 местный специалист. Так, в объяснительной записке к сводной таблице членов ССА по РСФСР

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 203. Л. 30 об.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 117. Л. 2.

³ См. напр.: Назимова В.Ш., Рыженко В.Г. Личная папка архитектора Д.С. Бутырина как источник для изучения интеллигенции и культуры Западной Сибири военных лет (1941–1945гг.) // Культурный потенциал Сибири в XX веке: управление, структура, кадры: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С.131–142.

⁴РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 117. Л.3.

⁵РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 117. Л.5

говорилось, что число сотрудников «уменьшилось за счёт призыва в ряды Красной армии, а так же за счет выбытия многих архитекторов местных, где нет местных отделений союза»¹. В этом же документе говорилось, что в общий список по отделениям РСФСР не вошел 761 член, т. к. они были мобилизованы в ряды Красной армии, в основном призывались в инженерные и саперные части.

Многие мобилизованные архитекторы в годы Великой Отечественной войны занимались не профильной работой. После возвращения необходимо было пройти путь адаптации. Сами архитекторы сочувствовали коллегам, вернувшимся с полей сражений, и говорили о новых условиях работы: «Товарищи с фронта, они были большое время в отрыве <...> им заново приходится осваивать культуру работы. Молодые, окончившие институт до 1930 гг. – 3 чел., 35 – 4 чел., до 40 – 3 чел, после 1940 – 3, т.о. значительная часть наших архитекторов находится в первичной стадии своего формирования»².

Послевоенный период стал временем реконструкции города и оптимизации профессиональной деятельности. На заседании Архфонда 18 декабря 1946 г. (председатель – А.Н. Дворин) архитекторы дали оценку своей работе за прошедший 1946 г.: это «было временем перестройки проектных организаций после войны, когда производилась расстановка сил, укрепление творческих коллективов с изменением их роли, значения и задач и возникновением новых организаций»³.

Свидетельством повышения уровня корпоративной культуры архитекторов может служить выставка проектов на всеобщее обозрение. Приведем слова из вышеуказанного отчета, отправленного в Правление НО ССА: «к октябрьским торжествам была организована экспозиция работ архитекторов в витринах магазинов, в здании Горисполкома / центр города»⁴.

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 117. Л.16 об.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 231. Л.7.

³РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 203. Л.28.

⁴РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 203. Л.31.

Опыт выставки в витринах магазинов был знаком довоенному профессиональному сообществу столицы: в программу празднований часто включали экспозицию проектов будущих зданий в витринах домов по ул. Горького¹.

Для консолидации сил вокруг решения задач архитектурно–строительного комплекса региона новосибирское отделение постановило делегировать представителя от Союза в крупные проектные конторы. Такая практика позволила реально реализовывать поставленные планы. В разделе «Организационная работа» Плана работ Правления Новосибирского отделения ССА на 1947 г. один из пунктов – «пересмотр состава уполномоченных Союза в проектных организациях»², что позволяет предположить, что осуществлялся контроль за членами Союза и Правления, при этом преследовались конкретные цели. Плотная работа с проектными организациями открывает перспективы для развития архитектурного профессионализма. «Число, не состоящих в союзе архитекторов, работающих в городе, значительно. Материалами проведенного обследования выявлено 42 архитектора не членов союза. Это в большинстве молодые архитекторы, окончившие институты в 1941–42 гг., бывшие в годы войны в Армии и на стройках, и теперь с оживлением работы проектных организаций включились в творческую работу. Штаты проектных организаций в значительной степени состоят из этих молодых рабочих и Правление отделения Союза приняло зависящие меры, чтобы привлекать их к приводящимся мероприятиям по повышению квалификации и творческой работе»³. В этой обширной цитате видно ответственное отношение к процедуре выявления архитекторов, не входящих в состав отделения, и к производственной работе, качество которой беспокоило Правление. Необходимо подчеркнуть, что новосибирские архитекторы проявляли интерес к процессам, которые проходили в столичных городах РСФСР.

¹ См. Кригер Е. Обращение к архитектору // Архитектура СССР. 1934. №2. С.8–11.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 203. Л.35.

³РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 203. Л.27.

Местное отделение неоднократно обращалось к Центральному правлению Союза архитекторов с предложением командировать архитекторов из крупных проектных организаций для обмена опытом¹. Правление ССА удовлетворило просьбу формально, т. к. отделение было заинтересовано в обмене опытом с архитекторами с большим стажем, но в командировку в крупный сибирский город были направлены молодые архитекторы, работающие в проектных организациях. Осенью 1947 г. состоялась встреча новосибирских специалистов с молодыми архитекторами из Москвы и Ленинграда. Первое собрание 21 сентября 1947 г. открыл председатель Правления Новосибирского отделения Биткин: «Архитектурная культура Новосибирска создавалась одним поколением. Нашим, которое сидит в этом зале. Мы строили и учились в этом процессе, делая немало ошибок»². В первый день проводилась выставка московских архитекторов, во второй (30 сентября 1947 г.) – ленинградских. Судя по обсуждениям, на выставке также были представлены архитектурные проекты и чертежи местных архитекторов, оценить которые предлагалось коллегам. Новосибирские архитекторы были рады такому событию. Однако кроме комплементарных выступлений были и критические. Профессиональная критика может также стать материалом для реконструкции отношений внутри Союза³. С резкой критикой ленинградских молодых архитекторов выступил А.Д. Крячков, несмотря на то, что он определял себя «ленинградцем по образованию»⁴: «казалось, что если бы я понял, какое настоящее правильное направление архитектуры, я начал бы сразу работать хорошо, как следует <...> это болезнь молодости <...> для человека пожилого уже установилось это направление»⁵. Создание личного

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д.277. Л.12; Д.203. Л.32; Д.230. Л.3.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 230. Л.2. (Текст приводится с исправлениями, внесенными в машинописный текст)

³Сегодня критические представления архитекторов становятся предметом для изучения профессиональной культуры. Например, см.: Багрова Н.В. Наследие архитектуры авангарда в критических концепциях XX века. Новосибирск, 2010. 126 с.

⁴РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 230. Л.40.

⁵РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 230. Л.41 об..

профессионального стиля – это действительно проблема молодого специалиста.

Дискуссия, посвященная архитектурной профессии, проходила 1 октября 1947 г.¹ Нехватка профессионализма и пространственного мышления серьезно волновала архитекторов. Ершов отмечал: «Рисуешь проект. Он тебя не удивляет, поставишь какую-то чепуху и удивишься. То, что важно, того мы не делаем. Мы не делаем макета. <...> Работа архитектора Кравцова, на мой взгляд, представляет большой интерес... но тут еще больше ошибок»². Тейтель говорил о роли отдельных архитекторов: «Архитектор Касаткин главным образом работал над малыми формами. В нашей жизни, в жизни Новосибирска бывало и малые формы играют очень большую роль, и им дано очень много удачных форм»³.

Встреча новосибирских специалистов с московскими и ленинградскими молодыми архитекторами имела огромное значение в архитектурной жизни Новосибирска, несмотря на то, что «гости» не имели большого стажа работы в проектных организациях. Новосибирским архитекторам необходимо было чувствовать сопричастность к развитию общесоветской архитектуры. Архитекторы отделения отмечали в пояснительной записке к плану 1947 г., что А.И. Гегелло во время своей поездки оказал помощь архитектурным силам в разработке генерального плана, и дали рекомендацию: «желательно, чтобы живая связь вытеснила бумажную»⁴. Посвящение в дела столичной жизни и обмен опытом очень важный процесс во всей сталинской культуре. «Идеальная линия связи – линия, составленная из людей. Человеческое тело – лучший проводник импульсов власти, чем медная проволока»⁵. Поэтому важно выстроить личные связи между архитектурной группой и крупным архитектором.

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 231 на 53 листах.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 231. Л. 24.

³РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 231. Л. 5.

⁴РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 202. Л. 32 об.

⁵Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013. С. 50

Необходимо отметить ещё один интересный пункт в плане 1947 г. В разделе «Пропаганда» под № 5 значится: «Подготовить материалы для издания сборника Архитектура Сибири»¹.

Основным печатным органом Союза советских архитекторов был журнал «Архитектура СССР». Ответственный секретарь Правления ССА К.С. Алабян обращался к местным отделениям в официальном письме: «чаще информировать нас о всех сколь значительных событиях местной архитектурной жизни»². Новосибирские архитекторы периодически публиковали свои работы в этом журнале³. Создание местного подобного издания свидетельствует о юридическом закреплении и оформлении организации как полноценного отделения Союза. План работы Правления Новосибирского отделения Союза советских архитекторов на 1950 г.⁴, утвержденный на расширенном заседании Правления Союза Советских архитекторов, включил новый раздел «Издательство», в котором было три пункта:

«1. Реализовать в 1950 году издание 1–го сборника новосибирского отделения ССА, не вышедшего в прошлом году по техническим причинам.

2. Вести подготовительную работу для издания второго сборника.

3. Использовать для сборника наиболее интересные и актуальные отчеты по творческим командировкам»⁵.

Издание вышло в 1951 г., ознаменовав новый этап развития отделения⁶. Это единственное издание, которое сохранилось, оно представлено в названных библиотеках и собраниях. Над оформлением работали непосредственно сами архитекторы, например, В.А. Касаткин разрабатывал дизайн обложки⁷. Определение себя как полноценного коллектива в составе корпорации, безусловно, серьёзный шаг в развитии отделения.

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 202. Л.34об.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д.121. Л.6.

³ Напр. см.: Поляков Н. Новосибирск // Архитектура СССР. 1937. №4. С. 28–38.

⁴РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед.хр.292. Л.37–42.

⁵РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед.хр.292. Л.41.

⁶ Архитектура Сибири. 1951.

⁷ См.: Новосибирск в рисунках архитекторов. Альбом III. Новосибирск, 2011. С. 25.

Новосибирское областное отделение было жизнеспособным. Была выстроена система самоконтроля организации, реализовавшая одну из стратегических задач: «рассматривать участие отдельных архитекторов членов союза в общественной и творческой жизни Новосибирского отделения и решить вопрос о дальнейшем пребывании в союзе архитекторов, не принимающих участие в работе союза»¹. В конце 1940–х – начале 1950–х гг. количество членов отделения сократилось – до 70 чел. – за счет «аудита», и одним из критериев «отбора» была степень участия в жизни коллектива, поэтому третий этап развития Новосибирского областного ССА ознаменовался переходом от количественных показателей к качественным.

В 1954 г. архитекторы подняли вопрос о строительстве Дома архитектора. В.Г. Рыженко удалось найти три конкурсных архитектурных проекта здания 1947 г.² Требовались новые площади для нужд отделения. Дом архитектора – это центр притяжения архитекторов, т. к. это общественное здание для профессионального круга. К середине 1950–х гг. дело было доведено до разработки Положения о Доме архитектора. Появление опорного пункта размещения корпорации позволило бы архитекторскому сообществу утвердиться в культурном пространстве Новосибирска.

В заключительной части укажем на основные вехи становления Новосибирского отделения Союза советских архитекторов и на перечень признаков формирования корпоративной культуры. Профессиональная группа новосибирских архитекторов прошла путь от «спонтанной» организации в «авангардный» период до полноценной общественной организации. Внутри унифицированной институциональной структуры сталинской эпохи складывалась особая архитектурная культура. С момента объявления о создании отделения архитекторы стремились к интеграции с общероссийской архитектурной жизнью. Это требовало построения

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 392. Л.42.

²См. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Указ соч. С.257–270.

внутренней соответствующей системы. Создание внутренней организационной структуры отделения, в том числе создание архфонда, активное участие в производственной, общественной и образовательной деятельности, выставочная работа, создание печатного органа и желаемого закрепления корпорации в пространстве города, в виде проектирования Дома архитекторов, дает основание для утверждения архитектурного сообщества г. Новосибирска как полноценного отделения «большого» Союза и свидетельствует о формировании корпоративной профессиональной культуры в данный период.

За три десятилетия существования организация прошла путь, начиная с малого сообщества конструктивистов, которые были объединены идеями и идеалами советского авангарда, что по сути определило создание архитектурного сообщества, несмотря на то, что внутри коллектива не существовало единства мнений, но было стремление решать архитектурные задачи исходя из новых условий, в соответствии с современными требованиями. Предварительный этап заканчивается принятием нового нормативного документа, по которому юридически оформляется объединение. В такой форме организации происходило сближение архитектурного сообщества и выработка компромиссных решений. Военный период принципиально изменил практику деятельности проектировщиков и архитекторов. Отсутствие местных профессиональных архитекторов, которые были призваны в ряды Красной армии, и содружество с эвакуированными коллегами сказалось на формировании отделения. Проведение выставок, прямое сотрудничество с архитекторами из Европейской части страны подготовили почву для создания качественно новых подходов в решении профессиональных задач.

Омское отделение существенно отличалось от новосибирского отделения структурно, поэтому требуются иные подходы в изучении.

Омское отделение Союза советских архитекторов, в отличие от вышеназванных, имеет две даты создания. Первое упоминание об

организации относится к 27 февраля 1935 г. в газете «Омская правда»: «В начале года планировалось провести конференцию по оформлению “нового Омска”, поэтому была создана организационная комиссия. В нее вошли представители гор. плана, союза художников (создан в 1932 г.), а также скульпторы и работники Облкомхоза». В заметке также было отмечено: «в связи с тем, что в Омске разворачиваются строительные работы, создается областной филиал союза архитекторов»¹. К сожалению, это единственное упоминание о намерении архитекторов создать творческое объединение. Кто стоял у истоков и входил в инициативную группу, пока установить не удалось. Вероятно, мероприятия по организации отделения провести не удалось из-за недостаточного количества специалистов. Единственным образовательным учреждением, которое могло обеспечить архитектурные кадры, являлся Омский строительный техникум, получивший в наследство от закрытого в 1930 г. Омского художественно-промышленного техникума им. М.А. Врубеля архитектурное отделение². Большинство выпускников становилось специалистами проектных контор. Как отмечает архитектор Е.А. Степанов, в Омске на тот момент существовало городское бюро при Омгоркоммуналде и «Облпроектплангор» при Облкомхозе³. Архитектурные силы были объединены, как отмечали сами архитекторы, «по типу мастерских Московского совета» в единую контору «Омпроект», которая подчинялась Омскому областному отделу коммунального хозяйства. Внимание архитекторов было направлено на создание единой проектной организации, в состав которой вошло большинство специалистов. В местной печати отмечалось, что контора включала в себя три мастерские. Л. Иванов описывает их производственную повседневность: «сейчас два десятка архитекторов, инженеры-конструкторы, техники-проектировщики (в большинстве своем, советская архитектурная молодежь, недавно окончившая

¹ Архитектура Омска. К конференции по стройке нового Омска // Омская правда. 1935. 27 февраля. С.4

² См. Черноок С.В. Новая школа Красной Сибири // Баландинские чтения: Избранное. Новосибирск: НГАХА, 2011. С. 96–103.

³ Степанов Е.А. Омпроект-Омскгражданпроект. Омск, 1985. С.7.

архитектурные институты), не смущаясь бедностью оборудования и теснотой помещения, с большой энергией и смелостью разрабатывают проекты нового города, эскизы новых зданий, пролеты новых улиц»¹.

Если довериться воспоминаниям архитектора и описаниям журналистов того времени, то можно предположить, что институционально архитекторы были объединены, поэтому необходимость в дополнительной общественной организации отпала. Однако в настоящее время Омская организация Союза архитекторов России считает годом создания отделения именно 1935 г.²

Полноценным структурным подразделением Омское областное отделение стало только в период Великой Отечественной войны. В результате военных действий многие архитектурные организации и проектные конторы были эвакуированы в сибирские города. Омскими историками В.Ш. Назимовой и В.Г. Рыженко в 2005 г. была обнаружена в текущем архиве Союза личная папка архитектора и инженера Д.С. Бутырина³. Сегодня эту папку не удастся найти, возможно, при изменении юридического адреса и реорганизации папка была уничтожена как документ, потерявший актуальность. В связи с этим реконструировать реальное положение дел в отделении можно, опираясь на описательные данные и исследовательскую информацию.

Директива СНК СССР от 27 февраля 1942 г. требовала от временно освобожденных от мобилизации архитекторов регулярного предоставления данных о себе для составления сводных списков для военкоматов. Из-за утраты источника сейчас не представляется возможным установить начало приема регионом эвакуированных. Е.А. Степанов отмечает: «В 1943 году было организовано Омское отделение СА СССР, в правление которого

¹ Иванов Л. Город изменит свое лицо. За единый стиль архитектурного оформления // Омская правда. 1935. 24 сентября С.4.

² 1000 знаменательных событий из истории Омска, 1716–2008 / Сост. и науч. ред. П.П. Вибе. Омск, 2008. С.149.

³ Назимова В.Ш., Рыженко В. Г. Личная папка архитектора Д.С. Бутырина как источник для изучения интеллигенции и культуры Западной Сибири военных лет (1941–1945г г.) // Культурный потенциал Сибири в XX веке: управление, структура, кадры: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С.131–142.

вошли архитекторы Облпроекттреста (т. е. Омпроекта. – В.К.)»¹. Новосибирский историк архитектуры С.С. Духанов высказал предположение, что Е.А. Степанов, разбиравшийся в юридических тонкостях, связывает здесь создание омского отделения с оформлением его Правления, тогда как само отделение могло существовать и ранее этой даты.

Существует и другое мнение. Л.Е. Трутнев в книге, посвященной истории проектного института, пишет, что общая численность архитекторов (12 чел.) позволила создать в начале 1942 г. отделение в Омске, а через год количество членов удвоилось². Существует ещё один факт, который подтверждает, что к апрелю 1942 г. омская организация уже существовала. На заседании Правления Новосибирского отделения ССА 22 апреля 1942 г. уполномоченный Всесоюзного правления по Сибири А.И. Гегелло просил архитекторов поддержать его в прошении к секретарю Всесоюзного правления т. Алабяну о сохранении платного работника в отделениях «в связи с увеличением членов ССА по каждому Отделению»³ в Красноярске, Иркутске и Омске. Гегелло сотрудничал в этом вопросе с отделениями, следовательно, деятельность этих организаций не ставилась под сомнение.

Согласно данным историков, в папке Д.С. Бутырина «представлены личные карточки на 71 члена Союза архитекторов, из которых омичей только пять: Е.А. Степанов, Д.С. Бутырин, П.С. Голенко, К.С. Толоконников, П.М. Розенблюм»⁴. Однако если обратиться к сведениям о количественном составе отделений ССА на 1 января 1943 г., то можно найти следующую информацию: общее количество – 40, женщин – 11, кандидатов – 2, эвакуированных – 39, местных – 1; в возрасте от 20 до 40 лет – 32, от 41 до 50 – 8, от 51 и старше – 0; членов ВКП(б) – 6, членов ВЛКСМ – 1, беспартийных (б/п) – 34; с высшим образованием – 38, высшим не законченным – 0,

¹ Степанов Е.А. Указ.соч. С.12.

² Трутнев Л.Е. Семьдесят лет созидания. Омск, 2005. С.38.

³ ГАНО. Р-1444. Оп. 1 Д.1. Л 5 об.

⁴ Назимова В.Ш. Эвакуированные архитекторы в Омске: неизвестные судьбы в культуре Сибири военных лет // Сибирь: Вклад в Победу Великой отечественной войне. Омск: Издательский дом Наука, 2005. С.168–169.

средним – 2, инженерно–строительным – 0, техн. инженерным – 0, прочее – 0; научных работников – 0, имеющих степень – 1, имеющих награды – 0¹.

Сравнивая эти два показателя (71 и 40), можно предположить, что Д.С. Бутырин собирал все карточки тех, кто когда–либо регистрировался в отделении в качестве эвакуированных за весь период Великой Отечественной войны. Однако существует ещё одна нестыковка: в сводной таблице по национальному составу местных отделений общая численность Омского составляла 38 человек, но при сложении численности каждой национальности получалось 60 (23 русских, 2 украинца, 1 грузин, 21 армянин, 10 евреев, 1 немец, 2 поляка)². Возможно, это техническая ошибка, ведь в сводных данных значилось общее количество из 40 членов, из них 2 кандидата.

Примечательно, что в отделение входил единственный местный архитектор. Сложность возникает в принципе определения, кто такой «местный» архитектор. В состав Омской области до 1944 г. включительно входили обширные территории современной Тюменской области, поэтому архитекторы могли работать и в других городах региона: Таре, Тобольске, Ханты–Мансийске, Сургуте и т. д. Возможно, это был представитель областного центра Е.А. Степанов – один из активных архитекторов того времени. В краткой библиографической справке Энциклопедии Омской области отмечается, что он вошёл в ряды Союза в 1942 г.³ Если сведения верны, то он вошел раньше, чем было организовано само отделение. Однако, согласно документу, сохранившемуся в Государственном архиве Новосибирской области, Евгений Александрович входил в состав Западно–Сибирского краевого отделения Союза советских архитекторов⁴ в 1934 г., что на 8 лет раньше указанной даты в печатных источниках. Если предположить,

¹РГАЛИ. Ф. 674 Оп. 2. Ед. хр.117. Л.2.

²РГАЛИ. Ф. 674 Оп. 2. Ед. хр.117. Л.4

³ Степанов Евгений Александрович // Энциклопедия Омской области: в 2 т. Т. 2. М–Я. Омск: Омское книжное издательство, 2010. С.378.

⁴ГАО. Ф. 1444. Оп. 1. Д.1. Л.1 об.

что это был Д.С. Бутырин, то он стал членом в 1943 г.¹ и не мог являться тем единственным «местным архитектором» к 1 января того же года.

К сожалению, в фонде ССА не сохранились входящие письма от местных отделений, предоставляющих сведения. При их наличии можно было бы восстановить персонально председателя и составителя списков. В данном исследовании приходится ограничиться информацией из ранее названного источника. Ленинградский архитектор Леон Аркадьевич Степанянц возглавил в 1944 г. омское отделение². Должность заместителя председателя правления отделения занимал Владимир Николаевич Варакин, эвакуированный из Минска, омич по образованию (окончил Омский худпром)³.

Григорий Маркович Гордон, в прошлом член правления Днепропетровского и Запорожского отделений, возглавил Архитектурный фонд. Это одно из важных структурных подразделений ССА, оно было образовано Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 5 октября 1934 г. № 2340 «Об архитектурном фонде Союза советских архитекторов СССР». Согласно этому нормативно-правовому документу, основной задачей фонда являлось «содействие членам Союза советских архитекторов СССР в улучшении их материально-бытового положения и постоянном повышении их квалификации, а также оказание помощи молодым архитектурным кадрам»⁴. Содержательно эта структура была призвана для поддержания внутреннего жизнеобеспечения Союза. В суровых военных условиях такая структура позволяла существовать архитектурному сообществу. Л.Е. Трутнев пишет, опираясь на воспоминания работников архитектурной сферы: «Благодаря этому притоку новых архитекторов в Омск заметно повысился творческий уровень омских зодчих – общение с

¹Бутырин Дмитрий Сергеевич // Энциклопедия Омской области: в 2 т. Т. 1. А– М. Омск: Омское книжное издательство, 2010. С.176.

²Назимова В.Ш., Рыженко В. Г. Указ.соч. С.131–142.

³ Там же

⁴ Постановление СНК СССР от 5 октября 1934г №2340 «Об архитектурном фонде Союза советских архитекторов СССР» [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16527;dst=0;ts=9901DE4BC1216FB4AB7CF36220614803;rnd=0.6396183938337394> (дата обращения: 04.04.2014)

профессионалами, с людьми из городов с вековыми архитектурными традициями, дало плодотворные результаты»¹.

Как отмечают биографы омского архитектора, Е.А. Степанов занимал должность председателя омского отделения ССА в период с 1944 по 1950 г.² Основанием для перевыборов председателя стало освобождение территорий европейской части страны. Эвакуированные архитекторы начали возвращаться на свои родные земли. Численность отделения снижалась плавно в сравнении с соседним регионом. Как видно из статистических данных, численность Новосибирского отделения сократилась на 53 %, а Омское отделение – на 35 %³. Для оптимизации деятельности местных отделений в циркулярных письмах Правление Союза советских архитекторов «признавало желательным организовывать, совместно с Комитетом по делам архитектуры ряд конкурсов на местах – на темы, представляющие особый интерес в связи с местными строительными задачами»⁴. В списке сибирских городов–адресатов значились Томск, Красноярск, Новосибирск и Омск. В.И. Кочедамов пишет: «Зимой 1944 года горисполком и Омское отделение Союза советских архитекторов объявили конкурс на проект благоустройства площадки»⁵. Разбивка будущего парка была произведена по выбранному проекту П.М. Розенблюма. Согласно устной истории, архитектор спроектировал дорожки именно на том месте, где проходили зимние тропинки по «естественным направлениям». Необходимо подчеркнуть, что вопросы благоустройства не оставались без внимания архитекторов. П.П. Зутис, директор Облпроекттреста, где работало большинство проектировщиков, сделал отчетный доклад о проделанной работе за 1944 г. в Москве на совещании при начальнике Главного управления проектных

¹ Трутнев Л.Е. Указ.соч. С.38.

²Солярис Д.В. Архитектор «города–сада» // Архитектура и строительство Омской области. №5. 2003. С.17.; Черноок С.В. Омский архитектор Е.А. Степанов (1910–1985). Штрихи к творческой биографии // Декабрьские диалоги: Материалы Всероссийской научной конференции памяти Ф. М. Мелёхина. Вып. 9. Омск: Издательский дом Наука, 2006. С.22–26.

³РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.117. Лл.3–6, 9.

⁴РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.121.Л.3.

⁵Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. Омск: Омское книжное издательство, 1960.С. 96.

организаций НККХ РСФСР 26 января 1945 г.¹, что свидетельствует о внимании к этому вопросу со стороны центральных органов.

Омское отделение в этот короткий временной промежуток жило «полной жизнью». «Союз по заданию горисполкома организовывал архитектурные конкурсы, выставки продукции Омской оборонной промышленности в 1943–1946 гг.»² Общественная работа проводилась, насколько хватало сил, но после Победы в Великой Отечественной войне численность отделений за Уралом стала неуклонно снижаться. Ещё одним событием для Омского отделения стало, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1944 года, выделение Тюменской области из Омской и Курганской. Однако в последующих документах, которые составлялись за отчетный год Правлением ССА, Тюменского отделения не значилось³. Административно тюменские архитекторы относились к омскому отделению⁴. Инструктор местных отделений при Правлении Союза советских архитекторов инициировал переучет всех членов Союза в 1946 г. Омское отделение в отчете о работе 1946 г. в параграфе «Переучет членов ССА» отмечает: «Окончен переучет членов ССА в Омске и Тюмени, ранее входившей в состав Омской области»⁵. Члены отделения в силу своих возможностей принимали участие в союзной работе. Из этого же отчета видно, как архитекторы участвовали в обсуждении докладов т. Жданова, опубликованного в журналах «Звезда», «Ленинград», и выступления К. Алабяна в газете «Советское искусство». Продолжалась выставочная работа Архфонда, например, за отчетный год была проведена крупная выставка «Современные конструкции малоэтажного строительства». Особенно интересно, что председатель Правления Е. Степанов смог превратить недостатки в достоинства. Подчеркивая активное участие членов

¹ БУК КУ ИсА. Ф. 1104. Оп. 1. Д.5.

² Степанов Е.А. Указ.соч. С.12.

³РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Ед. хр. 299 на 96 листах.

⁴ Такая же ситуация была и с другим отделением, но в наименовании это отражалось: Сталинское/Кемеровское. См.: РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Ед. хр.299. Л.2.

⁵РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.203. Л.36.

отделения в архитектурной жизни города, Степанов отмечал, что члены союза входят в городские и районные комиссии по благоустройству города: «Имея 3-х членов ССА в составе Областного архитектурного совета, мы имели возможность влиять на утверждение проектов. В частности, нами были опротестованы совместно с отделом по Делах архитектуры застройки площадки Серова, и комитетом по делам архитектуры при СНК СССР это строительство прекращено»¹. Необходимо отметить, что на этот участок крупные промышленные предприятия неоднократно размещали в проектах свои жилые дома для рабочих², но архитектурно-планировочное заключение было не в их пользу³. Начальник инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля отмечал, что заводы, главные застройщики, часто преследуют одну цель – «строить на свободных земляных участках без сноса»⁴. Главная проблема, с которой столкнулись архитекторы на пути оформления облика города, решалась с трудом. Проблема носила комплексный характер, поэтому и решали её системно. Из отчета о работе отдела по делам архитектуры при Омском облисполкоме и областной инспекции Госархстройконтроля за 1-й квартал 1946 г.: «Для жилищного строительства завода № 174 Горисполком решением № 348 от 29 / III 1946 г. выделил сквер им. Серова. Считаю такое решение крайне неверным, т. к. уничтожает единственный зеленый массив в этом районе <...> Предложено гл. архитектору города до решения этого вопроса в Облисполкоме разрешения не давать»⁵. В состав этой комиссии входило семь человек, из них три члена омского отделения союза.

Архитекторы, входившие в отделение, занимали ответственные посты и высокие должности в проектных организациях, что позволяет говорить об их активном участии в архитектурной жизни города. Председатель правления

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.203. Л.36–36 об.

² В музее истории института «Омскгражданпроект» сохранились копии проектов для застройки этого участка. Альбом «Творческие работы» (1935–1955), Альбом «Творческие работы» (1940–1960)

³ БУК КУ Иса. Ф. 477. Оп. 1. Д.1. Л.9–9об., Л.37–37об.

⁴ БУК КУ Иса. Ф. 477. Оп. 1 Д.3. Л.26

⁵КУ Иса. Ф. 2177. Оп. 1. Д.4. Л.15об.

ОО ССА отмечал в вышеуказанном отчете: «Учитывая, что существующий состав Правления Омского отделения состоит из наиболее активных членов Отделения, имеющих авторитет в городских партийных и Советских организациях и в связи с малочисленностью Отделения, решено перевыборы Правления не проводить»¹.

В этом же году, как говорилось выше, проводился переучет членов. Удалось найти персональный список членов Омского отделения². Как отмечал сам Е.А. Степанов, он включил в состав также тюменских коллег, которые по инерции входили в состав Омского отделения. Сделаем отступление и дадим внешнюю критику источника. Данный документ является единственной бумагой, которая представлена в виде телеграммной ленты на бланке почтового отделения. Это помогает проследить движение информации, а также оперативность и точность донесения. Телеграмма была адресована инструктору местных отделений М.Н. Голоколосовой и отправлена непосредственно в Дом архитектора (г. Москва, Гранатный пер., 7).

Председатель Правления, в соответствии с требованиями перерегистрации членов отделения, присылает персональный список, что позволяет узнать всех поименно. На заседании 11 сентября 1946 г. Правление ОО ССА посчитало, что перерегистрацию прошло шесть членов: Бутырин Дмитрий Сергеевич, Голенко Павел Степанович, Доос Владимир Данилович, Коволенко Степан Григорович, Мюллер Марта Фридриховна, Степанов Евгений Александрович; председатель – Степанов Е.А., ответственный секретарь – Голенко П.С.³ Известно, что Бутырин Д.С.⁴, Голенко П.С.⁵, Доос В.Д.⁶, Степанов Е.А. на тот момент работали в Облпроектконторе (бывший Омпроект), т. е. с уверенностью можно утверждать, что это представители

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.203. Л.36об.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.150. Л.25

³РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.150. Л.25.

⁴Трутнев Л.Е. Указ.соч. С.121.

⁵ Вошел в союз также как и Бутырин в 1943 г. См.: Голенко Павел Степанович // Энциклопедия Омской области ...С.262–263.

⁶ Автобиография. Папка «Доос В.Д.» // Музей истории института «Омскгражданпроект».

омского архитектурного сообщества. Примечательно, что Г.А. Капустин, архитектор с большим стажем, окончивший Омский художественно-промышленный техникум им. М.А. Врубеля, в период с 1947 по 1955 г.¹ занимал должность главного архитектора города и не был членом ССА. По мнению М.Г. Мееровича, ССА – это «производственный орган» контроля и руководства архитектурным сообществом, поэтому председателем «становится главный архитектор города или области, либо главный архитектор одного из крупных проектных институтов»². В связи с этим неучастие главного архитектора Омска в жизни Союза становится ещё одним сюжетом, который может стать в дальнейшем предметом для научных изысканий.

Небольшой коллектив продолжал общественную работу. В планах работы значились многие мероприятия, которые вполне соответствовали подобному «творческому союзу» и успешно реализовывались. Проводилась идейно-воспитательная работа «в свете последних решений ЦК ВКП(б)» в области искусства. Совместные с другими архитекторами обсуждения творческих проблем советской архитектуры и проработка вопросов идейности и выразительности стали естественным компонентом повседневности. Регулярные товарищеские встречи с отделениями Союзов художников, писателей – результат плодотворного сотрудничества. Как отмечал Степанов, одной из мер по повышению квалификации стали систематические занятия рисунком. Возможно, не без участия художников Омска. Не упускалось из виду и участие в разработке планирующих документов совместно с городскими и областными профильными органами³.

Стоит заметить, что объемы отчетов и планов о работе отделения сократились и нередко умещались на половине листа, тогда как у других

¹Девятьярова И. Г. Краткие сведения об инженерах и архитекторах, работавших в Омске или проектировавших для города в XVIII – первой четверти XXвв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. №2. Омск, 1993. 109–116.

²Меерович М. Г. Почему был создан Союз Архитекторов // Проект Сибирь. 2003. № 16.– URL [Режим доступа]: <http://www.prosib.info/stat.php?tab=tema&id=138> (дата обращения:: 21.03.2014).

³РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.238. Л.114.

отделений такие документы могли достигать внушительных размеров, например, у новосибирского или свердловского отделения. Интерес Центрального Правления ССА к омскому отделению уменьшился. Его отчеты и планы регистрировали, но, в отличие от крупных отделений, например, Новосибирского, не рецензировали¹, также как и Томское или Сталинское.

К концу десятилетия численность Омского отделения составила семь человек. Это был крошечный кружок в сравнении с соседним региональным новосибирским отделением, расширившимся до 72 человек. Согласно Протоколу № 1 заседания Президиума Правления ССА от 10 января 1947 г. (председательствующий К.С. Алабян), третьим был вопрос «О реорганизации местных учреждений Союза советских архитекторов»². «Учитывая значительные изменения, произошедшие со времен I съезда в отношении состава, территориального размещения членов Союза, объема и характера работ местных учреждений Союза, установленные для аппарата по объемам учреждений группировки штатов (за исключением Московского, Ленинградского и Украинского), для которых установить инд. штатные расписания»³. В этот список попали два сибирских отделения – Новосибирское (№ 4) и Красноярское (№ 18), но Омского не было. Отделениям, попавшим в список, устанавливались требования, предъявляемые к техническим и функциональным характеристикам размещения учреждений. Эти отделения явно отличались от всех остальных: у многих уже были свои фирменные бланки, на которых печатались исходящие документы. В третьем решении объяснялось отсутствие всех остальных: «Принимая во внимание незначительные ассигнования по сметам других местных учреждений Союза, в отделениях с количеством членов союза менее 15–ти человек – работу вести в общественном порядке, не

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.249. Л.19.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.249. Л.24.

³РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.249. Л.25.

устанавливая штатных расписаний»¹. Такие отделения, «попавшие под черту», были обречены на упрощённую структуру отделения и штатное расписание. Фонд зарплаты упразднялся, а значит, отделения становились в прямом смысле «общественными». Материальные потребности «филиалов» перекладывались на личную инициативу и проектные организации. В таком упрощённом виде Омское отделение Союза советских архитекторов просуществовало до 1950 г. В фонде ССА удалось обнаружить оригинал Протокола № 4 «Омского собрания членов ССА СССР Омского отделения» от 13 марта 1950 г. В списке присутствующих на заседании значилось шесть фамилий: Бутырин Д.С. Доос В.Д., Круткин П.И., Крушельницкий Ю.Э., Степанов Е.А., Смирнов В.Н. Председателем заседания был архитектор Д.С. Бутырин, секретарем – архитектор Ю.Э. Крушельницкий. На повестке дня значился один вопрос: «Постановление президиума Правления Союза о преобразовании Омского Отделения Союза в группу ССА за малочисленностью состава и избрании в связи с этим уполномоченного группы»². Решение вынесли: «избрать уполномоченным Омской группы ССА архитектора Степанова Е.А.»³ Это логическое завершение первого этапа формирования отделения. Оптимизация 1947 г. и реорганизация в группу 1950 г. определили судьбу омского отделения. Формально Е.А. Степанов сложил полномочия председателя, но возглавлять общественное объединение он не прекращал, поэтому 1950 г. – год окончания председательствования в отделении, указанный в вышеназванной биографии – не финальный рубеж деятельности архитектора. Как долго существовало Омское объединение в таком статусе, еще предстоит выяснить.

Необходимо отметить, что общественная нагрузка не повлияла на архитекторов негативно. В коллекции Омского музея изобразительных искусств находятся графические листы, эскизы и проекты Д.С. Бутырина,

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Ед. хр.249. Л.25об.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д.525. Л.11.

³ Там же

П.С. Голенко, В.Д. Доос, Е.А. Степанова¹, П.И. Круткина, которые, по оценке С.В. Черноок, резко отличаются в техническом и цветовом решении от работ своих коллег². Возможно, на этом сказалось плодотворное сотрудничество, которое было возможным в рамках отделения. На заседание отделения могли быть также приглашены и другие архитекторы, но для определения степени сотрудничества в техническом творчестве требуется более широкий ряд визуальных источников.

Сравнивая количественные показатели, приведенные в таблице 2, можно заметить, что новосибирское отделение в несколько раз превосходило другие сибирские отделения, и численность населения города не сказывается на количестве членов в Союзе. Возможно, это разные, не связанные на прямую показатели. Местное отделение ССА могло выполнять консолидирующую функцию разными путями. В следующих параграфах разберем основные характеристики двух регионов и проследим эволюцию развития производственного проектирования.

¹ ООМИИ им. М.А. Врубеля. Коллекция архитектурной графики 1930–1960 годов: ВХ–28621; ВХ–28620; ВХ–28648; ВХ–28575; ВХ–28618; ВХ–28559; ВХ–28633; ВХ–35825; ВХ–35821; ВХ–37180.

² Черноок С.В. Архитектурная графика Омска 1930–1960 годов в собрании ООМИИ им. М.А. Врубеля. Анализ коллекции //Декабрьские диалоги: Материалы науч. конф. Памяти Ф. В. Мелехина. Вып. 3. Омск: Печатный двор, 2000. С.43–48.

Таблица 2. – Численный состав членов сибирских отделений ССА в первые послевоенные годы¹

Наименование	1 апреля 1945 г.	1 октября 1946 г.	1 августа 1947 г.
Барнаульское (1940 г. ² – ныне Алтайское)	12	4	4
Иркутское (1935 г. – Восточно– Сибирское)	7	8	8
Красноярское (1938 г.)	34	14	14
Новосибирское (1934 г. – Западно– Сибирское)	70	79	77
Омское (1935 г. / 1943 г.)	13	6	3
Кемеровское (Н/д – Сталинское)	10	13	13
Томское (1942 г. /1964 г. ³)	7	5	4
Примечание: <i>В скобках указывается год организации / реорганизации; прежнее название</i>			

¹ Составлено по «Сведениям о состоянии отделений Союза советских архитекторов СССР на 1947-1947 г.г.»: РГАЛИ. Ф.674. Оп.3. Д. 299. Лл. 1-19.

² ГАНО. Ф. Р–1444. Оп. 1. Д.15. Л.1.

³ 50 лет Томской организации Союза Архитекторов России URL: <http://souzarch.tomsk.ru/news/?newsid=146> (дата обращения: 14.12.2014); Такая дата указана в пояснительной записке описей фонда: Государственный архив Томской области. Ф. Р–1872. Оп. 1. 36 дел [Режим доступа] <http://libinfo.org/index/index.php?id=137438> (дата обращения: 14.12.2014).

2.2. Производственная деятельность архитекторов Омска в персональном измерении

Сообщество архитекторов Омска представляет собой социально сложную систему. Советский период градостроительства Омска показал уникальный путь развития архитектуры города. В самые пиковые времена распространения архитектурных украшательств и «излишеств» архитектурное пространство города не получило богато украшенных объектов с многочисленными скульптурными элементами.

Одним из центров архитектурной жизни города можно считать проектную организацию «Омпроект». Ведущие архитекторы города так или иначе были связаны с этим проектным бюро. Четкой специализации среди архитекторов не было. Архитекторы решали задачи, которые ставили перед ними.

Условно архитекторов можно разделить на группы, исходя из их профессиональной практики. *Первая группа* – реставраторы–традиционалисты. Это группа архитекторов, которые занимались стилизацией, в своих работах обращались к классическому наследию, что позволяло им грамотно выполнять реставрационные проекты. Некорректно будет относить их только к традиционалистам, т. к. они по-своему перерабатывали современную им реальность.

Евгений Александрович Степанов (1910–1985) – один из виднейших архитекторов Омска XX века. Он стоял у истоков создания Омпроекта. В послужном списке из капитальных зданий удельный вес занимают жилые дома. В 1930–е гг. в качестве автора занимался проектированием крупнейших жилых домов в городе.

В 1930–х гг. создается система распределения благ, среди которых есть жилье. Жилой фонд, по мнению М.Г. Мееровича, стал средством для

манипуляции людьми¹. Выделяя квартиру, ставят прописку в паспорте, и тем самым жилище начинает определять социальный статус. В. Паперный считает, что в «Культуре 2», т. е. сталинском времени, «дом – это теперь не машина для жилья (определение Ле Корбюзье, ознаменовавшее развитие архитектуры в 20–х гг. – В.К.), это теперь был почти человек»². Жилой дом по своим параметрам должен был быть антропоморфен, соотносим со средой проживания и городским пространством. Образ советского жилища был предметом исканий архитекторов, начиная с первых архитектурных авангардных поисков и социальных экспериментов³. Жилье олицетворяло «советскость» и «заботу о человеке»⁴. Идеологичность определяло вектор деятельности и творчества архитектора.

Омские власти уделяли особое внимание жилищному строительству: «Исполком Городского Совета считает, что в условиях города Омска жилищное строительство должно проходить главным образом за счет постройки многоэтажных благоустроенных домов»⁵.

Е.А. Степанов – автор первого в городе пятиэтажного жилого дома для рабочих Сибзавода им. Бойцов Революции (ул. Красный Путь, 79). Узнаваемым конструктивистским приемом автор воспользовался в оформлении скруглённого угла. Здание строилось в несколько очередей – вывод сделан на основе натурного обследования при консультации со специалистами. Оконные проемы приобрели более «привычную» сталинской архитектуре прямоугольную форму. Главный фасад благодаря своей многосложности стал неотъемлемой частью магистрали города (в конце 1930–х гг. по ул. Красный путь пустили первые трамваи). А.М. Александрович в 1939 г. разрабатывал цветное решение оформления

¹ См. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. 303с.; Меерович М.Г. Социально–культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР. Дис. ... д.и.н.. Иркутск, 2004. С.125–243.

² Паперный В. Культура Два. М., 2007. С. 160.

³ См.: Гинзбург М.Я. Жилище М., 1934. 192с

⁴ Шверник Н. Сталин и забота о человеке // Правда. 1940. 2 февраля. С.3.

⁵ КУ ИсаА.. Ф. 437. Оп. 12. Д.72. Л.5

фасада¹, дополнительные декоративные элементы, по-новому решался парапет у балконов (колосья пшеницы). «Сельскохозяйственный пафос плодородия и урожайности»² создает в прямом смысле фасад изобилия и благополучия³. Фасадная часть здания скрывала неблагополучие и сложные бытовые условия жизни в таком доме. В доме санузлы появились только после Великой Отечественной войны⁴. Жильцы дома мало чем отличались от жителей частного сектора, т. к. в первое время приходилось ходить за водой на улицу. Благоустроенный дом стал внешней «архитектурной ширмой».

В 1936 г. Степанов заканчивает работу над проектом для Облисполкома «на южной стороне площади им. Дзержинского»⁵. Расположение здания оказалось удачным, т. к. оно находилось на возвышенности и тем самым в силуэте центра города получало доминирующее положение над дореволюционной постройкой бывшего Любинского (Чернавинского) проспекта. В топонимическом ландшафте это здание жилого назначения получило название «Дом на горе». Строительство жилого дома Облисполкома шло неравномерно и прерывалось при отсутствии финансирования. После обстоятельного изучения смет и технических документов выяснилось, что финансовые средства поступали нерегулярно⁶. Госарбитраж 23 ноября 1936 г. рассмотрел дело № 4–3155 Облстройтреста к Хозяйственному управлению Облисполкома о взыскании 59 058 руб. Дебиторская задолженность образовалась по вине заказчика, т. к. «работы были выполнены»⁷, а баланс не был восполнен. Дом возводился в категории «улучшенной планировки». При проектировании этого объекта были предусмотрены удобная и продуманная планировка, с повышенной высотой

¹ ООМИИ им. М.А. Врубеля. Фонд современной графики. Александрович М.А. Жилой дом Сибзавода. Проект цветного оформления. 1939. Бумага, карандаш, акварель, кисть, тушь, перо, белила. 57,0x77,5. ВХ–35792.

² Паперный В. Культура Два. М., 2007. С.162

³ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М., 1999. 271с.

⁴ См.: Панасенков В. Первому жилому 5–этажному дому – 70 лет // Стройгазета. 2006. №47(344). С.24.; Панасенков В. Неосуществленный генплан 1935 года // Стройгазета. 2006. №46(343). С.27.

⁵ Кочадамов В.И. Указ.соч. С.66.

⁶ КУ Иса. Ф. 437. Оп. 12. Д.46 на 94 лл.; Д. 47 на 47 лл., Д.48 на 58лл.

⁷ КУ Иса. Ф. 437. Оп. 12. Д.49. Л.141.

потолков, на первом и цокольном этажах расположились обслуживающие конторы и мелкие предприятия, в том числе прачечная, мастерская, магазин и т. д., на прилегающей территории предусмотрены ограждение, трансформаторный киоск, благоустроенная территория с зелеными насаждениями¹, хотя объем работ по благоустройству был также уменьшен в целях экономии.

Строительные материалы использовали без экономии – в пункте 4 представлен перечень: «алебастр, цемент, известь, гипс, декоративная штукатурка»². На тот момент это были дорогостоящие и современные материалы. Плафоны, карнизы, плинтусы и другие декоративные элементы на лестничных клетках, фойе, магазине выполнены из дуба³. Однако возможности города были ограничены: инфраструктура и коммуникации не были разработаны, поэтому канализационная система выполнена в виде выгребной ямы⁴.

Два жилых дома одного архитектора выполнены по разным техническим требованиям и характеристикам – первые Строительные нормы и правила, т. е. СНиП, появились в 1954 г. Предназначение домов одно, но для разных категорий граждан. В сметах не встречается пункт авторского надзора. Согласно семейной легенде Степановых, т. к. строящийся дом находился «на задворках» Облпроекттреста, автор мог посещать стройку в любой момент, что экономило и силы, и средства. Архитектор в своем творчестве стилизует декоративные элементы в функциональные детали, например, ниша для статуй становится частью балкона. Автор использует опыт прошлого, даже недавнего, для создания нового строения. Е. Степанов более активно стал использовать исторические стили в послевоенный период. Жилые дома (пр.К. Маркса, 10 и ул. Серова, 13) отличаются от строчной застройки города

¹ См.: КУ Иса. Ф. 437. Оп. 12. Д.49. Л.75.

² КУ Иса. Ф. 437. Оп. 12. Д.49. Л.72 об.

³ КУ Иса. Ф. 437. Оп. 12. Д.53. Л.5

⁴ КУ Иса. Ф. 437. Оп. 12. Д.53. Лл.1–3

своими скульптурными элементами¹. Автор использует коринфскую ордерную систему для разработки своей, где вместо цветов и волнот помещен подсолнечник. Е.А. Степанов проектирует жилой дом на пл. Серова таким образом, чтобы здание определило дальнейшее строительство на данной площади. В плане соединения улиц Лобкова и К. Маркса (инж. Голубецкий) этот дом закреплял форму будущего квартала – крылья здания разведены на $96^{\circ} 45'$. В архитектурно–планировочном задании отмечалось: «фасад, выходящий на площадь Серова, решается как главный, с учетом обозрения его при въезде на площадь с ул. Серова и Лобкова, т. е. на расстоянии до 200 мт.»². Однако творчество архитектора ограничивается только оформлением фасада, т. к. в задании требовалось «в основу планировки положить типовые жилые секции серию № 7, разработанную Государственными мастерскими – автор арх. Ковыков С.Г. – принятую для массового строительства в Омске на 1949 год»³. Задание подписал главный архитектор города Г.А. Капустин 23 октября 1948 г., а строительство было окончено в 1955 г., что свидетельствует о целом ряде проблем, связанных с возведением здания.

На первом этаже предписывалось расположить продовольственный и промтоварный магазин, парикмахерскую, мастерскую бытового обслуживания, детские ясли, детсад, швейцара и домоуправление при сквозных проходах. Завод им. К.Е. Ворошилова в итоге ввел в эксплуатацию жилой дом на 134 кв., что удовлетворило потребность на короткий промежуток.

После сноса первого здания «Облпроекттреста» по ул. Мопра архитекторам выделили здание по ул. Ленина, д. 11 (бывш. Пансион Первой женской гимназии 1883 г.п., арх. Э.И. Эзет), а для других служб конторы – помещения в главном корпусе (бывш. Первая женская гимназия 1882 г.п., арх. Э.И. Эзет). П.И. Круткин и Е.А. Степанов разработали проект

¹ Черноок С.В. Омский архитектор Е.А. Степанов (1910–1985). Штрихи к творческой биографии // Декабрьские диалоги. Вып.9. Омск, 2006. С.22–25.

² КУ ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д.1. Л.37.

³ КУ ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д.1. Л.37

реконструкции с надстройкой здания на один этаж в 1950 г. Совместно с И.Т. Сапроновым архитекторы запроектировали реконструкцию фасадов в классицистическом виде – с центральным коринфским четырехколонным портиком с пропорциональным треугольным фронтоном с гербом страны, двумя небольшими ризалитами¹. В отличие от совместного варианта² Степанов выполнил первый собственный вариант не в графике, он нанес «исправления» на незафиксированную фотографию, обработанную «закрепителем». В его концепции здание должно было получить дополнительный объем второго этажа с центральным портиком, который венчал аттик с картушем в виде знамен³. В архитектурном плане здание получило бы более сдержанный вид.

В 1950–х гг. «Облпроекттрест» разрабатывал концепцию застройки северной стороны ул. Интернациональной, проект не был полностью реализован. В 1950 г. предлагалось В.Г. Никифоровым, Е.А. Степановым, Д.С. Бутыриным возвести жилой дом между улицами Тарской и Герцена⁴. Повышенная до 6 этажей угловая часть здания, ориентированная на пересечение ул. Интернациональной и ул. Герцена, обладала пропорциями высотных зданий Москвы. Верхний ярус высотной части в художественном оформлении имеет «отсылки» к архитектурному решению здания Адмиралтейства в Санкт–Петербурге (арх. А.Д. Захаров, перестройка 1806–1823 гг.). В омском проекте использованы композиционные приемы – верхняя колоннада, купол, шпиль – и морская аллегория.

Дом художников – «детище» Е.А. Степанова. Омское отделение Союза художников СССР нуждалось в новых помещениях и мастерских. В 1957 г. автор делает архитектурное предложение в трех версиях. До нас дошел этот пакет документов, т. к. он сохранился в ведомственном фонде Дома

¹ ООМИИ им. М.А. Врубеля. Фонд современной графики. Степанов Е.А., Круткин П.И. Сапронов И.Т. Реконструкция и надстройка здания по ул. Ленина, 11. Картон, карандаш, акварель, кисть. Из двух частей 28,0x72,0; 28,1x73,4. ВХ–28621

² ООМИИ им. М.А. Врубеля. Фонд современной графики. Степанов Е.А., Круткин П.И. Сапронов И.Т. Реконструкция и надстройка здания по ул. Ленина, 11. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 25,9x77,5. ВХ–28633

³ Музей истории института «Омскгражданпроект». Альбом Творческие работы 1935–1950 гг. Л.15. Фото.1.

⁴ Музей истории института «Омскгражданпроект». Альбом Творческие работы 1935–1950 гг. Л.8. Фото.2.

художников. Омский искусствовед С.В. Черноок дает свою оценку: «Автору удалось создать индивидуальный запоминающийся архитектурный образ, благодаря использованию элементов из арсенала мирового классического наследия»¹.

Архитектора П.И. Круткина можно также отнести к традиционалистам. Одним из самых крупных его творений является Дом общественных организаций завода им. Баранова. Е. Степанов называет его «первым послевоенным» дворцом культуры². Внешняя строгость главного фасада скрывает богатое внутреннее убранство. Хрустальные люстры, серебряные зеркала, дополненные пышной лепной пластикой с бронзовыми бра заставляют задуматься о мощном экономическом потенциале. За три года строительства (1950–1953) автор собрал подробный фотоотчет о проделанной работе, который стал основой для альбома³, посвященного строительству Дворца культуры. По свидетельствам старшего поколения рабочих завода, многие предметы интерьера были привезены со складов строительства метрополитена в Москве⁴. В экспликацию помещений входят два крупных по объёму помещения – кинозал и концертный зал. Автор работал в традиционном классицистическом стиле. Не изменил своим убеждениям автор и при строительстве другого своего объекта – административного здания Омскэнерго. Трехэтажное здание разместилось в развернутом углу на пересечении ул. Партизанской и ул. Театральной. Архитектор предпринял попытку объединить строгость и монументальность. В первоначальном проекте на главном фасаде ритм задают пилястры, которые увеличиваются к концам здания и имитируют ризалиты. Над

¹ Черноок С.В. Омский архитектор Е.А. Степанов (1910–1985). Штрихи к творческой биографии // декабрьские диалоги. Вып.9. Омск, 2006. С.22–25.

² Степанов Е.А. Указ.соч. С.14.

³ Фотоальбом сейчас хранится в запасниках Музея истории института «Омскгражданпроект».

⁴ Черноок С.В. Дворец культуры моторостроительного завода имени П.И. Баранова // Приложение к журналу "Элитная недвижимость". №17. 2008.С.129–132..

центральным входом выразительный барельеф в простенках и между рядами окон завершает разъединенный треугольный фронтон¹.

С Омском также связана судьба другого архитектора – О.Е. Либготта. В автобиографии О.Е. Либготт указал свою связь с Омском, в который его родители переехали из Уфы; он закончил «семилетку», а после окончил рабфак автодорожного института. Он сам подготовился к поступлению в Ленинградский инженерно–строительный институт, который окончил после войны, и по распределению попал в «Облпроекттрест». Советский офицер, имеющий боевые награды, 1 октября 1949 г. вступил в должность архитектора. Либготт работал в коллективе довольно активно. В 1951 г. закончилась работа по проектированию одного из узнаваемых архитектурных объектов города – «дома со шпилем». Обращаясь к натурной обстановке строительной площадки, запечатленной на многочисленных снимках фотофонда Омского историко–краеведческого музея², можно прийти к выводу, что архитектор проектировал «вслепую», т. к. вблизи не было ни одного капитального здания, только частный сектор. Единственный сохранившийся графический лист (1950 г.) разрезан на две части, при разделении был поврежден край листа, где указан автор³. Удалось установить по косвенным признакам авторство именно этого графического листа. Отделом по делам архитектуры 20 июля 1950 г. было выдано Заключение № 27 по проектному заданию жилого дома по улице К. Маркса, угол Масленникова⁴. Проект № 2196, составленный в Облпроекттресте автором арх. О.Е. Либготтом, имел ряд нареканий, в частности: «Фасады решены без учета постановки здания на площади, оторваны от планировочного решения площади, в некоторых своих частях <...> ничем не обоснованы и с точки зрения экономичности строительства могут быть признаны архитектурным

¹ ООМИИ им. М.А. Врубеля. Фонд современной графики. Круткин П.И. Административное здание Омскэнерго. 1954. Картон, карандаш, акварель, кисть. Из двух частей 28,0x72,0; 28,1x73,4. ВХ–28621

² ОГИК музей. Фотофонд. ОМК 6936, ОМК 6814.4, ОМК 6903.

³ ООМИИ им. М.А. Врубеля. Фонд современной графики. Жилой дом по ул. К. Маркса. 1950. Бумага, карандаш, акварель, кисть. Из двух разрозненных частей: 31,4x 55,6; 44,7x29,3. ВХ–35820

⁴ КУ Иса. Ф. 477. Оп. 1. Д.1. Л.215–215 об.

излишеством»¹. Это заключение интересно тем, что эксперт (возможно, П. Круткин) указал на архитектурную композицию, которая экономически не обоснована². На обратной стороне листа сделан «вольный» набросок генерального плана, на котором обозначен проектируемый дом и размещение будущего моста, а сам ансамбль будущей площади намечен тонкими линиями.

Образ здания поражал современников своим масштабом, поэтому вокруг него возникли легенды. Одна из городских легенд, которую рассказывали старожилы дома, связана с самым узнаваемым элементом – будто сам шпиль был изготовлен из металла, предназначавшегося для авиапромышленности, и выполнен на одном из омских промышленных предприятий этой производственной отрасли.

Академик РААСН А.М. Каримов рассказал историю, что после реализации автор предлагал построить такое же здание в симметрию с другой стороны магистрали, идущей от Ленинградского моста, так, чтобы создать «ворота в город» по направлению от аэропорта. Согласно устной истории, площадку отдали под строительство жилого дома для рабочих Омской железной дороги. Управление железной дороги приняло решение использовать в качестве основного менее затратный, чем вариант «Дома со шпилем». Либготт не перенес такой удар. Однако стоит заметить, что это только легенда, т. к. Олег Ефимович прожил до 1976 г.

Архитектору удалось определить вид будущей площади. Шпиль ассоциируется с постройками Санкт-Петербурга – кроме Адмиралтейства можно назвать Собор во имя первоверховных апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости. Такие отсылки встречаются в других городах Сибири, например, в Барнауле «Дом под шпилем» (1953–1956 г.п., арх. Я.Н. Додица) и Ангарске (1950-е гг., автор неизвестен).

¹КУ Иса. Ф. 477. Оп. 1. Д.1. Л.215

² Архитектурные излишества здесь понимаются чисто финансовом плане, в соответствии с Постановлением Совета министров СССР №1911. См. подробнее: Казакова О.В. «Борьба с излишествами» в 1930–1950-е гг. // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М., 2010. С.40–48.

После возведения жилого дома (пр. К. Маркса, 10; арх. Е.А. Степанов) с отступом от красной линии сформировалась площадь, которая получила название «Ленинградская». В 1954 г. разрабатывался проект коммунального моста бригадой из «Лентрансмостпроект» под руководством И.П. Богданова¹. В народной топонимике этот мост также получил название «Ленинградский».

В 1957 г. по проекту О. Либготта² возводят клуб Управления Омскстроя (клуб Строителей) на 500 мест³. Во внутреннем декоре и в оформлении антаблемента двух пилонов на площади перед клубом автор применил декоративный элемент с фриза Собора Казанской иконы Божией Матери (1801–1811 г.п., арх. А.Н. Воронихин) – венки с гирляндами и лентами. Автор воспроизвел в точности изображение, уменьшив количество венков. Ленинградский лейтмотив в творчестве архитектора тематически связывает здания и события, усиливает впечатление Триумфа Победы.

Вторая группа – новаторы. В этот круг архитекторов входили последователи современных взглядов на архитектуру в целом и на выбор методов в частности. К этой группе можно отнести архитекторов Е.Н. Семенова, А.И. Юмакаева, П.С. Голенко.

Е.Н. Семенов уникальным образом работал с пространством. Масштаб мысли архитектора не ограничивался одним зданием. Во исполнение постановления президиума Омского Облисполкома и бюро Обкома ВКП(б) «О жилищно–коммунальном строительстве и благоустройстве Омска»⁴ планировалось выполнить ряд проектов в административном центре города: Дом Советов, Дом райсоветов, Дом НКВД, Центральный дом юстиции, Дом кредитных учреждений, Дом коммунальных трестов, Дом хозорганизаций,

¹ Фотокопии проектов имеются в личном архиве В.И. Кочадамова в папке «Омск», который передал внук В. Наумов в дар Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина

² Кочадамов В.И., Указ.соч. С.89.

³ ГНИМА им. А.В. Щусева. XI – 17898(93).

⁴ Постановления президиума Омского Облисполкома и бюро Обкома ВКП(б) «О жилищно–коммунальном строительстве и благоустройстве Омска» // Омская правда. 1935. 15 апреля. С.1

Дом связи, гостиница¹. Е.Н. Семенов занимался проектированием большинства объектов центра города: Дом специалистов, жилой дом Облплана, Дом соцземледелия, надстройка госбанка, Дом Советов, жилой дом для работников связи, управление НКВД. Архитектор учитывал функциональные особенности здания, но при этом сохранял общую стилистку проектируемых объектов. На фотопроекте, хранящемся в семейном архиве Семеновых, отчетливо видно террасу с цветником на крыше жилого дома. Поиск новых модулей проектируемого объема – важная часть архитектурного творчества. Культуролог В. Паперный называл такое явление «потеплением в архитектуре»², когда проектировщики разрабатывают вид здания без климатической привязки – с широкими открытыми лоджиями, балконами, панорамными оконными проемами и т. д. Паперный связывал такое явление с выстраиванием «равномерного пространства» «Культуры 1»: здания должны быть эстетически одинаково оформлены, в каком бы климатическом поясе не находились. Новаторство Е. Семенова заключается в том, что он уже в 1930–х гг. переносил «авангардные» и «поставангардные» принципы в «соцреализм».

П.С. Голенко в своем творчестве сочетал «поставангардные» характеристики и современную пластику. Ранние проекты кафе в саду Аквариум клуба СибНИИХоза показывают, что архитектор работает с цельным объектом. Выполняя социальный заказ, автор переработал современные идеи, выразив их в пластике проектируемых зданий, не взирая на отсутствие строительных материалов – на сохранившихся чертежах отчетливо видно, что деревянным конструкциям умышленно придается форма железных и железобетонных изделий. Крупный жилой дом был спроектирован на ул. Орджоникидзе (1942–1947 г.п.) таким образом, чтобы избежать ступенчатой композиции: автор завершает ярусным построением с небольшим шпилем. Проектировать с таким завершением советские

¹ Список составлен по описанию проектов см. Позняков В.Н. Большой Омск // Омская область. №9. 1937г. С.3–19.

² Паперный В. Культура Два. М., 1996. С. 171.

архитекторы начнут с 1947 г., а после этого формообразование перейдет в статус доминирующего, когда в 1949 г. появятся первые проекты высотных зданий в Москве¹. В списке творческих работ архитектора имеется пункт «эскизный проект 1944 г.». По мнению И.П. Голенко, дочери архитектора, это эскиз общежития речного училища, который в качестве основы взял О.Е. Либготт для проекта «дома со шпилем».

А.И. Юмакаев – личность незаурядная в истории архитектуры Омска. В реестре его осуществленных работ есть как жилые, так и общественные, образовательные здания. Возможно, Юмакаев реализовывал все типы гражданского проектирования. Одна из неизвестных архитектурных работ этого автора² – проект Дома общественных собраний завода им. Козицкого.

В запасниках музея истории института «Омскгражданпроект» найдены фотопроекты Дома общественных организаций. Четыре фотографии с графических листов: генеральный план, план второго этажа (центральная часть), интерьер зрительного зала, интерьер фойе. Учитывая четкость изображения, можно констатировать, что проекты были качественно проработаны на должном графическом уровне. В областном архиве удалось найти Протокол № 5 заседания архитектурно–экспертного совета при отделе по делам архитектуры исполкома Омского городского совета депутатов трудящихся от 24 июля 1950 г., председатель – главный архитектор города Г.А. Капустин³. Протокол оказался малосодержательным, но можно сделать вывод – совет постановил одобрить проект. Экспертами выступали: по архитектурной части – Г.А. Капустин, по конструктивной части – И.С. Голубецкий, по сантехнической части – (инициалы не указаны) Никитин.

После тщательного изучения генерального плана и натурного обследования территории можно установить, что Дом общественных

¹ Кружков Н. Высотные здания сталинской Москвы. Факты из истории проектирования и строительства М., 2011. С.187–210.

² В перечнях основных работ этот объект не встречается См.: Трутнев Л.Е. Указ.соч. С.123; Юмакаев Анвербек Исматулович // Энциклопедия Омской области ... II том (М–Я). Омск, С.567; ГНИМА им. А.В. Щусева. Словарь архитекторов. Л. А. Юмакаев.

³ КУ ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д.1. Лл.196–197.

организаций должен был размещаться в специально созданном для него квартале, ограниченном улицами Гусарова, Рабиновича, Чернышевского и Осводовской (ныне Яковлева). Рядом размещаются производственные корпуса завода, через ул. Рабиновича расположен перестроенный в годы войны учебный корпус пединститута, который был отдан под эвакуированное предприятие из Ленинграда, два жилых дома рабочих завода (1949 г., арх. Е.А. Степанов).

В 1980–е гг. после возведения торгового центра «Омский» центральный рынок был перенесен на эту территорию. В ходе изучения карт 1940 и 1941 гг. – самые ранние карты, т. к. до 1950 г. карты не производились для массового использования – и фотографий установлено, что на данной территории был пустырь с несколькими незначительными деревянными постройками.

В плане здание имело сложную форму¹: центральный корпус расположен в центре комплекса, и два меньшего размера крыла – соединяются с основным через переходы – фланкируют, создавая площадь. К зданию прилегают с севера–востока и юго–запада спортивные площадки и площадь для массовых мероприятий. Вдоль по ул. Чернышевского квартал окружают зеленые насаждения с местами отдыха². Генплан разработан с учетом ландшафта и топографии места, с удачным расположением корпусов с целью освещения помещений естественным светом в течение всего рабочего дня. План второго этажа имел дополнительное обозначение – центральная часть (т. е. всего здания), т. к. на этом этаже располагался большой актовый зал. Юмакаев прорисовал размещение кресел, что дает возможность просчитать вместимость зала – на втором этаже – 506 мест. На плане нанесен один показатель – партерная площадь – 1288 куб. м. На проекте интерьера зрительного зала показан вид с последних рядов, над которыми возвышается балкон. При сопоставлении плана и эскиза интерьера

¹ Музей истории института «Омскгражданпроекта». Личная папка А.И. Юмакаева. Л.10.

² Выполнено в соответствии с архитектурно–планировочным заданием см.: КУ ИсА.. Оп. 1.Д.1.Л.39об.

можно установить, что балкон рассчитан на 50–52 места, это дает основание считать, что объем зала рассчитан минимум на 500 человек. На общем виде интерьера отчетливо читается второй ярус, т. е. фойе двухсветное, что подтверждает возможность эксплуатации балконов зрительного зала¹. Остается невыясненным, каким планировался главный фасад. На плане видно, что должен был быть портик с шестью колоннами, в простенках семь окон. В неатрибутированных копиях проектов в архиве Музея был обнаружен боковой фасад главного корпуса. Фотография обрезана на месте перехода, но это не помешало определить общую стилистику здания. Несущие элементы, колонны в стенах, задекорированы под пилястры с коринфскими капителями, следовательно, колонны на главном фасаде также должны были быть выполнены в соответствии с заданным стилем. На уровне второго этажа бокового коридора изображены 4 французских балкона, на фризе изображены гирлянды с привязками. На первый взгляд, здание кажется выполненным в лучших традициях неоклассицизма, но сам принцип размещения помещений, расположение экспликаций, сложность форм свидетельствует об использовании идей рационализма, которые не укладывались в представлениях таких мастеров, как И. Жолтовский или И. Фомин. И.В. Жолтовский, чтобы использовать в портике коринфский ордер, дополнительно утолщил колонны в нарушение балочно–стоечной системы, т. к. этот ордер не предназначен для переноса тяжелых масс². Ордерный строй изменяется для усиления монументальности административных зданий³. У И. Фомина был другой подход – он использовал коринфский ордер только в увеличенном виде: удлинял колоннаду на несколько этажей⁴ и использовал как приставные колонны. Юмакаев применял классические приемы только в

¹ Такой тип фойе был использован во многих ДК, в том числе ДК завода им. Баранова.

² Хан–Магомедов С.О. Иван Жолтовский. М., 2010. С.240.

³ Блинова Е.К. Ордерные системы в архитектуре Ленинграда 1930–1950-х годов // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М., 2010. С.128–141.

⁴ Максимальный рекорд был побит на 7 этажей в Доме правительства УССР в Киеве (1936–38гг.) См. Лисовский В.Г. Иван Фомин и метаморфозы русской неоклассики. СПб., 2008. С.445–448.

качестве декоративных элементов. Содержательно здание ДК им. Н.Г. Козицкого выполнено с использованием других принципов.

Проект можно отнести к «бумажной архитектуре», т. к. до реализации дело не дошло. На пленарном заседании главных городских архитекторов в Москве 1953 г. отмечалось, что в большинстве промышленных городов РСФСР происходит недооценка роли и значения общественных зданий в застройке центра города, это негативным образом сказывается на ансамбле: «В Омске дворец культуры им. Козицкого поставлен в центре города, но на второстепенной улице в общую линию застройки»¹. Возможно, это главная причина в отказе утверждения проекта на республиканском уровне.

Юмакаев использовал приставной портик в другом его творении – в проекте Омского финансово–экономического техникума (1949–1951г.). Архитектор в этом здании снова умышленно исправил ордерную систему: создав дополнительный высокий цоколь, он использовал тосканскую колонну без базы.

В 1950 г. архитектором Л. Либготт, супругой арх. Е.О. Либготта, разрабатывается проект в створе между кинотеатром «Художественный» до ул. К. Либкнехта здания Педагогического института им. М. Горького. В архитектурно–планировочном задании отмечалось: «Главное учебное здание Омского педагогического института запроектировать в соответствии с программным заседанием Мин<истерства> просвещения РСФСР с учетом полного состава помещений»². Также при исполнении задания предписывалось учесть высоту рядом стоящих зданий и увязать здание с окружающей застройкой – «проработать в фасадных развертках по улицам Партизанской и К. Либкнехта»³. На развертке по ул. Партизанской, единственной развертке, которую удалось обнаружить, в наименовании проекта значилось: «Зав. им. Козицкого здание Педагогического ин–та»⁴.

¹ГА РФ Ф. А–150. Оп. 2. Д.723. Л.12.

²КУ ИСА. Ф. 477. Оп. 1 Д.1. Л.83.

³ Там же.

⁴Музей истории института «Омскгражданпроекта». Фотоальбом «Творческие работы» 1940–1961 гг. Л.21.

Возникает вопрос с заказчиком. Возможно, завод им. Козицкого был спонсором строительства. В годы Великой Отечественной войны Ленинградский телеграфный завод им. Н.Г. Козицкого был эвакуирован. Завод забрал для своих нужд недостроенный учебный корпус Омского пединститута для размещения производственных станков и складских помещений. После войны в ходе перестройки квартала здание включили в промышленный комплекс завода. Софинансирование строительства нового корпуса пединститута можно воспринимать как компенсацию за утраченные полезные площади.

Специалист, забравший задание для исполнения, – Ситахеев, – в списках работников Облпроекттреста не значится. Автор развертки учла особенности рельефа и разместила главный вход по центру фасада по ул. Партизанской, неизвестным остается, какое было решение по ул. К. Либкнехта¹. Установить причину отказа от этого проекта не удалось. В 1953 г. Юмакаев разрабатывает проект своего решения. Фотопроект, который удалось найти в личной папке Юмакаева ведомственного музея Омскгражданпроекта, содержит разработки фасадов по улицам. Стоит отметить, что архитектор взял за основу предыдущий проект и его исправил: добавил барельефы между третьим и четвертым рядом окон, увеличил рустовку под цоколь в два этажа, убрал коленчатый пояс на уровне последнего этажа, тем самым подняв пилястры на два этажа, по ул. Партизанской сделал въезд для автотранспорта с кованой ажурной решеткой ворот, на угловой части здания разместил купол, предположительно обсерватории. Вход архитектор сдвинул к углу, т. е. симметрия нарушается². Предположительно, Юмакаев пошел на этот шаг для того, чтобы строительство можно было разбить на две очереди (1952–1958 гг.)³. Архитектор применил нетрадиционный для омской, но не для советской архитектуры прием (пример – гостиница

¹ Музей истории института «Омскгражданпроекта». Фотоальбом «Творческие работы» 1940–1961 гг. Л.22

² ООМИИ им. М.А. Врубеля. Фонд современной графики. Юмакаев А.И. Омский педагогический институт. Перспектива. 1953. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 70,7x109,4. ВХ–28617.

³ Очереди строительства можно восстановить по фотографиям городского центра в интересующий период. ОГИК музея. Фотофонд. ОМК 7472.10; ОМК 7298;

«Москва» 1933–1935 г.г., гл. арх. А.В. Щусев) – центральный вход в виде портала 1930–х гг., тем не менее здание смотрится современно. Этот симбиоз архитектуры раннего сталинского времени и послевоенной эклектики не выглядит пафосным – в меру сдержанный фасад олицетворяет свое предназначение. Профессионально Юмакаев приблизился в стилистике к «титанам» советской архитектуры. Одним из таких непризнанных «титанов» был М.И. Мержанов¹. Он спроектировал в Красноярске здание Крайисполкома (Дом Советов) (1953–1956 гг.)². Фасады зданий схожи своим принципом композиционного построения и применением возможностей строительной индустрии. Отличия между зданиями безусловно есть, т. к. они разного функционального назначения и находятся в разных регионах: во-первых, в Омске недоступен натуральный камень для облицовки, поэтому Юмакаев симитировал его штукатуркой; во-вторых, Дом Советов в Красноярске – доминирующее здание на площади, и главный вход занимает центральное место, а Омский пединститут встраивался в уже существующий квартал и занимал угловое место – это одна из причин углового плана здания.

А.И. Юмакаев – автор одного из объемных домов (на 155 квартир), жилого дома Шинного завода (1944–1955 г.г.). Архитектор превзошел самого себя, спроектировал здание на углу ул. Лермонтовской и пр. К. Маркса. Угловая повышенная часть в 6 этажей решена в виде ярусной системы, верхние три этажа имеют колонны, тянущиеся к треугольному фронту. Венчает всю конструкцию восьмигранный павильон – как в русской архитектуре восьмерик на четверике – с арочными окнами, сверху ротонда с массивным шпилем. Проект поражает своим размахом и монументальностью. Вид здания создавался под влиянием образов высоток в Москве. Парадный экстерьер создает особое звучание архитектуре в окружающем пространстве.

¹ См. Резвин В.А. Зодчий вождя // Резвин В.А. Архитектор и власть. М., 2013. С.207–226.

² Слабуха А.В. Указ.соч. С.203–206.

Заключительный этап строительства выпал на 1954–1955 гг. Это время коренных переходов от декоративности к утилитаризму в архитектуре. Доклад Н.С. Хрущёва на Всесоюзном совещании строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов 7 декабря 1954 г. и Постановление № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 г. определили дальнейший вектор развития индустрии. Те декоративные элементы и скульптурные дополнения, которые были запроектированы, в ходе строительства не были реализованы, угловую часть уменьшили т. о., чтобы упростить фасады, выходящие на магистрали города. Из декора остались пилястры угловой части 4–го и 5–го этажей. Здание в строчной застройке пр. К. Маркса выглядит естественным, что дает основание полагать – Юмакаев в своем творчестве рассматривал декор, художественно–эстетические элементы как бутафорию, а не как реальную необходимость, как это воспринималось Е.А. Степановым.

А.И. Юмакаев – автор жилого дома по адресу Ленинградская пл., 1. Здание состоит из двух объемов, визуально акцентирует балочная арка. Внешне здание мало чем отличается от первых «хрущевок». Однако принципиально этот жилой дом с помещениями для общественных организаций оказался созвучным эпохе. Индустриальные методы строительства, простор в планировке помещений, но при этом адекватная высота этажей, качество материалов – использовались лучшие достижения предыдущей эпохи. Архитектор, как представитель отчасти творческой профессии, не может перестроиться моментально и работать в другой парадигме, следовательно, Юмакаев выбрал особую линию в архитектурно–строительной индустрии, которая стала актуальной в середине 1950–х гг. Такой тип домов мог стать альтернативой «лагутенкам»¹ (профессиональный

¹ Эксперименты велись в разных городах, по разным направлениям см.: Калашников Н.Г. Архитектура «Оттепели»: стилистические альтернативы и маргиналии // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. М., 2013. С.144–161.

сленг – название образовано от имени создателя типового проекта «хрущевок» К-7 – арх. Виталий Павлович Лагутенко).

Третья группа архитекторов – *смежники*. Дипломированных специалистов архитекторов не хватало, поэтому представителям смежной профессии приходилось переквалифицироваться, что сказывалось на облике реализованных объектов и проектируемых зданий. Таким «смежником» являлся инженер. Инженерные кадры также воспитывались в новой парадигме методом проб и ошибок. В инженерном подотряде особо остро воспринимается конфликт между внешними факторами и собственными интересами¹. Само «рождение» профессии советского инженера было сочетанием компромиссов и консенсусов, подобно и архитекторам. Интеллигентовед В.А. Куманев полагает: «<...> образ внутреннего врага, который монтировала уже набравшая силу административно–бюрократическая система, требовал наглядного воплощения. Образ был найден – интеллигенция, выросшая в дореволюционные годы. Известная неприязнь к ней, имевшая место и ранее ("спецеество"), отныне возводилась в ранг государственной политики. "Старый инженер" и "вредитель" стали почти синонимами»². В омской строительной индустрии в среде инженеров в подавляющем большинстве были молодые архитекторы, не всегда работавшие на строительстве зданий. Дореволюционный инженер в своих профессиональных обязанностях имел более широкий спектр полномочий и дел, чем «современный» специалист. Образ инженера 1930–1950–х гг., также как и современный, выглядит по–другому: «как "человек, способный изобретать", "ученый строитель", но не жилых домов (это архитектор, зодчий, и других сооружений различного рода)»³. В этом понимании инженер не имеет моральных прав исполнять обязанности архитектора.

¹Шаттенберг С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930–е годы. М., 2011. С.135.

²Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции (Очерки). М., 1991. С.43.

³Крыштановская О.В. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М., 1989. С.8.

Д.С. Бутырин был руководителем одной из первых бригад «Омпроекта», а с 1944 г. был назначен руководителем секции¹. В штампе чертежей редко встречается строчка «инженер» – массово в чертежный штамп стали вводить после реформ 1955 г., – поэтому долю участия в творческой работе редко можно установить однозначно. Одна из ранних работ Бутырина в качестве автора – проект «Педагогического техникума в Омске». Датировка его работы не определена. Хранитель современной графики Музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля С.В. Черноок определяет хронологические границы проекта – вторая половина 1930–х – начало 1940–х г. Проекты Бутырина излишне рационалистичны. В первом проекте² отсутствует пластика, линии прямые и четкие, с минимальным декором. Во втором варианте здание представлено в перспективе, выполнено в соответствии с правилами архитектурной графики – характер чертежа другой, возможно, этот лист был подготовлен его коллегами. Строгость форм сглаживается только при акцентировке центрального входа, украшенного картушем на аттике и двумя статуями в нишах, окружающих вход³.

В 1930–х гг. Д.С. Бутырин работал в союзе с архитектором П.С. Голенко. Д.С. Бутырин был бригадиром в группе, где П.С. Голенко занимал должность архитектора. Имеется ряд графических работ и чертежей, выполненных в тандеме: Дом крестьянина (1940), Жилой дом на 54 квартиры завода им. В.В. Куйбышева, клуб СибНИИСХоза, кафе № 1 Общепита, первая очередь застройки ул. Герцена. После смерти П.С. Голенко Бутырин был в плотном сотрудничестве с А.И. Юмакаевым: финансовый техникум (1955 г.п.), Педагогический институт (1953), Дом общественных организаций завода им. Козицкого (1950г.), жилые кварталы завода им. Ворошилова (1952), общежитие речного училища МРФ, культкомбинат (1938). Большая часть авторских проектов относится к производственному сегменту (ремонтный цех Сибзавода, производственный корпус Агрегатного завода

¹ Трутнев Л.Е. Указ.соч. С.121.

² ООМИИ им. М.А. Врубеля. Фонд современной графики. №18874

³ Во всех известных авторских работах больше такого декора не встречается.

им. В.В. Кубышева и т. д.). В 1950 г. Д.С. Бутырин под руководством главного инженера Сапронова И.Т. представил реконструкцию клуба «Металлист»¹ (1926–1928 гг., арх. П.И. Русинов²). На строчке "автор" указано "инженер Бутырин", а не "архитектор". Восточный главный фасад выполнен в духе советского «неоклассицизма»: стилобат, центральный тосканский портик с шестью колоннами, триглифы на фризе и пропорциональный треугольный фронтон (1:4), единственная скульптура – фигура человека, держащего сферу, поднятую над головой, и знамя. Перспектива клуба³ выполнена в мягких тонах, с отмывкой и проработанными тенями. Профессионализм его как архитектора вырос на порядок, но лаконичность и строгость выдают в авторе инженера.

Однако инженерный склад ума и профессиональная приверженность позволили Бутырину стать полноправным членом Омского отделения Союза советских архитекторов.

Еще один инженер, который стал полноправным членом архитектурного сообщества – И.С. Глубецкий. Биография этого человека почти неизвестна современным исследователям. Единственная краткая справка в Энциклопедии Омской области информирует, что он вошел в Союз архитекторов в 1958 г., работал в Дорпроекте Омской железной дороги (1947–1958 гг.), занимал должность начальника отдела Омского областного исполнительного комитета по делам строительства и архитектуры (1958–1977 гг.)⁴. Удалось установить, что его архитектурная работа началась раньше. В 1938 г. Голубецкий работал над надстройкой второго этажа и функциональной переориентацией Омского детского туберкулезного санатория. Это дореволюционное здание⁵ (особняк купца А. Батюшкина 1902 г.п., арх. И.Г. Хворинов) уникально тем, что только оно сохранилось из всей

¹ Музей истории института «Омскгражданпроекта». Папка Д.С. Бутырин. Л.30.

² Российско-германский проект Жизнь в памятниках модернизма (буклет выставки Омск. 9–21 марта.).

³ ООМПИИ им. М.А. Врубеля. Фонд современной графики. Сапронов И. Т., Бутырин Д. С. Реконструкция клуба «Металлист». Перспектива. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 55,3x53,8. ВХ–28618

⁴ Энциклопедия Омской области. Т.1(А–М)...С.265.

⁵ ОГИК музея. Фотофонд. ОМК 7903.

застройки иртышской набережной. Автор реконструкции использовал элементы исторической части, оконные проёмы имеют прямоугольную форму, без аналогий с первым этажом.

Голубецкий И.С. – член архитектурно–проекторного совета при отделе по делам архитектуры исполкома Омского городского совета депутатов трудящихся¹. Сочетание инженерных и архитектурных знаний позволило И. Голубецкому составить план застройки ул. К. Маркса – площадь застройки составила 40 га², – соединив железнодорожную площадь с Ленинградской площадью. Голубецкий при разработке проекта учел топографию местности, особенности района, т. к. на этой территории расположены промышленные предприятия, жилой фонд и административные объекты.

Таким образом, архитектурское сообщество выглядит как модульная система. Инженеры строительного профиля могли выполнять архитектурные задачи, они входили в Союз советских архитекторов, занимали должности в проектных организациях как полноправные архитекторы. Архитекторы различались не только по своей квалификации и спецификации – детерминирующим фактором их творчества являлись уровень мастерства выполнения поставленных социальных заказов и производственный опыт. Эвакуированные архитекторы и «вынужденные переселенцы» гармонично входили в сложившийся коллектив, они привносили новшества и современное видение среды обитания городского пространства.

2.3. Производственная деятельность архитекторов Новосибирска в корпоративном измерении

Архитектурное сообщество Новосибирска отличается от омского не только региональной политикой. Начать следует с того, что своеобразным эпицентром профессиональной жизни был Союз архитекторов.

¹ КУ ИСА. Ф. 477. Оп. 1. Д.1. Л.146., л.196.

² Кочедамов В.И. Указ.соч. С.77.

Интегрирующая роль Новосибирского отделения ССА была отмечена городским советом. В решении № 152 от 18 февраля 1944 г. Исполкомом было указано на «плодотворную организационную роль в деле творческого роста объединяемых им архитекторов и целеустремленного направления их деятельности»¹. В связи с десятилетним юбилеем 15 архитекторов и инженеров были награждены почётными грамотами².

На совещании молодых архитекторов города в 1957 г. архитектор Сибгипрозолото Шильниковская высказала мнение об изоляции архитектора: «В нашем городе колоссальное количество проектных организаций, все они разбросаны и мы почти не имеем возможности встречаться друг с другом»³. Заместитель председателя новосибирского отделения Союза советских архитекторов (НО ССА) Б.Г. Сигал на совещании проектных организаций 30 ноября 1956 г. заявлял: «В Новосибирске работает большой коллектив, раздроблен по 33–м проектным организациям, но в работе всех этих организаций так много общего, что это нисколько не мешает нам обсудить все интересующие нас вопросы. Тем более, что задачи перед всеми стоят одни и те же»⁴. До реорганизации области в 1939 г. в Союз архитекторов входили архитекторы более чем из шести крупных проектных организаций Новосибирска (Запсибпроект – 15 чел., Горстройпроект – 23 чел., Сибтранспроект – 16 чел., Сибметаллстрой – 3 чел., Сибстрин – 7 чел., Совхозмонтажпроект – 3 чел., из разных организаций – 19 чел.), а также других городов края – Барнаул (3 чел.), Сталинск (3 чел.), Кемерово (1 чел.), Ойрот–Тура (после 1948 г. Горно–Алтайск – 2 чел.)⁵.

В описании новосибирского архитектурного сообщества стоит отметить, что здесь количество переходит в качество, отчетливо видны черты профессиональной интеллигенции. Если в омском сообществе необходимо

¹ГАНО. Ф. Р.–1444. Оп. 1. Д.24. Л.2

²Примечательно, что среди них были Биткин Б.А., Гофман В.Л., Дворин А.М., Кузьмин Н.С., Кравцов Г.Ф., Осипова К.Е., ни Крячкова А.Д., ни Масленникова В.С. не было.

³ГАНО. Ф. Р.–1444. Оп. 1. Д.155. Л.56.

⁴ГАНО. Ф. Р.–1444. Оп. 1. Д.141. Л.9.

⁵ГАНО. Р.–1444. Оп. 1. Д.11. Л.2–2об.

оговаривать, вычленять особенности и учитывать образовательный и возрастной ценз, то в новосибирской ситуации архитектор априори наделен особой культурой, начиная с образования. Омские архитекторы создавали свою неповторимую архитектурную культуру, в Новосибирске архитекторы ее получали уже на уровне образования. В этом разрезе применительно к архитекторам можно привести определение ученой Г.Н. Соколовой: «Интеллигенция социалистического общества определяется, т. о., как социальный слой трудящихся, профессионально занятых умственным трудом высокой квалификации, требующим как правило, для своего выполнения специального высшего или среднего образования»¹. Такая категория специалистов является интеллигенцией, которая в нашем случае выступает носителем профессиональной культуры. Архитектурная культура – это совокупность нескольких видов деятельности. Ж. Вержбицкий выделяет следующие виды: «архитектурно–художественное творчество; проекты как модели потребного будущего; осуществленные строительным производством объекты в натуре и, наконец, система архитектурного образования»². Можно сюда добавить корпоративную культуру, т. к. она не совпадает с архитектурной – те связи архитекторов (профессиональные или личные), которые определяют производственную работу. Б.А. Биткин, председатель НО ССА, на заседании с молодыми архитекторами из Москвы и Ленинграда 30 сентября 1947 г. в вступительной речи подчеркнул: «Архитектурная культура Новосибирска создавалась одним поколением. Нашим, которое сидит в этом зале»³.

По этим каналам можно восстановить новосибирскую архитектурную культуру, но стоит также учитывать социальный статус архитектора в иерархии.

¹ Соколова Г.Н. Культура труда в социальном развитии технической интеллигенции. Социополитический анализ. Минск, 1989. С.49.

² Вержбицкий Ж.М, Архитектурная культура: искусство архитектуры как средство гуманизации «второй природы». СПб., 2010. С.13.

³РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д.230. Л.2

Профессиональный конгломерат сложился в 1930–х гг., в период активного строительства в стиле конструктивизма. Архитекторы Б. Гордеев, С. Тургенев, инженер Н. Никитин работали в плотном сотрудничестве, несмотря на отсутствие общей производственной площадки – в некоторые временные периоды специалисты работали в разных организациях. С 1930 г., работая над спортивным комплексом «Динамо», коллектив сумел создать современный стройный ансамбль. Историк архитектуры, профессор архитектурного факультета Делфтского технологического университета (Нидерланды) И.В. Невзгодин назвал коллектив «новаторским»¹. Коллективом было выполнено более десяти совместных проектов.

А.Д. Крячков совместно с коллегой по кафедре В.С. Масленниковым составили проект «стоквартирного» жилого дома для Крайисполкома в 1933 г.² Архитекторы были дружны: В.С. Масленников часто гостил у Крячковых³. В облике этого здания сошлись модернистический декор, конструктивистская основа и экспликация помещений рационализма. Эта сложная стилевая эклектика, с одной стороны, не вписывалась в пространственный лаконизм конструктивизма, с другой – была свойственна для творческих поисков того времени. Подтверждение можно найти в докладе Гегелло на заседании новосибирского отделения ССА 5 ноября 1943 г.: «После 30–го года, когда начался поворот в сторону освоения классиков, начался по существу период исканий, которые часто приводили архитектора к эклектике»⁴. По словам С.Н. Баландина, биографа Крячкова, диплом первой степени международной выставки искусства и техники в Париже 1937 г. за научные и архитектурные работы ознаменовал «расцвет архитектурного таланта мастера»⁵. За 5 лет А.Д. Крячков участвовал в конкурсах на проект Домов Советов в Иркутске и в Красноярске, которые также выглядели как

¹ Невзгодин И. Новаторский творческий коллектив: Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев и Н.В. Никитин // Архитектура конструктивизма в Новосибирске. Новосибирск, 2013. С. 280–293.

² Баландин С.Н., Ваганова О.П. Сибирский архитектор А.Д. Крячков. Новосибирск, 1973. С.45.

³ Стребкова А. Воспоминания о деде // Проект Сибирь. №28. С.31–34.

⁴ ГАНО. Ф. Р–1444. Оп. 1. Д.21. Л.2 об.

⁵ Баландин С.Н. Сибирский архитектор. Документальный очерк. Новосибирск, 1991. С.140.

набор конструктивных моделей в классицистическом звучании. Крячков не мог не делиться своими идеями с коллегами и со своими подопечными. Тематика дипломных проектов студентов под руководством А. Крячкова была схожей с его профессиональными работами: Дом Советов в Красноярске, Дом Советов в Иркутске, библиотека в Новосибирске, музей русской культуры. В экстерьере студенческих работ и проектов мэтра можно найти много общего. В постоянной экспозиции ведомственного музея НГАХА представлен дипломный проект 1947 г. общественного здания студента Г. Серебрякова¹. Центральный объем выполнен в формах проекта А.Д. Крячкова административно–хозяйственного корпуса комплекса Западно–Сибирского филиала Академии наук СССР. Сохранился проект, выполненный в схожей стилистике. Силуэтика зданий схожа с Адмиралтейством в Санкт–Петербурге: ярусное построение, галереи колонн на верхнем ярусе, высокий шпиль.

Архитектор пытался не отставать от современных тенденций. В 1931 г. он представил на конкурс Дворца Советов в Москве² свое видение проекта под девизом «Зеленый квадрат»³. Баландин в своем документальном очерке дает только описание проекта и анализирует особенности, но удалось обнаружить оригиналы чертежей⁴. Архитектор разработал здание, состоящее из двух объемов и в разрезе напоминающее крылья. В первом объеме расположены служебные помещения и малый зал, в другом – большой зал и помещения для административных нужд. Здание продумано с точки зрения функциональности, а архитектурно–художественное оформление приближает его к рационализму. С.С. Духанов дал четкую характеристику этому явлению: «Скульптурная выразительность сооружения достигается

¹ Проект также был опубликован в книге С.Н. Баландина и Г.И. Пустоветова (рис. 23 вклейка между с.64–65).

² В ходе работы удалось установить, что Ширяев А.Н. также учувствовал в группе выполнял проект Дворца Советов в Москве, но в каком статусе и поэгидой какой организации установить не удалось. См. ГАНО. Ф. Р–1444. Оп. 1. Д.5. Л.9

³ Крячков не давал своим конкурсным проектам словесные девизы, предпочитал приклеивать фигуры. Так например в конкурсе 1911г. на проект омского Городского торгового корпуса он представил проект «Синий круг» См. : Баландин С.Н. Сибирский архитектор ... С.71.

⁴ ГНИМА им. А.В. Щусева. Инв. №№ Р1а 1564; Р1а 1566; Р1а 560; Р1а 561; Р1а 904.

расчлененной композицией из идеальных объемов, обладающих легкостью (рациональностью) восприятия на основе «экономии психической энергии»¹. Крячков не принимал участие в следующих турах. Работу в качестве дипломного проектирования под его руководством осуществляли студенты Н. Бровкин, А. Попов, Д. Симонов (1933 г.). Сохранилось только три чертежа: продольный разрез, план 3-го этажа, главный фасад². Прямоугольный объем в плане, разделяющий купол на две неравные части. Судя по характеру главного фасада, административное здание имеет также рационалистические черты с явной ориентацией на классическое наследие (мощный шестиколонный портик в портале, полуколонны и пилястры по всему периметру здания). Можно предположить, что композиция проектируемого здания навеяна версиями³ строящегося Дома науки и культуры, рецензентом по оформлению выступал тогда сам А.Д. Крячков⁴.

Удивительно, что архитектор, который начинал свою профессиональную карьеру в дореволюционной России, оказался в творческом коллективе Б.А. Гордеева и С.П. Тургенева (1932 г.) при разработке и строительстве Крайисполкома. К.К. Леонов, будучи студентом Архитектурного факультета, был направлен на производственную практику на строительство Дома Советов. Его замечания были отражены в неопубликованной статье – рукопись статьи была найдена в ходе архивных поисков – «Здание Облисполкома в Новосибирске. Дом Советов»⁵. В связи с тем, что статья не была опубликована, появляется необходимость представить интересующий нас фрагмент: «На всем этапе проектирования рабочих чертежей и развернулась совместная творческая работа проф. А.Д. Крячкова, арх. Б.А. Гордеева и арх. С.П. Тургенева. В разработке рабочих чертежей Дома Советов принимали непосредственное участие многие

¹ Духанов С.С., Журин Н.П. Опыт изучения стиля и метода архитектурного проектирования советской эпохи (1917–1955 гг.): на примере рабочих клубов и Дворцов культуры Новосибирска. Новосибирск, 2009. С.42.

² Музей истории архитектуры им. С.Н. Баландина при НГАХА. Ф. студенческих работ. Постоянная выставка музея (1 зал).

³ В ведомственном музее НГАХА сохранилось 16 разных проектов.

⁴ Баландин С.Н., Баландин В.С. Указ.соч. С.70.

⁵ ГАНО. Ф. Р–2208. Оп. 1. Д.4 на 7 лл.

видные специалисты <...> Справедливости ради должен сказать, что эскизный проект, составленный проф. А.Д. Крячковым, был по планировочной структуре четким и рациональным с хорошими пропорциями помещений, особенно входного узла, которые сохранились и в рабочем проекте. Однако фасады, как главный, так и боковые, хорошо обзриваемые со всех сторон, были сухи и невыразительны. Четкий размеренный ритм оконных проемов подчеркивал сухость архитектурного решения фасадов»¹.

Оценка студенческих впечатлений с точки зрения сложившегося архитектора показывает, что участие Крячкова было не формальным, а реальным. Образ здания сложился в результате привнесения каждого члена авторского коллектива в общее дело.

А.Д. Крячков мог видеть перспективы, но не всегда мог их реализовывать. По словам С.Н. Баландина, идея создания архитектурного архива принадлежит его учителю. А.Д. Крячков предполагал собрать архитектурные проекты и чертежи современности для следующих поколений. Архив мог быть полезен и практикующим архитекторам для обмена опытом. Согласно сведениям с официального сайта Музея истории архитектуры Сибири идея возникла в 1918 г., для сбора материалов были организованы экспедиции². В 1934 г. был создан музей архитектуры при Академии архитектуры. Идея была актуальной, т. к. архитектурная жизнь была насыщенной (многочисленные конкурсы, эскизы к застройке городов, генплан Москвы 1935 г. и т. д.), и результаты работ должны были оседать где-то в специальном хранилище.

Взгляд исследователя на проблему – очень важный вопрос. Мнение архитектора К. Леонидова спустя время – крайняя точка, когда можно постараться объективно оценить событие, в котором он принимал участие. Для дистанцировавшегося исследователя ситуация выглядит иначе. Заслуженный архитектор РФ, кандидат архитектуры, почетный член РААСН,

¹ ГАНО. Ф. Р-2208. Оп. 1. Д.4. Л.4об.-5

² Музей был открыт в 1995г. усилиями С.Н. Баландина. Посвящен был архитектурному образованию. В начале собрание было представлено в виде музея архива.

В.М. Пивкин в истории архитектуры выделяет группу архитекторов, которые получили образование в стенах «Академии художеств»: Т.Я. Бардт, В.М. Тейтель, К.Е. Осипов. Эти архитекторы знали друг друга, но крайне редко работали под единым началом. Приверженцы разных методов строительства с разным жизненным достатком объединены только по критерию образования. Творческие работы этих архитекторов редко попадают в дискуссионное поле отраслевых исследователей¹. Такая исследовательская модель нежизнеспособна в исследованиях, т. к. она создана уникальным ученым. Сам «академизм» сидит в архитекторах гораздо глубже.

Г.Ф. Кравцов, занимаясь перестройкой кинотеатра «Пролеткино» (арх. С.А. Шестов, И.И. Загривко, 1926 г.п.), обратился к классическому наследию. Пристроенный восьмиколонный портик с двумя галереями колонн использовался при создании перед кинотеатром авансены. Однако С.Н. Баландин отрицательно отнёсся к декоративности: «Ордерные формы "приставного" портика и другие элементы и формы архитектуры псевдоклассицизма носят сугубо субъективный характер, примитивный рисунок, имеют грубоватое строительное качество»². Низкое качество строительного воплощения – не вина архитектора. Кравцов часто осуществлял авторский надзор и регулярно посещал стройку, но возможности индустрии были иными. Архитектор ДК им. М. Горького Л.С. Михайлов вспоминал, что строительные работы велись не профессионалами, порой, в целях удешевления строительства привлекался труд военнопленных и заключенных. Архитектору пришлось исправлять ошибки строителей, которые «залили фундамент портика», поэтому диаметр колонн вынужденно был увеличен, вопреки классическим традициям коринфский ордер получил дорическую толщину.

¹ Из всех академистов самостоятельного изучения был удостоен Т.Я. Бардт. См. Пивкин В.М., Евстешина Д.С. Архитектор Т.Я. Бардт: известный и неизвестный. Новосибирск, 2005. 140с.; Пивкин В.М., Евстешина Д.С. Архитектор Т.Я. Бардт: известный и неизвестный. Новосибирск, 2007. 196с.

² Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1945–1985г.... С.37

Обращение к классике привело к формированию сложного типа профессионального сознания архитектора – историзма. Одним из авторитетных ученых в этой области является А.В. Иконников. Он дал емкое описание: «*историзм в архитектуре* можно определить как установку на создание знаков, обозначающих связь с культурой прошлого, и отсылку к исторической памяти в системе, отражающей идеальные представления о будущем (естественно, о том "обозримом" будущем, которому адресуется свое конкретное произведение архитектор)»¹. Возможный образ социалистической архитектуры – «дворец»² – не для одного, он для народа. Архитекторы предпринимали попытки создать такой дворец. В суровых условиях борьбы «с излишествами» арх. Л.С. Михайлов со своими коллегами вели строительный процесс по ведомственной линии, для того чтоб задуманный вид не пострадал. В современных условиях ДК входит в архитектурный комплекс. Ситуационная застройка позволяет оценить Дворец культуры как уникальный памятник эпохи с двумя фонтанами, многочисленными балюстрадами и богатым лепным убранством. Классические и неоклассицистические элементы были использованы при проектировании не только самого объема здания, но и двух фонтанов на прилегающей территории: фонтаны римского типа сложены из этих же скульптурных элементов³.

Дворец культуры им. М. Горького проработан на высоком уровне. В связи с этим можно привести слова Ю.Б. Борева: «<...> художники, работавшие в русле этого метода <социалистического реализма>, нередко создавали яркие, а иногда и классические произведения»⁴. Архитектор, подобно художнику, уходил от реальности в «реализм». О Дворце культуры главный архитектор города Терехин в своем докладе на собрании «О

¹ Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве М., 2006. С.320

² Иконников А.В. Историзм в архитектуре. М., 1997. С.430.

³ По городской легенде фонтан был сделан военнопленным немцем с инженерным образованием, поэтому возможно это объясняет такой облик сооружения. См. Маранин И. Мифосибирск. Мифы, тайны, байки и реальные истории о Новосибирске. Новосибирск, 2011. С.117.

⁴ Боров Ю.Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. М., 2008. С.292

состоянии застройки города и перспективах его развития» заметил: «К числу таких <т. е. высоко профессионально выполненных> жилых массивов относится Красная горка с дворцом культуры, который в нынешнем году будет сдан в эксплуатацию. Этот объект является первым, в котором особенно выражено содружество архитекторов, скульпторов и художников»¹. В таком содружестве, надо отметить, жил и союз архитекторов, т. к. выставки проходили в помещениях Союза художников – до того как был введен Дом архитекторов, – библиотека располагалась вместе с библиотекой Союза писателей². Такое тесное сотрудничество, своеобразный альянс, возможно, позволил архитекторам, находясь в плотном контакте, осваивать всесторонне метод «соцреализма». Существовала такая байка, что скульптурный медальон для центрального большого фронтона с профилем М. Горького был выполнен с долей субъективизма. Когда архитекторам представили барельеф, то многие из них нашли «больше сходств с Михайловым, чем с "буревестником революции"».

Отрыв от индустрии заметен в годы тотальных изменений. Главный архитектор города В. Терехин поддержал инициативу облегчения конструкций, лепного декора НИИЖДа³.

В период председательства А.Е. Ащепкова происходит сближение архитекторов и потребителей архитектуры: «В практику работы Союза в 1956–1957 годах была введена организация встреч архитекторов с жильцами выстроенных по их проектам домов»⁴. На подобных встречах архитекторы могли увидеть реальную картину жизни. Сами архитекторы замечали разницу между замыслом и реальностью. В частности, Васильев взял на себя обязанность сказать об этом на заседании молодых архитекторов Новосибирска: «Между графикой, которая не очень плохо сделана на подрамниках, и натурой разница есть – в натуре сделана во многом лучше,

¹ ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д.140. Л.12.

² ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д.18 Л.17.

³ Терехин В. Против архитектурных излишеств // Советская Сибирь. 1955. 15 марта. С.2

⁴ Долнаков А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. Новосибирск, 1992. С.82

чем вся эта графика, которая нам представлена. Так, между прочим, покойный Щусев делал проекты: у него на подрамниках выходили проекты хуже, а в натуре лучше, он сам об этом говорил»¹. Действительно, качество архитектурной графики изменилось после 1955 г., когда были внесены изменения в учебные планы и рабочие программы дисциплин, но однозначно определить, в какую сторону были направлены произошедшие изменения, трудно. Молодой специалист А.А. Воловик в 1950 г. закончил Казахстанский республиканский строительный техникум, продолжил обучение в НИСИ², по окончании которого выполнил дипломный проект³ с ориентацией на высотные здания в Москве. Дипломный проект был выполнен в традиционной для первой половины 1950–х гг. манере и графике, он не стал «клеймом» на карьере архитектора. А. Воловик создал проект аэровокзала Толмачево в 1963 г. с прекрасной графической прорисовкой⁴.

Наиболее удачные проекты реализовывались дважды. Таким повторно–применяемым проектом можно назвать клуб Тяжстанкогидропресса (ДК им. Ефремова, 1952 г.п.) и ДК им. А.А. Жданова (ныне ДК «Энергия». 1953 г.п.) авторства арх. А.А. Добролюбова. С.Н. Баландин видел композиционную близость с кинотеатром «Победа» – восьмиоконный портик, высокий антаблемент⁵. Однако натурное обследование показало, что ДК им. Ефремова выполнен более качественно, и центральный портик – не ложный (колоннада поддерживает фронтон, между колоннадой и телом здания – цилиндрическое перекрытие, подобное тому, что у Театра оперы и балета). Эти два ДК были построены при заводах, поэтому назначение одно – проведение организационных массовых мероприятий, – экономия средств стала возможной благодаря такому типовому проекту в пределах одного города.

¹ГАО. Ф. Р–1444. Оп. 1. Д. 155. Л.32

²Усепян Л.Х. Сибирский архитектор Анатолий Афанасьевич Воловик (1929–1999) // Баландинские чтения: сб. статей VIII научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск, 2014. С.300 – 306.

³Музей истории архитектуры им. С.Н. Баландина при НГАХА. Зал 3. Постоянная выставка. Стенд арх. А.А. Воловика.

⁴Кабаков А. Архитектор Анатолий Воловик. К 75–летию со дня рождения // Проект Сибирь №20. 2004. С.4.

⁵См. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1945–1985 гг. С.38.

Основные архитектурные силы были консолидированы вокруг центра города. Историк архитектуры Б.И. Оглы дает характеристику послевоенного периода: «Особое внимание было уделено проекту центра, что во многом предопределялось общим духовным эмоциональным подъемом в стране после окончания войны и стремлением придать городу более яркий, обновлённый выразительный облик, который бы отразил победоносный триумф народа»¹. Одной из нерешенных проблем до сегодняшнего дня является набережная города. Над проектом городского центра работали арх. И.И. Соколов–Добрев, Р.М. Окунева, А.Ф. Якуевич – последняя предполагала проработку силуэтики набережной р. Обь. Это общая тенденция поворота города к реке, наметившаяся в конце 1940–х – начале 1950–х гг.² Примечательна эволюция архитектурных образов зданий. В узловых точках предполагалось поставить высотные акценты. Проект разрабатывался на протяжении двух лет – с 1948 по 1950 г. В личном фонде Е.А. Ащепкова сохранилась феррография реконструкции набережной³. Архитектурно–планировочная мастерская разработала проект, на котором центральное место занимает высотка. К этому главному объему композиции стягиваются основные магистрали, в том числе магистраль, идущая с коммунального моста, с разделением направлений бульваром⁴. Общее решение транспортной развязки повторяет предложение М. Минкуса и В. Гельфрейха Смоленской площади в Москве⁵. «Помимо радиальных и кольцевых магистралей прокладывалась новая осевая магистраль от вокзала на юго–восток параллельно реке Оби»⁶.

¹ Оглы Б.И. Новосибирск ... С. 55

² Оглы Б.И. Градостроительство городов Сибири Л., 1980. С.130

³ ГАНО. Ф. Р–2102. Оп. 1. Д.308. Л.2 (из двух частей)

⁴ Примерно на этом месте была возведена ГПНТБ СО РАН по проекту арх. А.А. Воловик.

⁵ Описание см. Варзар Л.В., Яралов Ю.С. С.А. Минкус. М., 1982. С.69.

⁶ Решение №1057 Исполнительно комитета Новосибирского городского совета депутатов трудящихся от 16 декабря 1944 г. Цит. по: Новосибирск. История генеральных планов в документах (авт.–сост. В.Н. Шумилов). Новосибирск, 2007. С.300

Кроме транспортного решения была повторена «историческая ошибка»¹: высотное здание не было увенчано шатровым завершением и шпилем. Архитекторы поправили проект в 1950 г.²

К таким образцам архитекторы относились по-разному, не было единодушия по данному вопросу. На совещании по итогам творческой деятельности архитекторов за 1953 г. В.К. Петровский, работавший в Горпроекте, дал свою оценку относительно башенных композиций: «Я согласен, что башня на рынке весьма сомнительна, хотя бы потому, что она не масштабна пятиэтажной застройке на противоположной стороне улицы. Увеличивать же ее масштаб не нужно, башня здесь как композиционный элемент города не нужна <...> Ансамбль пл. им. Сталина решался не раз и последний вариант с двумя башнями одобрен большинством нашей архитектурной общественности»³. Петровский также добавил, что на общественных просмотрах его коллеги отмечали, что такое решение не вступает «в спор с Оперным театром».

Такие архитектурные образцы требовали соответствующего градостроительного контекста и сомасштабности площади, поэтому большинство проектов отклонялись.

Архитекторы Новосибирска находили оптимальные решения для своего города. Было неоднозначным понимание архитектурных образцов, которые предлагались московскими градостроителями. Архитекторы предпринимали попытки создания удобной городской среды со своей уникальной архитектурной пространственной организацией.

¹ Васькин А.А., Назаренко Ю.И. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям М., 2009. С.121–142.

² В книге Оглы БИ. Провидел окончательный вариант со шпилем. См. Оглы Б.И. Новосибирск ... вклейка между с.40–41 рис. 15, 17.

³ ГАНО. Ф. Р–1444. Оп. 1. Д.104. Л.10

Глава 3. Повседневная жизнь и общественная деятельность архитекторов сибирских городов 1930-х – 1950-х гг.

Повседневность как самостоятельный предмет исследования стала благодаря исторической школе «Анналов» Л. Февра¹ и М. Блока². Сфера жизни стала выступать определённым критерием в оценке исторических эпох. Развитие этого направления позволило учёному Ле Гоффу³ предпринять попытку изучения одной из самых «тёмных» эпох истории – средневековья. У теории в таком ракурсе появились свои приверженцы, в том числе и в отечественной науке⁴ (а также отечественные аналоги⁵). Антропологический поворот ознаменовал новые пути в решении многих проблемных зон истории. Тоталитарное общество по своей структуре «замкнуто», «закрыто», поэтому нарративная история здесь не работает, т. к. предметы исследования при любых критериях будут субъективны. Благодаря изучению ментальности человека (Л. Февр), его видению мира (М. Блок) можно составить «повседневную картину мира». При всей сложности использования данного принципа изучения исторического материала повседневность является той призмой, через которую можно увидеть «самого архитектора». В данной работе под повседневностью⁶ понимаются те условия совместной жизни, та частная жизнь специалиста – учитывается не только бытовой или культурный уровень, но и профессиональный, – которые «самоорганизованы» человеком в соответствии со своими представлениями. Важной темой являются те вещи, которые мало связаны непосредственно с

¹ Февр Л. Бои за историю. М.: Наука.: 1990. 627 с.

² Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986. 174 с.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс. 1992. 376 с.; Его же. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 25–44.

⁴ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.; Его же Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.;

⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.

⁶ Наиболее полный список определений «повседневности» представлен А. Щютцем. См.: Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003, 336 с.; Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 120–136.

профессиональной деятельностью. Складывается образ и формируются представления об архитекторе, его окружении.

В связи с этим источники личного происхождения необходимо прочитывать особым образом. Интерпретация субъективных фактов может осложнить образ специалиста. Вне зависимости от характера источника не следует исключать контекст, который прежде всего связан с производственным процессом. Бытовая жизнь трансформируется под влиянием трудовой деятельности и среды работы специалиста, что невозможно не учитывать в данном случае.

3.1. Общая характеристика городского пространства Омска и Новосибирска

Омск и Новосибирск в 1930-х гг. становятся примерно равнозначными городами–центрами соответствующих административно-территориальных образований. Выдающийся историк архитектуры и градостроительства Сибири отмечал: «Формирование центров крупных городов связано с общим процессом урбанизации и с его региональными особенностями»¹. Исходя из процесса организации градостроительного пространства и архитектурных замыслов оформления города, можно выявить основные черты урбанистического развития.

Согласно п. 1 Постановления ВЦИК от 7 декабря 1934 года «О разукрупнении Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краёв и образовании новых областей в Сибири», была оформлена Омская область: «Образовать Омскую область с центром в г. Омске в составе всех районов и национальных округов нынешней Обско-Иртышской области и следующих <13. – К.В. > районов Западносибирского края и <11. – К.В. > Челябинской

¹ Оглы Б.И. Формирование центров городов Сибири на современном этапе урбанизации // Проблемы формирования архитектуры Сибири: Сб. науч. тр. Иркутск, 1988. С. 3.

области»¹. Это административное разделение создало одну из самых обширных областей страны. В этом отношении интересна рефлексия самих архитекторов. Е.А. Степанов пишет: «Омск стал центром крупнейшей в Союзе области с границами от Казахстана до Северного Ледовитого океана площадью свыше 1,5 миллионов квадратных километров»². Е. Степанов являлся современником этих событий, поэтому его впечатления спустя десятилетия позволяют понять, как в его сознании повышалась роль города и самооценка как жителя.

Численность населения административного центра области в 1931 г. составляла 162 200 чел., в 1935 г. – 246 000 чел., в 1937 г. – 270 542 чел.³, в 1939 г. – 288 900 чел. Для сравнения приведем данные по Тюмени на тот период: в 1931 г. – 58 000 чел., в 1937 г. – 76 478 чел.⁴, в 1939 г. – 79 200 чел.; и по Тобольску: 23 500 и 32 244 чел. соответственно. Таким образом, даже численно Омск превосходил города, которые располагались на территории области. Согласно данным переписи 1939 г., на территории области проживало 506 025 чел. из числа городского населения (21,3 %) ⁵. Административный центр исторически моложе Тюмени на 130 лет, Тобольска – на 129 лет и Тары – на 122 года. Связь между этими городами была не всегда установлена, т. к., опираясь на архивные данные, личную переписку между архитекторами, можно утверждать, что многие письма и запросы не всегда получали должного ответа или вовсе оставались без внимания. Серьезные изменения область претерпела в середине Великой Отечественной войны. Первой областью, которая вышла из состава Омской, была Курганская (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1943 г.) с одноименным центром. В следующем году была выделена Тюменская область, куда вошли все северные районы и округа.

¹ Административно–территориальное деление Омской области в 1917–2007 / Сост. Г.Ю. Гурьев, Л.И. Огородникова. Омск, 2008. С. 12.

² Степанов Е.А. Омпроект–Омскгражданпроект... С. 7.

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 65.

⁴ Там же.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 24

Градостроительная структура Омска к началу 1930-х гг. была развита слабо, «спонтанное» частное строительство не всегда позволяло отрегулировать развитие урбанистического пространства. Отдельные городские образования, прилегающие к Омску, по мере расширения городской линии включались в состав. Например, Ленинск – самостоятельный населенный пункт, выросший из Атаманского хутора, в 1923 г. получил самостоятельный план планировочной структуры, разработанный инженером Назаретовым¹. Этот план на протяжении десятилетия перерабатывался и обновлялся в соответствии с современными тенденциями², а позже полностью был отвергнут. В газете «Рабочий путь» за 12 мая 1927 г. отмечалось: «Заселение и застройка новых земельных участков в Ленинске-Омском в настоящее время производится не по проектному плану, составленному инженером Назаретовым»³. Градостроительный план был составлен не архитектором, однако идея создания «зеленого города» была актуальной для архитекторов 1920-х – нач. 1930-х гг. не только в СССР, но и в мировой практике. Заграничные градостроители Бруно Таут (Германия) и Эбенизер Говард (Великобритания) предлагали и реализовывали свои идеи «города-сада», «рабочих поселков», «закрытых кварталов»⁴. Практика рационализаторского и рационального использования городской структуры была поддержана в среде советских архитекторов, которые были заняты поиском новых направлений архитектурного дела. Инженер Назаретов – возможно, работал при железнодорожном ведомстве – предлагал градостроительную сетку, схожую с оригинальной концепцией «города-сада» Э. Говарда (*To-Morrow: A Peaceful Path to Real Reform*, 1902 г.). Лучевое сечение замкнутого урбанистического пространства определяло перспективу роста по основным радиальным направлениям. Судя по единственному изображению, приведённому в газете «Рабочий путь»⁵,

¹ Кочемамов В.И. Указ.соч. С. 62.

² См. Мысливцева Г.Ю. Идея города-сада в Омске 1920-х годов // Омская муза. 2000. С. 144–149.

³ В. Т-ин Планировка города. Будущий город-сад // Рабочий путь. 1927. 12 мая. С. 8.

⁴ Curtis W.J.R. *Modern architecture since 1900*. New York. 2001. P. 241–255.

⁵ Ленинск-Омский через 10 лет // Рабочий путь. 1927. 12 мая. С. 8.

можно отметить, что магистрали и основные элементы инфраструктуры разбиты секторально, что позволило органично развиваться как самостоятельной системой, так и в качестве составной части города Омска. Центральный сектор в предлагаемом плане приобрел бы круглую форму, разбитую прямыми линиями в виде пятиконечной звезды. В личных записях В.И. Кочадамова был обнаружен листок¹ с конспектом статьи из газеты и схематичным изображением этого плана. Градостроительная сетка в виде «Эмблемы Республики Советов» была отмечена другим историком архитектуры. В своей диссертации Б.И. Оглы дает оценку этому решению: «В южной части Омска, в связи со строительством в 30-х годах так называемого "Соцгорода", инженером Назаретовым разрабатывается городсад в виде пятиконечной звезды. В этом же году города-сады проектируются в Кузнецке и Барнауле»². Ленинск-Омский получил до присоединения в 1930 г. самостоятельную градостроительную структуру, которая отлична от омской. Исследователь российского градостроительства В.Р. Крогиус отмечает, что вхождение подобных новых урбанистических образований в состав исторического города требует особого внимания и отдельных исследований. Необходимо согласиться с таким заключением: Ленинск-Омский в довоенный период воспринимался как чужеродный объект в составе города – на генеральных планах развития Омска Ленинск указывался отдельно или не упоминался в программах городской застройки.

После 1934 г. Омск как областной центр нуждался в реконструкции. Первый генеральный план был составлен бригадой архитекторов из Новосибирского отделения Горстройпроект. В «Архитектурной газете» подчеркивали сильные стороны этого проекта: «Генеральный проект новой планировки Омска, разрабатываемый Новосибирским отделением Горстройпроекта, ставит своей задачей реконструировать Омск, не

¹ ОГОНПБ им. А.С. Пушкина. Отдел рукописей и редкой книги. Фонд Кочадамова В.И. Папка Омск. Л. 6.

² Оглы Б.И. Развитие композиционно-планировочной структуры городов Сибири – центров районов расселения: дис. ... д. арх. н., 1973. С. 93.

увеличивая городской площади, а радикально улучшив ее использование»¹. Укрупнение кварталов позволило сохранить площадь города и имеющуюся уличную сетку. Авторский коллектив сохранился (рук.Л.С. Сивек, соавтор П.К. Куриленко, экономист С.Б. Якобсон). Однако в статье присутствует факт, который не получил подтверждения: «Работу над генеральным проектом города, которая уже заканчивается, консультирует архитектурно-технический совет Горстройпроекта при участии акад. арх. И.В. Жолтовского»². После завершения работы новосибирские архитекторы передали все материалы и чертежи омским архитекторам. В.И. Кочедамов указывал: «В 1935 году новосибирским филиалом "Горстройпроекта" были составлены четыре варианта схем размещения территории»³. Ученый не останавливался на вариантах развития, а привел пример, что по одному из проектов город должен развиваться на левом берегу р. Иртыш, а для связи с исторической частью предполагалось построить мост напротив Управления омской железной дороги. Фотокопия этого проекта сохранилась⁴, поэтому с уверенностью можно отметить, что этот вариант разрабатывала Архитектурная мастерская № 5 НО «Горстройпроекта».

Градостроительный замысел новосибирских архитекторов можно восстановить по подробному описанию отчетной выставки проектов. Архитектор В.Н. Позняков в своей статье⁵ дает подробное описание, основываясь на технико-экономических записках новосибирского отделения Горстройпроекта к плану г. Омска, задании на типовой квартал, схемы сетей учреждений и организаций, планах очередности строительства, схемах внутригородского транспорта, представленных на выставке. В первой части своей статьи архитектор описывает виртуальную прогулку по будущему «Большому» Омску (т. е. центр в представлениях новосибирских

¹ Самойлов И. Новый Омск // Архитектурная газета. 1937. 23 сентября. С. 1.

² Там же.

³ Кочедамов В.И. Указ.соч. С. 67.

⁴ Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина при НГА.ХА. Ф. городов Сибири. Д. Омск–Тара. Л. 24. Фото. 2.

⁵ Позняков В.Н. Большой Омск // Омская область. 1937. № 9. С. 3–19

проектировщиков расширяться до ул. Кузнечной), используя, по словам автора, «показательный метод». Автор рассказывает о типовом крупном квартале в 11–12 га, в котором проживают 5 тыс. чел., о планах строительства моста через р. Омь¹ – этот проект был реализован только в послевоенный период², – о рационализации схемы трамвайного транспорта. Во второй части автор в цифрах и положениях представляет будущий облик города. К концу реализации третьей очереди Омск увеличится «по проекту Горстройпроекта на 550 тыс. жителей»³. Типовой квартал рассчитан на 2,5 или 5 тыс. жителей с соответствующей инфраструктурой и дорожно-транспортным комплексом. Высотность города достигнет четырех, пяти этажей, а в отдельных районах здания в шесть и семь этажей. Для визуальной наглядности архитектор приводит пример: «Громада жилого дома Облисполкома уже не выскакивает из пространства»⁴. Согласно экспликации зданий, представленных на проектах, в центральной части города будут размещены следующие объекты (на тот момент – разной степени готовности): Дом Советов (утвержден и разрабатываются рабочие чертежи), Дом горсовета (займет действующее здание Облисполкома), Дом райсоветов для партийных, профсоюзных и общественных организаций, Дом НКВД, Центральный дом юстиции, Центральный дом милиции, Дом кредитных учреждений, Дом коммунальных трестов, Дом хозорганизаций, Дом комитета Севера, Областной и городской комитеты комсомола, Облпрофсовет, Дом связи (проектируется вместе с почтамтом), гостиницы, пожарные станции и пр. В статье также упоминаются районные центры, что может свидетельствовать о предложении новосибирскими архитекторами своей концепции по развитию городских районов, в частности Сталинского, ныне Советского административного округа.

¹ Рогулин. Каким будет мост через Омь // Омская правда. 1935. 27 октября. С. 4.

² Волков Н.Р. Новый мост через р. Омь в г. Омске // Омская область. 1941. № 4. С. 71–73.

³ Там же.

⁴ Там же.

В.Н. Поздняков, как опытный архитектор¹, реально оценивает возможности города: «Непосредственному осуществлению проекта в натуре должен предшествовать серьезный подготовительный период, период разработки, уточнения выведенных в проекте положений»². Отдельные положения выносились на публичные обсуждения, где они предлагались в открытой печати.

Одним из принципиальных моментов был производственно-территориальный способ развития города. «За основной фактор при разработке перспектив социалистической реконструкции гор. Омска взято развитие промышленности»³. Следуя этому принципу, градостроители выбрали семь площадок: 1. Северная, рядом с кирпичным заводом № 6, для судовой верфи и ряда вредных в санитарном отношении предприятий; 2. Северная правобережная прииртышская – район Трактородеталь им. Кагановича, лесозавода и судоремонтный завод – для развития уже имеющихся предприятий без расширения площадок; 3. Площадка замкнутого типа завода им. Куйбышева и суконной фабрики в перспективе для размещения еще одного предприятия – новой типографии; 4. Восточная площадка (три кирпичных завода, быткомбинаты, биофабрика) для размещения жилой зоны вдоль р. Омь, швейной фабрики, плодоовощного комбината; 5. Центральная, между железнодорожным узлом и городским массивом, для сосредоточения основных промышленных предприятий; 6. Площадка Ленинского района (Паровозо-ремонтный завод, мельница «Коммунар», законсервированный маслобойный завод, подлежащий сносу) для строительства элеватора; 7. Кировская районная площадка (Левый берег, терминальный элеватор, мельница 1С и 2С, завод круп, кожзавод, шпалопропиточный завод НКПС и кирпичный завод) рядом с южной ж/д

¹ О самом В.Н. Позднякове см.: Слабуха А.В. Поздняков Виталий Николаевич // Слабуха А.В. Указ.соч. С. 270–271.

² Поздняков В.Н. Большой Омск // Омская область. 1937. № 9. С. 3–19.

³ Грассе Г.Р. Перспективы социалистической реконструкции города Омска // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 5. С. 67–72.

веткой для размещения макаронной, кондитерско-бисквитно-галетной фабрики, комбината растительных и животных масел, мыловаренный завод¹.

Городская конфигурация также должна была подлежать изменению. Предполагалось построение меридиональных магистралей, соединяющих Ленинский район с административно-культурными центрами и вузовским городком². Таким образом, Ленинский район должен был стать частью общего городского пространства. Архитектурный облик города по проекту претерпевал серьёзные изменения: основные трансформации связаны с центральной частью города. Административный центр складывается вокруг здания Дворца Советов (название соответствует современным тенденциям): «От его архитектурной трактовки будут зависеть "стили" всех будущих новостроек центра, – он должен задавать тон в решении сложной задачи архитектурного оформления существующих и надстраиваемых зданий»³. Предлагались «стержневые» (термин приводит автор) объекты: Дом Советов, театр, дворец культуры, зелёный массив сада, Сибирский научно-исследовательский институт зернового хозяйства и Институт сельского хозяйства им. Кирова. Однако без учета экономических возможностей в проекте были сделаны предложения сноса ряда исторических капитальных зданий⁴, что не могло быть реализовано.

Проект Новосибирского отделения «Горстройпроект» не был полностью реализован. Предлагаемая градостроительная сетка получила развитие в последующее десятилетие, но архитектурные объекты для центральной части не были построены. Современный историк архитектуры С.С. Духанов обращает внимание на дробный характер планировки. «Согласно проекту Омск располагался на двух берегах, хотя "разбросанность" города не соответствовала ни градостроительным проблемам самого Омска того времени, ни степени развития его коммунального хозяйства (отсутствие

¹ Грассе Г.Р. Задачи реконструкции г. Омска // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 6. С. 50–55.

² Там же.

³ Грассе Г.Р. Задачи реконструкции г. Омска // Народное хозяйство Омской области 1935. № 6. С. 50–55.

⁴ См.: Гильман Р. Архитектурное оформление центра города Омска // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 6. С. 56–58.

коммунального моста через Иртыш, подъездных путей и т. д.)»¹. Историк архитектуры заметил, что для объединения города, т. е. промышленных территорий и Ленинска-Омского, проектировщики применили принцип развития транспортных сетей, т. е. градостроительным способом проблема «компоновки» города не решалась.

В предвоенное время (1940–1941) во исполнение решения Омского обкома ВКП(б) «Об облике советского города» архитекторы «Омпроекта» (Степанов Е.А., Крушельницкий Ю.Э., Александрович М.А., Богушевич Б.И.) занимались разработкой комплексного благоустройства центральной части города². Планировочная схема не смогла заменить полноценный генеральный план, т. к. инфраструктура, поддержка коммунального хозяйства требовала специальных подходов.

Великая Отечественная война поставила в суровые условия проектное дело. До официального издания инструкции НККХ РСФСР по проектированию населенных мест на военное время Омский Облкомхоз предлагал руководствоваться указаниями по сокращению проектных материалов по проектно-планировочным работам: «разработка генеральных проектов планировки заменяется составлением схематических проектов планировки»³. Стратегическая цель заключалась в достижении максимального сохранения существующего благоустройства и обеспечения дальнейшего планировочного развития при минимальных затратах на подготовку застраиваемой территории.

В период Великой Отечественной войны в Омск были эвакуированы крупные производственные предприятия. Ряд предприятий был эвакуирован на свободные территории, слит с промышленными предприятиями, например, московские авиационные заводы № 156 и 81 были слиты с омским

¹ Духанов С.С. особенности работ по генеральной планировке городов Западной Сибири в 1930-е гг. (по материалам фотофонда музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина) // Баландинские чтения: сб. ст. VIII научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск, 18–20 апреля 2013. Новосибирск, 2014. С. 311–319.

² Степанов Е.А. Указ.соч. С. 60.

³ КУ ИсА. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 1. Л. 5

№ 166. Свободные участки, где разместились предприятия, стали местом для дальнейшего развития рабочих площадок. Послевоенный период стал временем реконструкции. В годовом отчете за 1950 г. отмечалось: «Заводы в большинстве случаев расположены на окраинах города, а потому и возникли городки, поселки: Восточный, Палаточный городок, рабочий поселок, городок Кордной фабрики, поселок им. Будённого. Застроилась целая улица <и ее> окраины – 10 Линия, 2-х, 3-х, 4-х этажными домами»¹. Во избежание несанкционированной застройки Омский городской исполком принял жесткие меры. В своём решении № 923 от 11 мая 1942 г. он осудил действия товарища Першинова, сотрудника Биофабрики, за строительство без согласования с Горкомхозом и главным городским архитектором, а также потребовал прекратить любое индивидуальное строительство деревянных домов². Самовольный захват территорий не прекратился, заводские поселки беспрепятственно разрастались. Застройка жильем в годы войны не отличалась высоким качеством исполнения. В «Сведениях о капитальном строительстве в городе Омске на 1944 год», представленных в Исполнительный комитет Омского областного совета депутатов трудящихся, исполняющий обязанности главного архитектора В.И. Макеров дал свою оценку: «Построенный, за время войны, жилой фонд, как правило, является временным, в виде неблагоустроенных бараков <...> этот тип строительства совершенно неблагоприятен и находится в самом запущенном антисанитарном состоянии»³. В «исключительно тяжелых условиях», по мнению исполняющего обязанности городского архитектора, находятся рабочие эвакуированных заводов: ассигнования на жилищное строительство в 1943 г. были освоены на 24 %, а индивидуальное строительство для рабочих и служащих предприятий не велось. Необходимо подчеркнуть, что на городском уровне была предпринята попытка направить развитие по градостроительному обоснованному пути: «Исполком Городского Совета

¹КУ ИСА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

²КУ ИСА. Ф. 235. Оп. 2 Д. 189. Л. 362.

³КУ ИСА. Ф. 437. Оп. 12. Д. 72. Л. 4.

считает, что в условиях города Омска жилищное строительство должно проходить главным образом за счет постройки многоэтажных благоустроенных домов»¹.

Такие новые городские образования необходимо было упорядочивать в процессе городского зонирования, потому потребовался новый генеральный план развития на 1950-е гг.

Одним из крупных градостроительных институтов страны являлся Государственный институт проектирования городов в Москве. «Гипрогор» был создан в 1929 г., а в 1930 г. он приступил к выполнению своей непосредственной задаче – разработке проектной документации по развитию населенных мест и планировки городов СССР². Историк отечественного градостроительства Т.А. Смолицкая отмечает: «В своей деятельности институт охватил свыше 100 различных населенных мест, в числе которых, наряду с небольшими городами и заводскими поселками на 20–30 тыс. человек, были и такие сложные городские организмы, как Астрахань, Новосибирск, Казань, Сталинград, Владивосток, Саратов»³. В этот ряд также можно поместить Омск. Над генпланом города Омска работала Мастерская № 2 «Гипрогора» под руководством архитектора И.Н. Ратько. В 1950 г. над рабочей документацией, кроме руководителя, работали архитектор К.К. Чернокозов, инженер-экономист Н.А. Отарова. Разработчики основывали свои предложение на «сухих цифрах»: в 1949 г. общая численность городского населения составляет 434 тыс. чел., жилой фонд – 1427 тыс. м², 75,6 % одноэтажной застройки⁴. Проектная численность населения Омска принята разработчиками 650 тыс. чел. Старейший архитектор института Владлен Петрович Пастнов отмечал, что, согласно этому плану, московские архитекторы предположили, что Омск перешагнет рубеж в 800 тыс. чел.

¹ Там же. Л. 5.

² История Гипрогора. URL: <http://www.giprogor.ru/ru/node/20> (дата обращения: 25.05.2011).

³ Смолицкая Т.А. К истории отечественного градостроительства 30–60-х годов XX века. Л.М. Букалова и А.С. Смолицкий (100 лет со дня рождения). М., 2007. С. 135.

⁴ Гипрогор. Основные архитектурно-планировочные работы 1929–1949 гг. М., 1950. С. 37 об. // Текущий архив ОАО «Гипрогор».

только в 1980-х гг. Однако расчеты были неточными. 27 декабря 1975 г.¹ родился миллионный житель города, а в 1980 г. «насчитывалось 13,3 миллиона квадратных метров жилой площади»². Концепция и проекты имели ряд погрешностей и недоделок, что потребовало существенной корректировки и пересмотра всей концепции в целом.

В 1953 г. был представлен глубоко переработанный генплан. Руководитель, архитектор Ю.В. Траутман, сосредоточил работу на планировке центра города. Ряд проблем, которые предстояло решить принятием генпроекта, оставался без внимания столичных проектировщиков. Омские архитекторы в рамках своих полномочий вводили «красные линии» застройки для капитальных зданий на основных магистралях, например, на проспекте им. К. Маркса «в начале пятидесятых годов были построены жилые дома, определившие масштаб улицы и ее ширину – 38,5 м»³.

Траутман выступал как сторонник «натурного» проектирования («на местах») на заседании коллегии Управления по делам архитектуры при Совете министров РСФСР 22 августа 1950 г. под председательством В.А. Шкварикова. Из стенограммы заседания, выступление Ю. Траутмана: «Мне кажется <...>, что проектные организации должны быть в городах территориально, обеспечивающие все интересы исполкомовских ведомств <...> в том числе и планировку, потому что без этого работать на местах невозможно»⁴. Однако индивидуальный подход оказался по экономическим соображениям не приемлем для городов Советского союза. Согласно Постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», градостроители должны были перейти на массовое применение типового проектирования при разработке генпланов городов и индустриализацию строительства. Этому решению предшествовал трудный путь поисков. Разработкой типовых

¹ 1000 замечательных событий из истории Омска, 1716–2008 / Сост. и науч. ред. П.П. Вибе. Омск, 2008. С. 179.

² Юрасова М.К. Омск. Очерки истории города. Омск, 1983. С. 241.

³ Степанов Е.А. Указ. соч. С. 14.

⁴ ГА РФ. Ф. А–150. Оп. 2. Д. 405. Л. 240.

зданий занималось два крупнейших проектных института – «Гипрогор» и «Горстройпроект». При Управлении по делам архитектуры СМ РСФСР была создана коллегия, которая на протяжении всего 1954 г. регулярно проводила заседания на одну тему: «О ходе типового проектирования»¹. Ведущий архитектор К.К. Лагутин² так определял тактическую задачу: «на коллегиям возлагается действительная помощь органам архитектуры, проектным организациям на местах»³. «Не отрываясь от масс», коллегия должна помогать «бороться за мобильность и экономичность»⁴. Однако «типизация проектов» шла с большим трудом, что отмечали все участники заседания коллегии Управления 18 марта 1954 г.⁵ В результате ряд генеральных проектов городов, который реализовывался «Гипрогором», не всегда был неудачным, прежде всего для Липецка, Свердловска, Горького, Казани. На заключительном заседании 25 ноября 1954 г. А.И. Кузнецов подвел итог работе за год: «Гипрогор сделал хорошую работу, собрав материалы по 50 городам, очень обстоятельно, и дал два типа материалов, альбом и два приложения для Совета Министров РСФСР»⁶.

В таком кратком обзоре видно, что у специалистов «Гипрогора» вели работу без четких правил, поэтому Постановление 1954 г. – это скорее следствие, чем причина. Сроки разработки основных типовых проектов были сорваны, поэтому утверждать проекты приходилось индивидуально в каждом отдельном городе.

В 1955 г. столичные архитекторы представляли откорректированный проект. В.И. Кочедамов пишет по этому поводу: «Было проведено некоторое укрупнение кварталов, а их массовая застройка ориентирована на типовые проекты»⁷. На заседании Архитектурного совета Отдела по делам архитектуры г. Омска 28 июля 1955 г. (председатель – гл. арх. Б.В. Антипов)

¹ ГА РФ. Ф. А–150. Оп. 2. Д. 752 (на 46 л.).

² Ему принадлежит авторство труда «сталинской эпохи»: Лагутин К.К. Архитектурный образ Советских общественных зданий. Клубы и театры. М., 1953. 236 с.

³ ГА РФ. Ф. А–150. Оп. 2. Д. 752. Л. 29.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1–5.

⁶ Там же. Л. 44.

⁷ Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 80.

первый вопрос на повестке дня: «Рассмотрение проекта детальной планировки и застройки, автор – Созиашвили К.Н.¹, эксперт – архитектор Пентман В.И.»² В докладе отмечалось, что это не более чем переработка и корректировка первого варианта проекта детальной планировки центра, разработанного Мастерской № 9 «Гипрогором» в 1953 г. Совет отказался принимать для реализации следующие предложения: пробивка улицы К. Либкнехта по существующей застройке (восточнее улицы Мопра), прорезка существующего сквера на пл. Дзержинского в 60 м для проезда, максимальное использование застройки улиц и кварталов типовыми зданиями³.

Государственный институт проектирования городов в 1958 г. представляет новый проект, где отсутствуют спорные проектные решения, в том числе и Дом Советов, т. к. политика партии была уже отредактирована новым руководством. Генеральный план, рабочие чертежи и эскизы застройки города были экспонированы в рамках выставки «Омск будущий» Краеведческого музея, где основное место занимал макет центра города⁴. На одной из фотографий музея запечатлена группа экскурсантов. Школьников привлек уже построенный «Дом со шпилем», который выбивался из общей концепции застройки города⁵.

Через год в «Доме Художника» была открыта выставка с похожим названием «Омск будущего». В омской газете «Молодой сибиряк» была помещена фотография (фото Э. Савина), на которой главный архитектор проекта В.Г. Веселовский⁶ проводит экскурсию⁷. В проекте появились новые объекты, которых не было в предыдущих: Ленинградский парк культуры и отдыха, запроектированный на месте лесного массива Левого берега Иртыша

¹ Архитектор из «Гипрогора».

² КУ КУ ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ ОГИК музей. Фотофонд. ОМК 7446.3

⁵ ОГИК музей. Фотофонд. ОМК 7446–4.

⁶ Всеволод Глебович Веселовский (1914–2001) – крупнейший архитектор Таджикской ССР, инициатор открытия Дома Архитектора в Душанбе. См.: Старый город: история в фотографиях – Миры Веселовского. URL: <http://news.tj/ru/news/staryi-gorod-istoriya-v-fotografyakh-miry-veselovskogo-chast-i> (дата обращения: 02.04.2014).

⁷ Лисин В. Омск будущего // Молодой сибиряк. 1959. 27 ноября. С. 3.

рядом с Ленинградским мостом, объединённые торговые ряды – по ул. Ленина предлагалось соединить все магазины первых этажей¹, – оперный театр на ул. 10 лет Октября².

Однако ни одна из предложенных версий генерального плана не соответствовала запросам архитекторов и городского хозяйства. В.И. Кочедамов приходит к выводу: «Становилось все более ясным, что детальный проект застройки центра Омска нужно делать на месте с учетом его многообразных особенностей»³.

Над окончательным планом развития и застройки центральной части города с конца 1959 г. по 1961 г. работал коллектив Облпроекта (главный архитектор проекта – Е.А. Степанов). Над планом благоустройства и организации прогулочных зон работал непосредственно главный архитектор города Б.В. Антипов⁴. В «Омской версии» генплана не нашлось место типовому проекту речного вокзала: для закрепления знакового места города – стрелки слияния рек Омь и Иртыш – в 1958 г. ленинградскими архитекторами «Гипроречтранс» (С.Л. Михайлов, А.А. Пекарский, Т.П. Садовский) был разработан проект, и началось строительство единого здания речного вокзала с гостиницей «Маяк»⁵.

Развитие города Омска и расширение городской черты за счет включения рабочих городков, промышленных зон, урбанистических образований привело к ситуации, когда детальная планировка города не могла выполнить основную задачу архитектурно-градостроительного замысла. Привлечение к разработке иногородних проектировщиков, инженеров, экономистов не всегда приводило к желанным результатам. Предлагаемые генеральные проекты составлялись без учета особенностей региона и характера развития города в перспективе. Строительство значимых

¹ Над этим проектом уже работал О. Либготт, что позволило в дальнейшем создать на первом этаже Московских торговых рядов ЦУМ.

² Лисин В. Омск будущего // Молодой сибиряк. 1959. 27 ноября. С. 3.

³ Кочедамов В.И. Указ.соч. С. 80.

⁴ Антипов Б. Строить разумно, красиво // Омская правда. 1960. 7 февраля. С. 3.

⁵ Шибаев С. На стрелке Иртыша и Оми // Промышленно-экономическая газета. 1959. № 6. С. 2.

объектов в городе приводило к оперативному вмешательству местных архитекторов.

Новосибирская область была выделена из Западно-Сибирского края в 1937 г. (Постановление ЦИК СССР от 28 сентября 1937 г.). Однако Новосибирск, тогда ещё Новониколаевск, с 1921 г. был административным центром одноименной губернии, около пяти лет (с 1925 по 1930 г.) – Сибирского края и, до самостоятельного оформления, Западно-Сибирского. Омская область также входила в состав Сибирского края до 1934 г. Историк архитектуры С.Н. Баландин считает, что важнейшим событием для Новониколаевска является перевод из Омска Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б): «город становится политическим и административным центром Сибири»¹. Осознание, что город становится советским административным центром не только отдельного сегмента Сибири, а огромного региона, приходит раньше, чем в Омске, несмотря на то, что разница в «возрасте» городов составляет более чем 170 лет. В границы Новосибирской области включены современные Томская (до 1944 г.) и Кемеровская (до 1943 г.)² области. К началу 1930-х гг. территориальные центры численно были близки. Население Новосибирска в 1926 г. достигло планки 117 863 чел., а в 1937 г. уже приблизилось к цифре 436 080 чел., т. е. увеличилось более чем в 3 раза³, в то время как в границах Томска проживало 92 272 и 134 485 чел., Кемерово – 21 726 и 124 682 чел., Сталинска – 3 882 и 158 035 чел., Барнаула – 73 206 и 118 237 чел. соответственно⁴. Общая численность городского населения Новосибирской области в 1939 г. составила 1 664 396 чел. – 41,1 % от всего населения⁵. Возраст городов превосходит новосибирский: Томска – 289, Кемерово – 192, Сталинска – 275, Барнаула – 163. Однако, по мнению С.Н. Баландина и И.Б. Оглы, удачное расположение на пересечении водного

¹ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1978. С. 57.

² Ярославский Е. Кемеровская область // Советская Сибирь. 1943. 13 февраля. С. 3.

³ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 65.

⁴ Там же.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 24.

и железнодорожных путей обусловило высокие темпы роста Новосибирска. Такая развитая логистика позволила построить устойчивые коммуникации между административными центрами. В 1930-е гг. увеличение индустриального потенциала Кузбасса потребовало создания опорного пункта, который смог объединить административно такие экономически выгодные районы страны, что в перспективе определило политический статус Новосибирска.

Колоссальный рост административного центра Новосибирской области за считанные десятилетия потребовал соответствующего развития архитектурного искусства и строительной индустрии для удовлетворения текущих потребностей. С приходом советской власти в Новосибирск укрепление административного положения города привело к тому, что перед архитекторами был урбанистический «сгусток», но не город. В 1930-е гг. появились возможности, кадры для реализации проектов создания городского пространства. «Нахаловки» – самовольные постройки – и частный сектор были деревянными и глинобитными, каменных зданий было крайне мало, поэтому архитекторы не были привязаны к сложившейся исторической сетке¹. Реконструкция в социалистическом ключе на относительно свободном пространстве и быстрый рост благодаря грамотному логистическому положению региона позволяют отнести этот пример к так называемому «Минскому феномену». Томас Бон на примере послевоенного Минска показывает масштабную реконструкцию, позволяющую определить социалистический город в новом понимании, который породил современные планировочные схемы и позволил архитекторам создавать здания, соответствующие самым серьёзным строительным требованиям². Такое претенциозное заявление о «новом советском городе» в последующие годы реализации заставило

¹ См.: Невзгодин И. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. Новосибирск, 2013. С. 12–24; Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. С. 40–54.

² Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М., 2013. 414 с.

исследователей пересмотреть социалистическую реконструкцию в новой плоскости¹.

Генеральные реконструкции города и градостроительные трансформации неоднократно становились предметом исследований отраслевых историков архитектуры. Ежегодно научный фонд пополняют новые исследования в этой области. Однако в данном параграфе представлены основные концепции развития городского пространства, приведшие к изменению градостроительной ситуации Новосибирска.

Основное производство и функционирование города было связано с жизнеобеспечением железнодорожной инфраструктуры. Главное предназначение населенного пункта определило появление первых проектов развития. Один из первых генпланов был разработан служащим Сибгосстоя – И.И. Загривко. Проектная схема, по мнению И. Невзгодина, имеет структурное сходство с теорией Т. Фритча (город будущего, 1896 г.). Вторая попытка реализовать тотальную реконструкцию города была связана с идеей «Большого Новосибирска», предложенной московским профессором Б.А. Коршуновым². Архитектор предложил масштабные изменения городского пространства в шести вариантах. Б.И. Оглы отмечает дальновидность архитектора в решении вопросов, с которыми город будет сталкиваться по мере развития. Прежде всего это «<...> проблемы трассировки железнодорожного транспорта, городских магистралей, размещения промышленности, массового жилища»³. Перенос промзоны и железнодорожных путей за пределы городской черты привел бы к улучшению экологической ситуации за счет возведения рабочих поселков-садов рядом с производственными корпусами. Омский историк В.Г. Рыженко при анализе проектов и их исследований приходит к выводу, что в исследовательских материалах «нежизнеспособность» проектов имеет две

¹Клинов А. Минск: Путеводитель по Городу Солнца. М., 2013. 128 с.

²Баландин С.Н. Градостроительное развитие Новосибирска // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 228–231.

³Оглы Б.И. Новосибирск... С. 23.

причины – по первой версии И.И. Загривко и Б.А. Коршунов «не успевали за стремительно менявшейся стратегией и тактикой социалистического строительства»¹. Согласно второй – «они не успевали за идеей социалистического переустройства города»².

Город был разделен рекой, через которую был переброшен единственный мост – железнодорожный. Однако расширение жилого фонда и строительство предприятий на левобережной части предлагалось сразу в двух проектах: эскизный проект социалистического города бригады ВОПРА (Д.Е. Бабенков, А.В. Власов, Н.Х. Поляков)³ и программа строительства соцгорода бригады Э. Мая⁴. На практике эти два проекта были синтезированы. Но не один проект не был реализован в полном объеме. Историк архитектуры Новосибирска указывал, что реализованы были только отдельные фрагменты проектов: «схема функционального зонирования территории, размещение промышленности, положены основные магистрали, частично разбиты зеленые массивы, возведены группа жилых комбинатов и отдельные общественные здания»⁵.

Генеральная схема планировки Новосибирска, построенная на комплексном подходе реконструкции города, была разработана бригадой «Гипрогора». Схема планировки была разработана архитектором Д.Е. Бабенковым, инженерами Л.Е. Розенбергом и Д.М. Пиллером. Историк архитектуры Ю.Л. Косенкова, исследуя этот генплан, отмечает, что разработчики учли дальнейшее развитие промышленности Кузбасса, Алтая, Средней Азии и то, что это приведет к увеличению транспортной нагрузки, следовательно, к более экстенсивному развитию города. «Каждый район города по проекту существовал самостоятельно в культурно-бытовом и хозяйственном отношениях, имел свою производственную и жилую части,

¹ Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города... С. 337.

² Там же.

³ См.: Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. ... С. 96–98.

⁴ См.: Блинов Е.Н. Градостроительство первых пятилеток в Западной Сибири // Уральско–Сибирский проект: Конструктивистское наследие на Урале и в Сибири и его будущее. Екатеринбург, 1997. С. 48–50.

⁵ Невзгодин И. Конструктивизм... С. 48.

элементы внутреннего культурного и бытового обслуживания»¹. План развития города 1933 г. ознаменовал отказ от унификации пространства, которую закладывали в предыдущих проектах.

Н. Поляков занимался изучением этого генерального плана. Результаты своего изучения он оформил в виде статьи в журнале «Архитектура СССР»². Автор статьи в целом дает положительные отзывы о проделанной работе архитекторов, особенно, по мнению автора, удачным является решение выстраивания магистралей, связующих основные центры, а также «зеленые» полосы вдоль водных артерий. Центр города решается в виде системы площадей. «Площади Сталина отводится ведущее значение в комплексе площадей <среди Жертв революции и Первомайского сквера. – В.К.>, составляющих центр города»³. Узловым элементом в этой сетке является Дом науки и техники, который частично был возведен⁴. Б.И. Оглы в своей кандидатской диссертации указывал на это: «В 30–40 годах формируется наиболее крупная площадь города (ныне пл. им. В.И. Ленина) на Красном проспекте, где уже определяется окончательно центр города»⁵. Примечательно, что главная площадь, самая большая в современном городе – 6,20 га, сложилась на пересечении основных артерий города – ул. Ленина, Вокзальной магистрали, Красного проспекта.

«В 1939 г. по указанию СНК РСФСР, в связи с крупными изменениями в дальнейшей перспективе города, Гипрогором была осуществлена корректировка генерального плана»⁶. Над корректировкой схемы работало бюро № 4 под руководством В.П. Яковлева (авторы арх. Д.М. Пиллер, инж.

¹ Косенкова Ю.Л. Работа над проектами планировки Новосибирска в 1920–1930-е годы // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы. М., 2010. С. 202–229.

² Новосибирский молодой исследователь установил точное авторства (т. к. в истории градостроительства было несколько специалистов, носивших такую фамилию и инициал) единственной развернутой статьи в ведущих профильных журналах. См.: Бирюков А.Д. К вопросу об оценке опыта градостроительства в Новосибирске в 1930-е гг. // Культурный потенциал Сибири в XX веке: управление, структура, кадры: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 122–130.

³ Поляков Н. Новосибирск // Архитектура СССР. 1937. № 4. С. 25–35.

⁴ Ложкин А. Дом науки и культуры в Новосибирске // Проект Сибирь. 2005. № 22. С. 10–13.

⁵ Оглы Б.И. Развитие композиционно-планировочной структуры городов Сибири – центров районов расселения: дис. ... д. арх. н., 1973. С. 115.

⁶ Гипрогор. Основные архитектурно-планировочные работы 1929–1949 гг. М., 1950. С. 23 об.

Л.А. Плотников, инж.-экон. М.А. Штипельман). Проектная численность определена в 700 тыс. чел.¹

Этот проект имел ряд причин, прежде всего связанных со слабой проработкой и изменением топографии местности, что было мало возможным для экономики региона. Последний предвоенный проект был составлен с учетом ландшафта города, был положен каркас основных композиционных осей и площадей: «в 1941 г. под руководством ленинградского профессора В.А. Витмана разрабатывается ещё один вариант генплана Новосибирска, основанный на идее органической связи планировки с природной ландшафтной основой, и с расчетной численностью населения 950 тыс. чел.»² Этот проект был утвержден исполнительным комитетом новосибирского горсовета 18 марта 1941 г.³

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период коренного развития градостроительства не происходило. Б.И. Оглы бурное развитие региона связывает с массовой эвакуацией предприятий и научных учреждений, усилением сырьевой экономики, что «вызвало значительный рост городского населения и более интенсивные процессы расселения в отдельных <...> зонах»⁴. Несанкционированная застройка, непланомерное возведение промышленных предприятий, складов и жилья привело к сложной градостроительной ситуации. Еще в 1944 г. в решении горсовета было указано, что общая численность города уже приблизилась к миллиону, хотя проектный срок был установлен к 1955 г.⁵ Также этим решением утверждался план введения нового вида транспорта для города – троллейбуса⁶. Проблемы были и с ведомственным строительством, которое не выполняло сроков строительства и ввода в эксплуатацию⁷.

¹ Там же.

² Оглы Б.И. О развитии планировки «Большого Новосибирска» // Известие высших учебных заведений. Строительство и архитектура. 1988. № 12. С. 38–47.

³ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 473. Л. 112.

⁴ Оглы Б.И. Новосибирск ... С. 54.

⁵ Новосибирск. История генеральных планов в документах / Авт.–сост. В.Н. Шумилов. Новосибирск, 2007. С. 282.

⁶ Новосибирск. История генеральных планов в документах... С. 289.

⁷ ГАНО. Ф. Р–1444. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

После окончания Великой отечественной войны численность населения снизилась из-за вывоза предприятий, учреждений на свои прежние места дислокации.

20 августа 1948 г. горисполком принял проект генплана, разработанный архитектурно-планировочной мастерской Отдела по делам архитектуры с расчетной численностью в 1 млн чел. на перспективу на 20 лет¹. В.Н. Шумилов выделяет следующие промрайоны, которые организовались в период с 1939 по 1947 г.: 1. Северо-восточный промрайон (возле Мочищенской ж.-д. ветки); 2. Северная промплощадка (северная часть Красного проспекта до ул. Дуси Ковальчук); 3. Чкаловский промрайон (ул. Будённого – Каменское шоссе – сосредоточие машино- и приборостроительная промышленность); 4. Каменская площадка (долина р. Каменки); 5. Промышленность центрального жилрайона (в основном в пределах Центрального района); 6. Северный прибрежный промрайон (берег р. Обь от устья Ельцовки до ж.-д. моста); 7. Промышленность Октябрьского района; 8. Первомайский район; 9. Яренская промплощадка (левый берег р. Обь у Яренского затона); 10 Кривошековский промрайон (самый крупный, вдоль Сибирской ж.-д. ветки); 11. Тулинский промрайон (правый берег р. Тулы)². Однако В.Н. Шумилов разделяет селитебную территорию иначе, чем промышленную – совпадают только 4 районных зоны, т. к. именованья даны в соответствии с названиями, поэтому обозначения носят условный характер.

На заседании творческого совещания, проходившем в Новосибирске с 18 по 20 декабря 1951 г. по вопросам массового жилищного строительства городов Урала и Сибири, главный городской архитектор Г.Ф. Кравцов в своем докладе «Практика массового жилищного строительства и застройки г. Новосибирска» указал, что в период пятилетки (1946–1950 гг.) 87,4 % составляет малоэтажное строительство, 4–5-этажное – 12,6 %³. Примечательна его оценка, что практика малоэтажного строительства

¹ Новосибирск. История генеральных планов в документах... С. 296.

² Там же. С. 305–307.

³ ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 91. Л. 24.

«создала город как сумму поселков»¹, и при существенном финансировании Новосибирск не имеет «ни одной законченной улицы или площади, ни одного законченного архитектурного ансамбля»². Архитектор Савченко из Сталинска назвал причину, которая не позволяет сформировать архитекторам законченный ансамбль городов Сибири. В сообществе архитекторов разгорелись споры по основным принципам застройки: «застраивать магистраль по красной линии, или нам нужно скорее получить комплексные кварталы»³.

Генеральный план послевоенного времени был принят только в 1952 г. С.Н. Баландин так отзывается об этом: «Сам генеральный план Новосибирска 1952 г. в основном развивал градостроительные принципы, заложенные в более ранних проектах»⁴. Исходя из сложившегося архитектурного ансамбля, который предусматривался этим генпланом, можно констатировать, что архитекторы Новосибирска выбрали принцип «вытягивания застройки вдоль улиц» без углубления внутрь жилых кварталов.

В результате натурного обследования города и изучения архивных и музейных материалов, многочисленной профильной литературы в рамках данного исследования предлагается условное зонирование территорий Новосибирска с момента возникновения до 1950-х гг. (Таблица 3) Методическое и дидактическое консультирование проходило с главным хранителем музея истории архитектуры Сибири им С.Н. Баландина – С.В. Филоновым.

¹ Там же. 25.

² Там же.

³ ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 92. Л. 16

⁴ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1945–1985 гг. ... С. 29.

Таблица 3

Год вхождения в городскую черту	Название топоним (при наличии)	или (при наличии)	Эпицентр / градообразующее предприятие
1893	Новониколаевск		Ж.-д. станция
1893	Кривошеково		Н/д
1903			Сухарный завод
1916			Мясохладобойный завод
1929			Сибсельмаш
1930	Левобережный соцгород		Промпредприятия
1930	Левобережье (Заобский район)		Зимушка
1930	Правобережный соцгород		Ж.-д. станция
1931–1933	Инская / Первомайский		Ж.-д. станция
1931–1939	Авиагородок		Авиамоторный завод, завод им. Чкалова
1941			Инструментальный завод
1941	Пашино		Деревообрабатывающий комбинат, завод «Арсенал», производственное предприятие «Искра»
1947	Красная горка		Химический промышленный комплекс
1949			Новосибирский завод химконцентратов
1950	Рабочий поселок строителей		Обская ГЭС
1957	Академгородок		Сибирское отделение Академии наук СССР

Омск и Новосибирск в 1930-х гг. были административными центрами областей Западной Сибири, после окончательных отделений территорий 1944 г. становятся самостоятельными центрами своих областей, что также дает основание для сравнительного анализа регионов.

3.2. Советская повседневность архитекторов Омска и Новосибирска «сталинской эпохи»

В своей фундаментальной работе И.Б. Орлов отмечает: «советскую повседневность нельзя понять только исходя из анализа диктуемых властью норм общежития и бытового поведения»¹. Учёный предлагает категорию «нормального исключения». Он считает, что историки с помощью этой категории смогут увидеть «механизм настройки бытовых практик выживания». Его идея оригинальна: при двусторонней самокритике, т. е. социальной и личностной, и цензуре у человека есть «личное пространство», то, что может не регламентироваться обществом, бюрократическим аппаратом. Те «парадность» и официальный «идеологизм» общества могут быть «ширмой»². И.Б. Орлов и Е.В. Юрчикова находят такое проблемное поле, в котором можно изучать определённые слои общества³.

В историческом исследовании отряда интеллигенции необходимо найти тот ракурс, в поле которого попадает не только «психологическая деформация» повседневности под прессом политической обстановки и идеологического присутствия, но и «человечность» жизни. События в период правления И.В. Сталина определяют человеческие судьбы. Репрессии, «борьба с вредителями», Великая Отечественная война, вторая волна репрессий, борьба с космополитизмом оказывали прямое воздействие на жизненный путь архитекторов. Омский историк С.Г. Сизов после анализа социально-бытовых, коммунально-хозяйственных, культурно-социальных реалий послевоенного времени приходит к заключению, что общие характерные черты «сталинизма» «достаточно чётко проявились в Омске»⁴. Возможно, в довоенных «пятилетках» были заложены «семена», которые

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. с. 63.

² Эта позиция И.Б. Олова схожа с позицией другого ученого, см.: Андреевский Г. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М.: Молодая гвардия, 2008. 592 с.

³ Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН, 2010. 224 с.

⁴ Сизов С.Г. Омск в годы «послевоенного сталинизма» (1945 – март 1953 гг.)... С. 210.

взросли на волне послевоенного подъёма патриотизма или стали наиболее заметными. Для Новосибирска как города время между Гражданской и Великой Отечественной войнами – это этап строительства новой, в прямом смысле, городской повседневности. Этап становления советского хозяйства, по сути, совпадает с формированием городского сознания. Это приводит к созданию «столичного» города Сибири¹, когда на смену «старому» приходит «новое» состояние. Территориальное расширение городской черты приводит к формированию новых условий для жизни². Благоустройство городского пространства является одним из факторов, влияющих на формирование повседневности.

На заседании первого пленума президиума Омского городского совета (11 созыва) 28 января 1938 г. т. Кузнецов выступил с резкой критикой: «<...> где найдете такой город <, > с такими безобразными порядками, как Омск. Уже три года мы возимся с канализацией. Затем целый ряд зданий у нас начали строить и законсервировали <-> это конечно безобразия»³. Возможно, это справедливая оценка состояния дел в городском хозяйстве, усиленная патриотическим призывом обратить внимание на родной город. Подтверждение можно обнаружить в местной периодической печати. Одним из долгостроев в городе 1930-х гг. был Дом Специалистов. Отсутствие квалифицированных кадров, опытных рабочих, нехватка строительных материалов отрицательно сказывались на возведении жилого дома. Особое внимание в одной из статей, посвященных этому долгострою, автор С. Сумерков уделил благоустройству будущего объекта жилого фонда: не начаты работы согласно плану по электрификации (по причине отсутствия у Электропрома материалов), водоснабжению (Водоканалтрест называл ту же причину), отсутствует канализация⁴. Необходимо обратить внимание на то,

¹ Рыженко В.Г. Образы и символы... С. 98–128.

² Косякова Е.И. Некоторые проблемы городской повседневности г. Новосибирска в условиях включения сел и деревень в городскую черту (1930-е гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Ч. 2. Омск, 2004. С. 206–209

³ КУ ИСА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 131. Л. 18.

⁴ Сумерков С. Медленно строится Дом Специалистов // Омская правда. 1935. 5 октября. С. 4.

что с последней проблемой сталкивался Е.А. Степанов при проектировании Дома на горе. Проблема была решена в виде «автономной канализации», но в ситуации Дома Специалистов возник нюанс: «<...> есть предложение построить выгребные ямы, но очистка их обойдется так дорого, что многим будущим жильцам не хватит зарплаты на эти "коммунальные услуги"»¹.

Жилой дом «Специалистов» был предназначен не для политической элиты региона, а для ученых, крупных специалистов и профессоров, прежде всего из Сельскохозяйственного, Ветеринарного и Медицинского институтов. Например, в этот дом был заселен один из основателей кафедры пропедевтики внутренних болезней в Омском медицинском институте Н.Д. Либеров – отец будущего знаменитого художника А.Н. Либерова².

Строительство таких домов шло медленно также по бюрократическим причинам и безынициативности городских чиновников. Автор статьи Б.Ю. (так счел нужным сократить свои данные автор) в городской газете указал: «Коммунальный банк выдает ссуды лишь после того, как строительные организации представят технические проекты и сметы»³. Власти не торопились заключать договоры с банком, поэтому денежные средства не всегда поступали вовремя. Для решения ряда проблем было принято Постановление президиума омского Облисполкома и бюро Обкома ВКП(б) «О жилищно-коммунальном строительстве и благоустройстве Омска»⁴. В этом нормативном документе четко прописывались принципы капиталовложения, объемы, суммы, выделяемые для строительства и реконструкции предприятий и объектов инфраструктуры, а также средства для расширения дорожного строительства. Примечателен пункт 8 Постановления, в котором указывалось, что не только государственные средства могут считаться источником финансирования: «Огромным

¹ Там же.

² Таскаев И. Далматова А. Дом Специалистов на Ленина, 8 (Глава из новой книги «Профессор Д.М. Далматов») // Азарт жизни: Литературный альманах. 2009. № 26. С. 64–71.

³ Б.Ю. Будете-ли Вы строить? // Омская правда. 1935. 14 апреля. С. 4.

⁴ Постановление президиума омского Облисполкома и бюро Обкома ВКП(б) «О жилищно-коммунальном строительстве и благоустройстве Омска» // Омская правда. 1935. 15 апреля. С. 1

источником культурного роста города и его благоустройства является развитие инициативы широчайших масс самого населения в деле проведения простейших мероприятий по сохранению жилищного и коммунального фонда<...>»¹ Необходимо отметить, что этого принципа развития и поддержания благоустройства и жилищного хозяйства на паритетных началах придерживался Н.А. Рождественский в период замещения должности председателя Омского исполкома горсовета². В своих мемуарах С.И. Манякин вспоминает о Рождественском как «о человеке на своем месте», «настоящем хозяине города»³. Личный вклад главы горисполкома приводит к положительным результатам. Однако в 1930-е гг. председатели Омского городского совета, сменявшие друг друга с регулярной периодичностью, не смогли выстроить системного подхода в решении проблем, связанных с благоустройством города. Это время можно рассматривать как череду отдельных инициатив и проведенных отдельных акций. Следует также отметить, что благоустройство отдельного дома прописывалось в АПЗ на проектирование, но могло быть не выполнено исходя из внешних факторов. Сам факт указания на благоустройство со стороны главного городского архитектора свидетельствует о том, что оно требовало неких усилий со стороны подрядчика. В одном из заданий 1948 г. было указано: «Дома должны иметь все виды благоустройства (отопление, теплофикация, водоснабжение, канализация, дренажная сеть от домов, электроосвещение, радио, дороги, тротуары и озеленение)»⁴. Однако за короткие сроки такие проблемы не могли быть решены. В Плане развития Омска на 1946–1950 гг. предусматривалось сокращение разрыва между возможностью и потребностью за счет «крупных капиталовложений в расширение и новое строительство водопровода, канализации,

¹ Там же.

² См.: Глебов Ю.Я., Павлов Г.А., Шевченко П.Л. Власть города Омска: история и современность Омск, 2006. С. 95.

³ Манякин С.И. Сибирь Далекая и близкая. М., 2003. С. 341–346.

⁴ КУ ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

теплофикации, трамвая и банно-прачечного хозяйства»¹. Строительство инженерных сетей осуществлялось как за счет городских средств, но ограничения в потреблении питьевой воды коснулись в основном промышленных предприятий². Теплофикация зданий проводилась непланомерно, поэтому архитекторы вынуждено проектировали жилые дома с индивидуальным отоплением. По воспоминаниям В. Панасенкова, жителя дома по ул. Фрунзе, 50 (главный архитектор проекта – московский специалист Д. Фридман), можно судить, что нормы, применяемые при возведении дома, не соответствовали климатическим характеристикам, т. к. котельной на первом этаже было недостаточно.

В официальной переписке архитектора А.Г. Капустина встречается упоминание об архитектурных решениях, на которые пришлось пойти автору реконструкции административного здания по ул. Тарская, 2 (ул. Ленина, 4). При выстраивании третьего этажа потребовалось усиление несущей способности основных конструктивных элементов, поэтому на боковых и дворовом фасадах утолщены колонны, оформленные под пилястры, а для закрытия печной трубы архитектор вывел ее по центральной оси здания. Труба была оформлена как «ложная» колонна. Толщина стен в отдельных проектах имела скорее художественное значение, чем техническое средство защиты от климатических условий. Так, в заключении на проект Дома Художников Степанову рекомендовали уменьшить фасадный выступ за счет толщины стены³.

Озеленение прилегающей территории здания было неотъемлемой частью проектно-сметной документации. Круткин на правах эксперта Управления рекомендовал составлять отдельные проекты озеленения особо значимых объектов строительства⁴. Скверы, прилегающие к административным зданиям, требовали согласования с административно-

¹Город Омск в новой Сталинской пятилетке (по материалам проекта развития гор.Омска на 1946–1950 гг.) Омск, 1947. С. 4.

²Сизов С.Г. Омск в годы «послевоенного сталинизма»... С. 9.

³КУ ИСА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 1 Л. 160.

⁴Там же. Л. 248.

хозяйственными службами города¹. Это было оправданным для степного сибирского города с резко-континентальным климатом.

Зеленые насаждения были также сосредоточены вокруг культурных центров. В повседневность советского общества постепенно входили центры социальной активности и культурные точки притяжения. Эти узлы фиксируются в городском пространстве. В 1920-е гг. создается такой тип культурного притяжения, как Дворец (Дом) культуры². Этот тип занял место в ряду уже существующих культурно-зрелищных зданий театра, филармонии, кинотеатра. Дом культуры становился местом досуга и дополнительным средством окультуривания населения. При перестройке из Свято-Никольского Казачьего собора в рабочий клуб в 1934 г. облик клуба увязывался «с архитектурным оформлением колоннады пехотной школы» и концептуально зависел от «зеленого окружения». Таким образом, одноименными оказались и клуб, и сад³. По такому же сценарию реконструкции подвергся клуб и сад «Профинтерн».

Культурный досуг советского общества в конце 1920-х – начале 1930-х гг. был организован в «зелёной зоне» городской среды. Парки, рощи и сады существовали в дореволюционный период, но в качестве пассивной рекреационной территории или временного проведения увеселительных мероприятий. В начале 1930-х гг. создается понятие «Парк культуры и отдыха». К. Кухер настаивает на том, что каждое слово в этом словосочетании отражает предназначение⁴. Ученый также отмечает, что понятия «досуг» и «свободное время» в 1930-х гг. применялись не в равнозначных смыслах. «В городах общение также имело значение для проведения досуга, но здесь всё яснее становилось различие между работой и отдыхом, что способствовало возникновению городской культуры досуга»⁵.

¹КУ ИсА. Ф. 437. Оп. 12. Д. 92 (на 11 листах).

²Хазанова В.Э. Клубная жизнь и архитектура клуба: 1917–1941. М., 2000. 159 с.: ил.; Ее же. Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М., 1970. 214 с.: ил.

³Шушунов С. Сад-клуб строителей // Омская правда. 1935. 18 января. С. 2.

⁴Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М., 2012. С. 27.

⁵Там же. С. 49.

Справочник архитектора, кроме парка культуры и отдыха, который отличается от всех остальных наличием значительной площади, разнообразными функциональными сегментами, богатой растительностью, выделял такое центральное формообразование, как «городской сад». Эта территория «предназначается в основном для повседневного обслуживания жителей района в радиусе до 1–1,5 км. <...> Городской сад не имеет полного комплекса разделения и соответствующих сооружений, имеющихся в парках культуры и отдыха»¹. Городской сад имеет основное назначение – массовые гуляния и празднества, для которых предусмотрена площадка, и поэтому планировка имеет замкнутое расположение дорожек; главная аллея, стержень планировки, непосредственно связана с главным сооружением или садово-парковой скульптурой. Транзитный трафик населения недопустим. Композиция сквера подчиняется прилегающей застройке.

В сибирских городах возникали сложности создания подобных «зелёных зон» для отдыха из-за суровых климатических условий. В частности, в Омске парки² и скверы создавались на ранее существующих зелёных массивах или «диких» зарослях.

Омский городской сад, в состав которого вошёл бывший генерал-губернаторский сад, должны были открыть 22 июня 1941 г., но трагические события не позволили провести праздничные мероприятия.

Во время войны в городе был проведён конкурс на проект разбивки сквера на площади им. Ф. Дзержинского. В 1944 г. были начаты работы по предложению арх. П.М. Розенблюма³. В среде архитекторов сохранилось предание, что их коллега, находясь в эвакуации, провел изыскания в зимний и летний сезоны. Ему удалось определить направления, по которым жители города передвигались по этой территории. Ж.М. Хахаева предположила, что

¹ Справочник архитектора. М., 1957. Т. III, 1 полутом. С. 105.

² Фрумгарц А.М. Парк культуры и отдыха им. 30-летия ВЛКСМ как знаковое место Омска (по фотографиям М.И. Фрумгарца из фондов ГМИО) // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан: мат. VII Всеросс. науч. конф. с международным участием. Омск, 2009. С. 300–303.

³ Кочедамов В.И. Указ.соч. С. 96.

архитектор мог снимать показания только с жилого дома Облисполкома. Планировка дорожек и временных путей сделана по «естественным» направлениям, т. е. по возвышенной части, что определило адекватную логистику. На узловых участках располагались цветочные композиции, декоративные сооружения, в зимнее время – ледяные скульптуры и другие снежные объекты¹.

В центре Новосибирска располагался сад им. И. Сталина, где размещались павильоны, планетарий², театр музыкальной комедии³. Однако садом в строгом смысле слова он не был, т. к. размещался в пределах квартала; дорожки размещены таким образом, что транзитный путь к стадиону или медучреждениям заставил архитекторов, кроме основного парадного входа⁴, организовать дополнительные. Особенно необходимо отметить, что у многих посёлков был свой Парк культуры и отдыха: Первомайский – для проведения массовых мероприятий железнодорожников, «У моря Обского» – рабочих-гидростроителей ГЭС, им. Кирова – рабочих «Сибсельмаша»⁵. Первомайский сквер, расположенный в историческом центре города, у Торгового корпуса, выполнял роль рекреационной зоны.

В послевоенное городское пространство были включены новые здания, выполненные по типовому проекту. Чаще всего это здания утилитарного назначения, но обладающие достаточно высокой степенью презентабельности. Граждане СССР регулярно посещали кинотеатры – на предприятиях и объектах экономики организовывались «культпоходы», – т. к. первые доступные телевизоры появились только в первой половине 1950-х гг. В связи с этим кинотеатр стал одним из таких учреждений, которые становились необходимостью для крупных городов. Согласно сведениям В.Г. Рыженко, одним из образцов для тиражирования стал кинотеатр «Ударник» в

¹ Описание эволюции дано в соответствии изменениями запечатленными на фотографиях, хранящихся в личном собрании семьи Фрумгарцев, фотофондах ОГИК музея и Городского музея «Искусство Омска».

² Пфейфер В.В. Парки Новониколаевск–Новосибирска // Энциклопедия Новосибирска... С. 665–667.

³ Орлова И.В. Театр «Музыкальной комедии» // Энциклопедия Новосибирска... С. 859.

⁴ См. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Указ.соч. С. 236–238.

⁵ Пфейфер В.В. Указ.соч.

Сталинграде, архитектора С. Якшина¹. Действительно, образ кинотеатра в Тракторнозаводском районе Сталинграда с соответствующим оформлением и световым оборудованием на прилегающей территории был знаком архитекторам. В опубликованных материалах XIII пленума Союза архитекторов в Приложении на фотографии под № 31² был изображен кинотеатр. В ходе исследования удалось установить, что по этому проекту были возведены здания в разных городах³ страны и под разными названиями: в Архангельске – «Мир», в Воронеже – «Родина», в Ижевске – «Дружба», в Керчи – «Украина», в Кургане – «Россия», в Пензе – «Родина», в Феодосии – «Крым»⁴. В Омске по этому проекту было возведено здание кинотеатра, удостоенного имени В.В. Маяковского в память 25-й годовщины смерти поэта.

В сознании горожан типовой проект становится уникальным. Яркие и заметные черты здания становились узнаваемы горожанами. В городском понимании они становились «архитектурными символами города», несмотря на то, что по таким проектам возведены здания не в одном городе. Однако удачный типовой проект мог быть повторно использован на территории одного города.

Новосибирск долгое время состоял из двух урбанистических образований, формально объединённых в единый город⁵. В 1950-х гг. возводятся два ДК по одному проекту – ДК им. Жданова и ДК им. Ефремова. Внутри одного городского пространства появляются идентичные здания, но в городском сознании «типичность» этих объектов не отражается.

Типовое проектирование позволяло унифицировать советские города так, чтобы повседневная городская жизнь и облик зданий были схожими. Такими важными объектами в пространстве города стали «воздушные ворота

¹ Рыженко В.Г. Образы и символы советского города... С. 231.

² Творческие задачи союза советских архитекторов. М., 1951. С. 150

³ Проект применяли в сельской местности, в селе Константиновка кинотеатр носил имя В. Ленина.

⁴ В перечне представлены только те кинотеатры, которые были возведены без существенных изменений, т.к. после 1952 г. были внесены изменения фасадной части (четырёхколонный портик был заменен на восьми) и по такому проекту были построены кинотеатры в Якутске – «Русский», Уфе – «Родина», Новороссийск – «Украина».

⁵ Заобский район находился согласно разделению в другом часовом поясе, нежели весь остальной город.

в город». По типовому проекту в Омске возведён пассажирский аэровокзал. Над типовым проектом работала бригада столичной проектной организации «Аэропроект» (1950–51 гг.): арх. Д.Л. Канторович, инж. Н.И. Ирмес¹. Здание оказалось удобным для «привязки» на местности и универсальным для многих городов СССР – Красноярска, Челябинска, Екатеринбурга, Казани, Львова, Читы, Харькова.

Массовое применение типовых проектов и внедрение методов индустриального строительства принято связывать с докладом Н.С. Хрущева 1954 г. и принятием директивных решений 1955 г.², но типовое проектирование в огромных масштабах стали применять после Великой Отечественной войны.

Речной вокзал в Омске также должен быть реализован по образцу Красноярского. Вокруг архитектуры и градостроительного значения речного вокзала возникали дискуссии и ранее. Согласно протоколу № 7 совещания при начальнике Ниже-Иртышского пароходства А.И. Николаеве, 30 сентября 1954 г. решение о размещении здания пассажирского речного вокзала было принято. Исполкомом Омского городского совета депутатов трудящихся (Решение № 30/1024 от 21 сентября 1954 г.) выделен земельный участок вдоль р. Иртыш на пересечении осевой линии здания с осью Штабной улицы. Специалисты из Ниже-Иртышского пароходства выразили свое мнение по этому поводу: «Место для размещения здания пасс. вокзала на данном участке не вызывает возражений по эксплуатационным условиям, как и расположение на стрелке, а поэтому является вполне приемлемым»³. Выбор места определялся не только эксплуатационными показателями, но и архитектурно-композиционными. На выделенном участке Горисполкомом предполагалось возвести здание «по повторно-применяемому проекту Красноярского вокзала, осуществлённого в г. Красноярске»⁴. При

¹ Слабуха А.В. Указ.соч. С. 125.

² Голубецкий И. Стройкам – хорошие типовые проекты // Омская правда. 1957. 27 февраля. С.3

³ КУ Иса. Ф. 477. Оп. 1. Д. 71. Л. 32.

⁴ Там же.

расположении речного вокзала на стрелке предлагалось использовать проект здания г. Казани, но недостатки превосходили достоинства этого проекта. Одним из основных мотивов отказа в реализации данного проекта являлся состав помещений (в том числе не устраивало отсутствие зала ожидания)¹. Красноярский вокзал был более объёмным и вместительным, поэтому размещение его на стрелке было невозможным из-за состояния берегов реки, тем более в плане он не учитывал особенности топографии. Применение типового проекта ликвидирует ряд проблем, возникающих при разработке индивидуального: сокращение сроков работ по проектированию (по сути, делается только привязка, если исходить из климатических и геофизических особенностей), осуществление подготовительных работ через два месяца после утверждения проекта, экономия финансовых средств при технологической и технической реализации проекта. Красноярский вокзал был идеологически проверенным и признанным архитектурной общественностью. Речной вокзал на 500 пассажиров на р. Енисей был разработан в Архитектурно-планировочной мастерской при Управлении главного архитектора г. Красноярска (1949–52 гг.) архитекторами А.Н. Голубевым (гл. арх. города с 1948 по 1950 г.), Н.М. Фельдриной при участии авторского коллектива. Проект был реализован в 1952 г., а в 1958 г. удостоен серебряной медали на Всемирной выставке в Брюсселе².

Индустриализация строительства привела архитекторов к возведению жилых домов по заготовленным шаблонам. В Омске в 1949 г. были разработаны типовые секции серии № 7, подготовленные Государственной мастерской под рук. арх. С.Г. Ковыкова³. Также архитекторы пользовались типовыми секциями Гипроавиапрома (особенно серия № 10)⁴. В ходе натурного обследования жилого комплекса авиастроительного завода им.

¹ Там же. Л. 32 об.

² Слабуха А.В. Указ.соч. С. 75.

³КУ ИСА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

⁴Там же. Л. 97.

Чкалова в Новосибирске было зафиксировано 14 объектов жилого назначения, при проектировании которых также использовались эти секции.

Рутинная работа заставляет архитекторов искать пути выхода из «штампованной» работы. Типизация работы сказывалась на повседневности профессиональной деятельности. Архитектор Е.А. Степанов, не имея высшего образования, обязательного для конструктора, занимался тем, что конструировал, подбирал типовые секции, складывая в единый объём здания. Выходом его творческой энергии стали фасады зданий, которые являлись тем самым «фасадничеством» сталинского времени.

Архитекторы работали в суровых условиях. Омская проектная организация размещалась в небольшом дореволюционном здании на пересечении ул. Мопра и К. Либкнехта. Двухэтажное здание соответствовало запросам только созданной организации. Первый директор П.П. Зутис добился выделения единого помещения для проектной конторы¹. Это важное событие для коллектива, т. к. объединение разрозненных отделов в единое здание приводит к сплочению коллектива, а также организация визуально закрепляется в пространстве города. В разные годы возникали проблемы, связанные с моральным обликом архитекторов. В местной печати за 1936 г. встретилась статья в критическом тоне, больше посвящённая организаторской стороне. Бригада «Омской правды» раскритиковала проектную деятельность архитекторов, т. к. большую часть предлагаемых работ центральное руководство отвергло². В статье приводился пример, как главный инженер Никифоров «устным распоряжением он повысил себе ставку до 900 рублей»³, не имея под этим основания.

В 1936 г., согласно устной истории, именно из первого здания «Омпроекта» были организованы мероприятия по случаю мобилизации архитекторов и других специалистов для службы на Дальнем Востоке. Среди

¹ Степанов Е.А. Указ.соч. С. 8.

²Клебановский, Киселев, Втюрин, Михайловский. Частная лавочка или Омпроект? // Омская правда. 1936. 5 февраля. С. 4.

³ Там же.

мобилизованных был арх. Е.Н. Семенов, автор многих административных зданий. Архитектор, согласно автобиографии, которая хранится в семейном архиве, попал в 172-е отделение строительного батальона, а через 2 года стал помощником командира батальона по технической части. После лечения в Омском туберкулезном лечебном учреждении переведён в Новосибирский гарнизон. В 1942 г. погиб в битве за Москву¹.

Вторая волна мобилизации прошла в начале Великой отечественной войны. В ряды Красной армии были зачислены архитекторы. В начале военных событий городу понадобилось в срочном порядке провести теплофикацию, прежде всего социальной инфраструктуры. Инженеры К.А. Маньков и В.М. Кизин² выполняли новую для себя работу. Степанов описывал состояние дел, опираясь на свои воспоминания: «Чертёжницы размножали специальную заводскую техдокументацию, работая в плохо отапливаемом помещении, где иной раз замерзала тушь. Когда кончились запасы бумаги, стали чертить на обратной стороне архивных чертежей»³. Этот факт интересен не только с точки зрения повседневных условий, но и как объяснение, почему не сохранились многочисленные чертежи, эскизы, выполненные для конкурсов и на заказ в довоенный период работы конторы.

Проблемы не закончились с окончанием войны. По результатам документальной ревизии финансовой деятельности, Омским областным отделом коммунального хозяйства был обнаружен факт приобретения ценностей (бумага, карандаши, топливо) по рыночным ценам, тогда как Приказом поручалось покупать их по государственным ценам через Наркомхоз РСФСР ГАПУ⁴. В документе также отмечалось, что встречается отсутствие визы руководителя на финансовых отчетах, а также не уделяется должное внимание порядку рабочего времени. Несмотря на то, что книга регистрации не велась, внутренний порядок существовал. И.П. Голенко в

¹ Жданова Л.А. Архитектор, ставший военным техником // Наш Омскгражданпроект. 2011. № 2 (18). С. 8.

² Трутнев Л.Е. Указ.соч. С. 38.

³ Степанов Е.А. Указ.соч. С. 12.

⁴КУ ИСА. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

своих воспоминаниях упоминала, что ее отец П. Голенко опасался опоздать на работу, несмотря на то, что имел физические проблемы с передвижением (у архитектора отсутствовала нога), поэтому он выходил раньше.

По итогам ревизии руководитель областной проектной конторы издает приказ, где перечислены меры, которые необходимо предпринять для ликвидации нарушений, но под № 5 он включает пункт «Организовать подготовку кадров», что подтверждает – директор ранее не замечал «кадровый дефицит» и недостаточную подготовку специалистов¹. Проблемы чаще всего носили бытовой характер – отсутствие простых канцелярских принадлежностей и чертёжных материалов.

Отсутствие соответствующих пишущих принадлежностей и чертёжных наборов – явная проблема, негативно сказывающаяся на проектом деле, а также влиявшая на престиж региона. Г.А. Капустин, главный архитектор города, на совещании в Москве заметил: «Я, к сожалению, не могу представить Омск на Всероссийском совещании по одной маленькой причине. В Управлениях² по делам архитектуры этими делами управляет товарищ, ведающий хозяйственными вопросами по гор. Омску; бюджетному отделу не выделяется никаких материальных фондов для того, чтобы ту работу, которую мы ведем в гор. Омске, представить наглядно и с этим материалом выступить перед народом <, > всем городом < > и на Всероссийском совещании. Я не могу получить ни одного листа бумаги в течение 5 лет от Управления по делам архитектуры. Это раз. Не могу получить фотобумаги – это два и т. д.»³

Капустин указывал на острую нехватку канцелярских принадлежностей. Во-первых, отсутствовала бумага и другие средства для выполнения проектов, их копий и создания планшетов для презентации на Всесоюзных выставках. Во-вторых, он упоминает отсутствие фотобумаги, что косвенно подтверждает – в технологическом процессе задействован фотограф. В

¹КУ ИСА. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

² На тот момент было два управления: при облисполкоме и горисполкоме.

³ГА РФ Ф. А-150. Оп. 2. Д. 724. Л. 46–47.

строгом смысле, в архитектурной практике сотрудничество с фотографами нигде не учитывается. Поменяв угол зрения, можно увидеть, что такая «непрофессиональная» должность становится остро необходимой. Фотограф привлекался для фиксации существующих градостроительных условий и строительных процессов. В 1930–1940-е гг. в «Омпроекте» работал фотографом И.П. Дрейлинг. Его фотографии хранятся в фондах Омского историко-краеведческого музея. Степанов единственный раз упоминает эту фамилию при описании работ в военных условиях: «И.П. Дрейлинг делал синьки»¹. После Дрейлинга эту должность занимал М.И. Фрумгарц². Эти два фотолетописца города, возможно, не состоялись бы, если бы не были задействованы в архитектурном производстве, но этот тезис требует специального научного изыскания. Однако сложно спорить с тем, что роль фотографа в сохранении проектов и копировании материалов была значимой. Отсутствие копировальной техники привело к тому, что первоначальные или утверждённые проекты фотографировались для дальнейшей работы. Фотографии проектов входили в годовые отчеты по проделанной работе проектной организации, по линии Союза советских архитекторов или в личные дела архитекторов. В комплект документов для получения статуса кандидата в члены Союза архитекторов обязательно входил набор фотографий объектов, которые были построены. В архитектурно-проектной мастерской и в проектной организации составлялись фотоальбомы «Творческие работы», которые становились лучшим подтверждением результатов. В деятельности советских архитекторов встречается такое понятие, как «фотопроект» – это фотокопия проекта, которую использовали для сохранения проектной документации. Графический лист занимает много места при хранении, он неудобен для эксплуатации. Фототехника имела неплохие оптические возможности, поэтому при печати фотографии мелкие

¹ Степанов Е.А. Указ.соч. С. 12.

² Чирков В.Ф., Косолапова О.В. Городская среда и архитектура в творчестве М.И. Фрумгарца (по материалам фонда «Фотографии и негативы» Городского музея «Искусство Омска») // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан: мат. VII Всеросс. науч. конф. с международным участием. Омск, 2009. С. 293–300.

детали также можно просмотреть при увеличении. Многие проекты были уничтожены за ненадобностью, но часть была сохранена на фотографиях.

Необходимо подчеркнуть, что фонды музеев архитектурного профиля обязательно в своем штате имеют фотофонд, где хранятся фотокопии архитектурных проектов.

Примечателен ещё один предмет канцелярских принадлежностей. Из воспоминаний П.В. Радищева удалось установить, что в 1946 г. для обмена опытом прибыли проектировщики из Польши¹. Польские архитекторы выполняли рабочие чертежи и подготовительные проекты на кальке, что удивило омских коллег. Работа на ватмане предполагает исполнение в особой манере: возможно использование цветов, ретуши, передача теней; при копировании требуется полное воспроизведение непосредственно чертёжником. Работа с калькой облегчает копирование из-за своей прозрачной фактуры – при наложении на оригинал по кальке можно воспроизвести линии; чертёж выполняется монохромно без особых штриховок и дополнительных линий, декор поверхностей наносится только основными линиями. Для некоторых архитекторов калька оказалась наиболее удобным вариантом для работы, тем более её удобно было хранить – она занимала немного места. Стоит заметить, что Радищев преувеличил. Архитектор Е. Степанов в 1936 г. при проектировании «Дома на горе» технические помещения и инженерные сети выполнил на кальке, однако это был акт экономии, а не часть производственной работы. Массово омские архитекторы стали использовать кальку только в 1950-е гг. Чертежи, выполненные на кальке, сдавались в архивы, что позволило сохранить уникальные графические изображения в авторской редакции. В ходе исследования встречались выполненные на кальке чертежи, которые утверждал главный городской архитектор Г.А. Капустин, что подтверждает

¹Белан О.В. Архитектура Омска XX века и деятельность главных городских архитекторов. Омск, 2000. С. 165 // Фонд искусствоведа О.В. Белана. Текущий архив ВООПИиК

юридическую возможность использования кальки для выполнения графической части проектной документации.

Также заметим, что фотографий проектов, выполненных на кальке, на первый взгляд, встречается немного, но если учесть, что эти проекты были сделаны за одно десятилетие, то можно согласиться с тем, что калька имела своих почитателей, среди них можно назвать Е. Степанова, П. Круткина, К. Манькова, Б. Шумахера, Т. Сапронова. Если проект был предназначен для тиражирования, то проекту в соответствующем секторе штампа присваивался порядковый номер заказа или проекта по мастерской, что позволяло вести чёткую регистрацию изданных проектов. Фотопроекты таких чертежей, как правило, не имеют подписей, что свидетельствует о том, что фотографии делали непосредственно на рабочем месте, т. е. до согласования и утверждения с вышестоящими организациями.

При таком тесном сотрудничестве фотографов и архитекторов складывался особый коллектив. Например, в сообществе архитекторов Новосибирска подобного сотрудничества двух профессий не наблюдается. Также отметим, что новосибирские архитекторы предпочитали аналоговую графику, а не схематизм изображения на кальке. Возможно, сказывается академическая приверженность преподавателей графики и выстраивания преемственности поколений.

Фотографы занимались копированием, съёмками физического пространства города и строительства объектов, но сами фасады здания, где работали архитекторы, крайне редко попадали в объектив фотокамеры. Первое здание «Омпроекта» в 1952 г. было снесено в связи со строительством моста через р. Омь. Примечательно, что главный инженер Омского горкомхоза Н.Р. Волков в открытой периодической печати анализировал варианты, предложенные для реализации¹. Автор статьи осветил архитектурную и конструктивную особенность каждой версии, но не упомянул, что по проектам предусмотрен разбор зданий, находящихся на

¹ Волков Н.Р. Новый мост через р. Омь в г. Омске // Омская область. 1941. № 4. С. 71–73.

подходах к мосту. Контора переехала в здание бывш. Женской гимназии (по ул. Ленина, 11). Условия работы на этих площадях были запечатлены на фотографиях, которые сохранились в музее проектного института. Помещения для бригад и мастерских были небольшими по площади. На втором этаже размещались в основном архитекторы и инженеры, как правило, в одном помещении. Одно помещение, предположительно второго этажа – заключение сделано по форме окна, которое попало в кадр, – было оборудовано под проектную мастерскую.

Архитекторы были ограничены в пространстве, поэтому на фотографии архитектурно-проектная бригада Степанова запечатлена единым рядом столов. Ватманы, возможно, чистые листы, хранились в открытых антресолях над входом в кабинет. На одной из 8 фотографий коллектив был снят на фоне стены, на которой на подрамнике висел эскиз перспективы речного вокзала (авторы – ленинградские арх. С.Л. Михайлов, А.А. Пекарский, Т.П. Садовский). Изображение этой перспективы приведено в монографии В.И. Кочадамова¹, что подтверждает плотное сотрудничество историка архитектуры с практикующими архитекторами. В другом помещении, где размещался административный аппарат организации, на стене располагался портрет И.В. Сталина. Примечательно, что в помещениях структурных подразделений по-разному оформляли интерьер.

В принципиально иных условиях находились новосибирские архитекторы. Архитекторы, задействованные в образовательном процессе, могли выполнять работу на базе НИСИ им. В.В. Куйбышева. Площади образовательного учреждения были вполне вместительными и удовлетворяли минимальные требования преподавателей. В военное время на территорию НИСИ были эвакуированы сходные по профилю образовательные учреждения – Днепропетровский и Московский инженерно-строительные институты. «С лета 1941 г. учебный корпус института и студенческое общежитие используются для размещения военного производства и под

¹ Кочадамов В.И. Указ.соч. С. 107.

жилье для эвакуированных рабочих завода»¹. Преподаватели архитектуры не могли работать на рабочем месте, поэтому учебные чертежи и наглядный материал вычерчивали у себя дома.

В принципиально иных условиях работало новосибирское отделение Союза советских архитекторов. Изначально союз архитекторов располагался на площадях Дома науки и техники (Красный проспект, 24). Два аппарата – Союз советских архитекторов и Архфонд – в своём расположении имели рабочую комнату площадью 12 кв. м и лекционный зал на 80–90 посадочных мест². Библиотечный фонд Новосибирского отдела Союза советских архитекторов был довольно обширным (к 1 января 1950 г. 3606 экз., а через год – 4153 экз.³), т. к. ежегодно выписывались все основные периодические профильные издания («Архитектура СССР» – орган Академии архитектуры СССР, Союза советских архитекторов, Управления по делам архитектуры при Совете Министров СССР; «Архитектура и строительства» – ежемесячный журнал Министерства городского строительства и управления по делам архитектуры при Совете Министров СССР; «Советское искусство» – ежемесячный журнал художественного отделения Главполитпросвета), общетиражные газеты («Известия», «Правда», «Литературная газета», «Советская Сибирь», «Комсомольская правда»), журналы («Искусство», «Большевик», «Огонёк» с приложением и библиотекой) и прочие («Блокнот агитатора», «Городское хозяйство Москвы»)⁴. По причине отсутствия собственных специализированных помещений библиотека была совмещена с библиотекой Союза советских писателей (ул. Советская, 6). Выставочные мероприятия и конкурсные просмотры проектов архитектурный фонд проводил в помещениях Союза советских художников⁵. Наиболее информативным источником в связи с этим являются фотографии выставок, проводимых союзом. Полные отчёты, сшитые в книгу, как правило,

¹ Баландин С.Н., Пустоветов Г.И. Указ. соч. С. 40.

²РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 203. Л. 27 об.

³ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

⁴Там же. Л. 18.

⁵ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 18. Л. 63–67.

содержали приложение. В отчете за 1950 г. содержится фотоотчет, снятый с детальной точностью. На фотографиях общего вида выставки акварели и рисунка отчётливо видны экспозиции по направлениям. Архитекторы и художники выставляли свои работы пофамильно на разных паспарту¹. Фоном для президиума было два стенда. На центральном месте размещался парадный портрет И.В. Сталина (судя по характеру, выполнен самими членами союза). С двух сторон выставлялись акварели В.А. Добролюбова, удостоенного первой премией², и работы В.А. Касаткина – вторая премия³.

Архитектурный фонд новосибирского отделения ССА в суровых условиях Великой Отечественной войны оказывал содействие как архитекторам (членам союза), так и их семьям. На заседаниях Правления Архфонда распределялись направления на медицинские процедуры, путёвки на курорт, выделялись ссуды и пособия⁴.

Финансовый фонд отделения формировался за счет вступительных и членских взносов, а из этого фонда ежемесячно отчислялось 10 % от общей суммы. Исходя из утверждённой сметы, составлялся план расходов на год. У Новосибирского архфонда были свои отделения в соответствии со структурой отделения Союза. В 1942 г. возникли серьёзные затруднения у Сталинского отделения, что потребовало оперативного вмешательства со стороны Правления⁵. Если полномочий Новосибирского Архфонда не хватало, то ходатайства отправляли «в центр». Решение о выделении путёвки «в Евпаторию для сына проф. Ащепкова Е.А.»⁶ потребовало подкрепления соответствующих санкций. Новосибирские архитекторы прибегали к непрямым технологиям влияния на принятие решений при пассивности центральных органов: так, путёвку в Белокуриху «доставали через крайком Алтайского края»⁷. Финансовую поддержку получали в том числе члены

¹ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 17. Л. 64 об.

²ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 17. Л. 65 об.

³Там же. Л. 67.

⁴ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 4. (на 17 л.).

⁵Там же. Л. 14–15.

⁶ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 17. Л. 20.

⁷Там же. Л. 20.

семьи архитекторов: супруга В.А. Касаткина регулярно получала денежные пособия¹, тогда как сам архитектор находился в рядах советской армии в годы войны; безвозвратно были выделены средства на лечение жены арх. Я.Я. Гринева².

Архитекторы собирались на торжественные мероприятия по праздничным событиям и «красным дням календаря»³. Архитекторы не оставались безучастны к личным проблемам друг друга. После кончины выдающегося архитектора А.Д. Крячкова в Сочи, 28 декабря 1950 г. в Новосибирске прошло «Трагическое заседание, посвящённое памяти А.Д. Крячкова», на котором с докладом выступил доктор⁴, профессор Е.А. Ащепков⁵. В первом, и как оказалось единственном, выпуске Ежегодника Новосибирского отделения ССА на первой странице было указано: «Посвящаем светлой памяти старейшего зодчего Сибири – Андрея Дмитриевича КРЯЧКОВА»⁶. В сборник также вошёл эпитафия «Памяти старейшего зодчего Сибири»⁷ и статья самого мэтра⁸.

Особым времяпрепровождением архитекторов Новосибирска (участвовали не только члены союза) были выступления Д.И. Козьмина, который на совместных встречах и заседаниях отделения отвечал на вопрос «освещения американской пародической печати» (прежде всего англоязычных изданий)⁹. Только за один год (1944 г.) состоялось семь таких встреч с общей численностью от 22 до 25 чел.¹⁰ Возможность изучать иностранные языки была у архитекторов по линии союза; управление рекомендовало «обучение иностранным языкам проводить через имеющиеся

¹ ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 18.

² Там же. Л. 2.

³ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 392. Л. 37.

⁴ Ошибочно в списке регалий Е. Ащепкова указали «доктор архитектуры», когда ему было присвоено звание доктора искусствоведения.

⁵ ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

⁶ Архитектура Сибири. 1951. Июль. С. 1.

⁷ Автор эпитафии намерено не указан, т.к. предполагалось, что его авторство принадлежит всему коллективу редакции и членам союза. По мнению А.П. Долнакова, автором мог быть лично Е.А. Ащепков, но присущей ему скромностью не указал своей фамилии.

⁸ Крячков А.Д. Архитектура Новосибирска за 50 лет // Архитектура Сибири. 1951. Июль. С. 7–28.

⁹ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 203. Л.30.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 135. Л52.

курсы ин. языков при новосибирском Доме инженера и техника и через заочные московские курсы»¹. Предположительная численность обучающихся была невысока, и качество было недостаточным, т. к. курсы проводились эпизодически без соответствующей материальной базы и пособий.

Показательным моментом развития совместного сотрудничества могут быть соревновательные мероприятия закрытого типа, т. е. не административного характера (городского или областного уровней), а корпоративного². В Отчёте о проделанной работе за 1950 г., в блоке «Конкурс» было определено: «Наиболее действенной и эффективной формой повышения профессионального мастерства являются творческие соревнования архитекторов»³. В период с 1947 по 1953 г. просматривается устойчивый интерес к трем темам, которые предлагались для конкурсного проектирования: городское строительство, сельское строительство, типовое проектирование⁴.

Таким образом, в эпицентрах архитектурной культурной жизни создавался особый образ существования, который накладывал отпечаток на профессиональную деятельность архитекторов. Тем объединяющим центром совместного пребывания становились небольшие по площади помещения, на базе которых проходила деятельность и обмен совместным опытом.

3.3 Формы общественной деятельности сибирских архитекторов

Свободное время архитекторы предпочитали тратить на свои увлечения. В архитектурской среде Омска или Новосибирска не усматривается устойчивая тенденция к одному виду мероприятий.

Общественная нагрузка архитекторов была заранее определена административно-управленческой системой. По линии Госстроя

¹РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 392. Л38.

² См., напр.: РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 392. Л. 39–40.

³ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 17 Л. 14.

⁴РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 238. Л. 111.

направлялись инструкции «по вопросам сохранения памятников старины». На фирменном бланке в адрес Омского областного отдела по делам архитектуры, который являлся официальным органом Комитета по делам архитектуры СНК СССР, было направлено письмо¹, в котором напоминалось об организации активной охраны памятников. В приложении был представлен список, в котором под № 17 значилась Омская область. На территории области находился единственный город, в котором имелись установленные памятники – г. Тобольск. Был также дополнительный список памятников истории: кроме Тобольского округа в него включили Омский округ, на территории которого находился единственный населённый пункт – г. Омск. В перечне имеется только четыре наименования с порядковыми номерами: 6933 Собор – 1775 г., 6934 Крепостные ворота XVIII в., 6935 Гауптвахта – XVIII в., 6936 Казармы – нач. XIX в.

Отделу по делам архитектуры при Омоблисполкоме предписывалось: «Указанные списки / основной и дополнительный / необходимо рассматривать на Вашем архитектурном Совете с участием местных архитекторов, музейных работников и краеведов и представить Управлению не позднее 15 октября с. г.»² В штат также вводилась должность инспектора по охране памятников с окладом 850 руб. в месяц. Деятельность инспектора и того, кто замещал должность, не получила отражения в официальных документах. Архитекторы пытались сохранить памятники не только из-за выполнения директивных распоряжений, но и по своим собственным убеждениям. В.А. Касаткин, работая уже в Новосибирске, посещал Омск. Василий Александрович фиксировал состояние архитектурных памятников в своём альбоме. Воскресенский собор был снесён в 1958 г. Среди рисунков личной коллекции сохранился набросок собора без колокольни, что может стать свидетельством процесса разрушения. Дочь Касаткина в личной беседе рассказала, что архитектору была интересна любая «развалина». Официально

¹КУ ИСА. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 с об.

²Там же. Л. 13.

в Новосибирске не было памятников архитектуры, но Касаткин начал свой новый альбом – после войны¹, когда оставил должность архитектора – с рисунков строящихся зданий. С детальной точностью и с учётом конструктивных особенностей рисовальщик фиксировал технологию возведения здания. В омских командировках и личных поездках Касаткин не упускал момент зарисовать изменения в облике города². Сохраняя в своих рисунках образы памятников, он оставил огромный пласт информации, который отражает физическое состояние объектов культурного наследия.

Новосибирские градостроители и проектировщики по-иному относились к исторической застройке города. В ходе исследований не было установлено ни одного масштабного проекта по исторической реконструкции дореволюционного здания. Академик А.И. Гегелло в своём докладе «Архитектурное лицо г. Новосибирска» отозвался о городе: «Н.-Сибирск город молодой, но такой город, который в основном сложился как целый организм до октябрьской революции, и советские архитекторы получили его для своей работы в достаточно законченном и сложившемся виде»³. Однако академик не назвал ни одного дореволюционного здания, упомянув только о том, что конструктивизм закрепился в сознании проектировщиков. В перечне удачных зданий находятся такие здания, как Новосибирский железнодорожный вокзал, театр оперы и балета, горисполком, Дом Ленина.

Архитекторы работали на основе сложившейся модели, которую необходимо было менять. Смена поколений осуществляется эволюционным путем. Среди рисунков и шаржей встретился шарж 1950-х гг. неизвестного автора. Изображён архитектор на колонне в окружении лавровых ветвей, под ним подпись: «Спящий на лаврах К.Е. Осипов»⁴. Такой рисунок свидетельствует, что мнение «младших» коллег архитектора иное, чем у его

¹ Во время Великой Отечественной войны архитектор по долгу службы зарисовывал здания разных эпох на бумаге, которую ему присылали родственники из Новосибирска.

² Наиболее известные рисунки архитектора были опубликованы в альбоме. См.: Новосибирск в рисунках Касаткина. Новосибирск, 2010. С. 56–59.

³ ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁴ Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина при НГА.ХА. Ф. Сибстрин. Папка шаржи. Л. 35.

сослуживцев, т. к. необходимы новые проекты и строящиеся здания. А.Д. Крячков в статье «Архитектура Новосибирска за 50 лет»¹ описал градостроительные процессы сухо и неполно. Субъективный взгляд на развитие города привел к тому, что среди перечисленных зданий, построенных в дореволюционное время, только один объект – Собор Александра Невского, – проект которого выполнен не Крячковым. Архитектор также отвёл центральное место зданиям Первой сталинской пятилетки. Архитектура соцреализма получила более скромный объем. Однако текст этого раздела в основном был посвящён архитекторам «конструктивистам»: С.П. Тургеневу, К.Е. Осипову, Б.А. Гордееву и др. Из зданий явного «Сталинского ампира» назван Театр оперы и балета (фасады выполнены в мастерской под рук. А.В. Щусева) и Дом Соцземледелия. Архитектуру «пышного украшения» архитектор назвал «беспокойной».

Здания дореволюционной постройки в Новосибирске не воспринимались архитекторами как историческое прошлое. Осознание исторического наследия в архитектурном пространстве города происходило позже. Н.Г. Васильев – один из архитекторов, активно работавших в основных направлениях «соцреализма» в 1930–1950-е гг. – под его руководством и авторством построено более 15 зданий, – вместе с эпохой в начале 1960-х гг. он ушёл на художественное поприще – стал иллюстратором газеты «Вечерний Новосибирск». Архитектор спустя годы, рефлексировав над своей работой и творчеством своих коллег, делал рисунки в карандаше, реже тушью. Он зарисовывал реализованные здания, которые стоят на основных магистралях города (пр. Дзержинского, Красный проспект, ул. Ленина). В основном, он зарисовывал до 1965–1967 гг. здания, которые строились и перестраивались², когда он был студентом и молодым специалистом. Примечательные здания, которые были подвержены перестройке, архитектор изображал в двух ипостасях – до и после реконструкции. Так, Н. Васильев

¹ Крячков А.Д. Архитектура Новосибирска за 50 лет // Архитектура Сибири. 1951. С. 7–18.

² Около 40 графических листов и рисунков сохранились в личном фонде архитектора музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина при НГА.ХА.

изобразил Дворец труда до 1936 г. Архитектор изобразил на центральной лестнице памятник В.И. Ленину, установленный к 10-летию Великой Октябрьской революции¹. После реконструкции памятник перенесли на специально созданный постамент напротив здания, на котором надстроили дополнительный объём. Ракурс перспективы рисунка и элементы незатронутых изменений совпадают в точности, что позволяет определить – архитектор воспроизводил облик здания по памяти и не пользовался фотографическими материалами. Также архитектор сделал диптихи, посвящённые Горисполкому, к/т «Победа».

Н.С. Кузьмин в 1960-е отстаивал свои идеи, которые высказывал ещё в 1930-е гг. Одна из ярких идей 1930-х гг. в развитии транспортной инфраструктуры – эксплуатация дирижаблей. В проектах Дворца Советов в Москве, предложенных Б. Иофаном, встречается идея организации посадочной станции на последнем этаже здания – подобная идея была реализована на Эмпаер Стейт Билдинг. В сознании Кузьмина эпохи, по сути, сплелись друг с другом: «Мы достигли высокого уровня в машиностроении, в изготовлении изумительных космических ракет, но продолжаем строить тяжелые, массивные, дорогие и неряшливые здания»².

В начале 1950-х гг. инспектор по историческим памятникам т. Гендлина составляет перечень исторических памятников Новосибирска³. Цель составления подобного списка и назначения для дальнейшей работы установить не удалось. В списке значится 22 объекта из них 3 связаны с исторической памятью и городской историей, например, один из первых домов правобережья, остальные напрямую связаны с революционными событиями и лицами, принимавшими участие в работе Обской группы РСДРП. В 1957 г. Новосибирским книжным издательством была выпущена

¹ Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. Кн. 1. Новосибирск, 2003. С. 219–220.

² Кузьмин Н.С. Выступление на конференции дирижаблестроителей (Новосибирск, 25 марта 1965 г.) // Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения. Сб. ст. и мат. М., 2005. С. 135–146.

³ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–2.

книга под руководством Н.Н. Протопова¹. Издание носит краеведческий характер. Любопытно, что в приложении авторы поместили перечень «Исторических памятников Новосибирска». Я.Г. Ханинсон, составитель раздела, включил 15 наименований, так или иначе связанных с подпольной работой РСДРП или активностью революционного движения. Из всего перечня только два общественных здания – Дом Ленина и театр «Красный факел»². Частично эти списки совпадают, но ни у одного объекта не имелось официального зарегистрированного статуса «памятника».

Деятельность отдела Культпросветработы при Новосибирском горисполкоме также была нацелена на создание новых мемориальных объектов на территории города. В память о посещении города В.И. Лениным отделом предлагалось поставить обелиск на ж.д. станции Новосибирск. Ходатайство было направлено в городской отдел по делам архитектуры 30 августа 1950 г.³ Главный архитектор А. Дворин направил служебную записку исполняющему обязанности заведующего отделом Культпросветработы В.А. Новику, в которой информировалось, что в течении ближайших лет на территории станции будут проходить масштабные строительные работы, которые усложняют поиск подходящего места для установки обелиска⁴. Имелось заключение архитектора Петровского от 11 сентября 1950 г.⁵

Однако крупные памятники утверждались непосредственно на городском уровне. В 1948 г. поступило предложение о сооружении постамента с бюстом трижды герою Советского Союза А.И. Покрышкину. После долгих согласований и переписки между начальником отдела по делам архитектуры и Ленинградским заводом «Монумент-Скульптура»⁶ было принято решение о возведении пьедестала силами города под руководством опытных гранитчиков⁷. После командировки главного городского

¹ Новосибирск. Новосибирск, 1957. 240 с.: ил.

² Там же. С. 225, 227.

³ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

⁴ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 50. Л. 6.

⁵ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 50. Л. 4–4 об.

⁶ НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 35. Л. 6–32.

⁷ Там же. Л. 37.

архитектора в Ленинград¹ лично была доставлена необходимая техническая документация для возведения монумента. Этот исторический сюжет показывает, что переживание должностных лиц за общее дело приводит к тому, что сооружение новых мемориальных объектов становится не только частью общества, но и частью культурной жизни архитектора.

Архитекторы Омска и Новосибирска по-разному воспринимали своё наследие. Архитекторы, рефлексировав над своим прошлым спустя время, подготавливали труды, посвящённые архитектуре и градостроительству. А.Д. Крячкову, который являлся участником архитектурного процесса, не удалось чётко определить границы социальных трансформаций и творческие тенденции развития архитектуры. Памятниками прошлого для архитекторов городов являлись разные исторические отрезки.

Другой формой общественной деятельности архитекторов было участие в региональном представительстве Академии архитектуры СССР. В Омском регионе не нашлось подтверждения открытия регионального отделения ни в период эвакуации крупных архитекторов и академиков архитектуры, ни в иной период. В Новосибирске такое представительство было открыто благодаря активности профессорско-преподавательского состава Новосибирского инженерно-строительного института им. В. Куйбышева.

В НИСИ долгое время работал Е.А. Ащепков. После кончины своего учителя А.Д. Крячкова он возглавил кафедру архитектуры. Евгений Андреевич в 1950 г. был избран в член-корреспонденты Академии архитектуры СССР, и два десятилетия он являлся единственным сибирским академиком архитектуры. С 1942 г. Е.А. Ащепков по заданию Академии архитектуры проводит обследования сельских районов Алтая, Бухары, Нарыма². Продолжительные экспедиции для Ащепкова оказались необходимыми не только в финансовом, но и в научном плане. По результатам экспедиций проводились многочисленные выставки, которые

¹Там же. Л. 40.

² Долнаков А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. Новосибирск, 1992. С. 38.

высоко были оценены со стороны Академии архитектуры СССР. Ащепков окончил НИСИ, он был отличным рисовальщиком. Его работы, посвящённые сибирским городам¹, ценны своим профессиональным взглядом на архитектуру. Е.А. Ащепков выступил инициатором создания группы научных корреспондентов; предлагалось организовать её на базе Новосибирского инженерно-строительного института. Ащепков видел в ней перспективу создания Сибирского филиала академии². Академик предложил двенадцать персон, в том числе 4 заведующих кафедрами НИСИ, 4 преподавателей, одного и.о. старшего научного сотрудника Академии Архитектуры СССР и 3 архитекторов. Последние в списке три архитектора представлены следующим образом: «10. Кравцов Г.Ф. – главный городской архитектор г. Новосибирска. Тема иссл.: Опыт жилищного строительства в г. Новосибирске. 11. Хроненко³ Н.Ф. – архитектор, автор жилого комплекса г. Новосибирска. Тема иссл.: Вопросы индустриализации жилищного строительства в Сибири. 12. Терёхин В.Г. – главный архитектор треста Кузбассшахтпроект. Тема иссл.: Проектирование и строительство шахтных посёлков в Сибири»⁴. Г.Ф. Кравцов и В.Г. Терёхин известны истории города Новосибирска тем, что замещали должность главного городского архитектора. Н.Ф. Храненко, один из лидеров архитектурного «Сталинского ампира» в Новосибирске, работал тогда в Новосибирском проекте – ГССПИ-4⁵. Профессор Ащепков выбрал достойных людей, достигших не только эстетического, но и культурного уровня в архитектурной сфере. Учёный совет НИСИ поддержал предложение Ащепкова. Список этой научной группы получил корректировку; в него вошли не только квалифицированные архитекторы, но и научные работники, в том числе строители. В реестр попали только пятеро из прежнего списка: Г.Ф. Кравцов, Н.С. Кузьмин, А.В.

¹ Ащепков Е.А. работал над монографией о Красноярске, которая так и не была издана. В семейном архиве Ащепковых сохранили наработки и фрагменты рукописи. Работа над книгой о Тобольске была прервана, т. к. вышла книга В.И. Кочедамова, посвященная этому городу.

² ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 159. Л. 2.

³ Опечатка, надо читать – Храненко.

⁴ ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 159. Л. 4.

⁵ Слабуха А.В. Указ.соч. С. 341–342.

Силенко, М.Н. Михайлов, Н.Ф. Хроненко¹. Один кандидат архитектурных наук – Н.С. Кузьмин, один доктор технических наук (строитель) – А.В. Силенко, два кандидата технических наук – технолог М.Н. Михайлов и строитель А.А. Макаревич. За каждым закреплялась тематика, которую должен разрабатывать член группы. Единственный <, > кто не получил тематику – архитектор В.К. Петровский. Ащепков закрепил за собой тему – «Изучение русского зодчества»².

Члены Академии проводили заседания совместно с региональным отделением Союза советских архитекторов и проектными организациями с целью обсуждения и выработки единых методов проектирования гражданских объектов с использованием нормативной базы и упрощения конструкций³.

Деятельность Ащепкова дала свои результаты, т. к. был образован Западно-Сибирский филиал Академии строительства и архитектуры, а в конце 1959 г. Евгений Андреевич был утверждён председателем комиссии по проверке научной деятельности филиала. Как отмечал сам академик в отчёте за 1959 г., он проводил «соответствующую работу»⁴. Ащепков в этот отчётный год «написал отзыв на кандидатскую диссертацию архитектора Гольдшена «О творчестве архитектора Франк Лой Райта»⁵. Написание имени соответствует уровню знакомства автора с работами знаменитого американского архитектора. Также в отчёте встречается точное воспроизведение фамилии рецензируемого архитектора. Трансформацию фамилия А.Ф. Гольдштейна претерпела, когда он стал известен, и на титульном листе его монографии⁶, посвящённой известному американскому архитектору, появилась изменённая фамилия. Книга стала второй в серии «Мастера архитектуры» после книги о Л. Мисван дер Роз⁷, современном

¹ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 159. Л. 5.

²Там же. Л.6.

³ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1 Д. 20. Л. 2.

⁴ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 139. Л. 29.

⁵Там же.

⁶Гольдштейн А.Ф. Франк Ллойд Райт. М., 1973. 136 с.

⁷Мачульский Г.К. Мисван дер Роз. М., 1969. 256 с.

иностранном архитекторе. В многочисленных отчётах Е.А. Ащепков¹ подробно фиксировал все события и мероприятия, прошедшие за отчётный год в хронологическом порядке. Работа филиала была связана не только с научной, но и практической линией. Члены научной группы и сам Ащепков принимали участие в обсуждениях проектов городского конкурса на лучшую идею «Памятника В.И. Ленину в Новосибирске»².

Деятельность архитектора в общественных объединениях и организациях оставляет след на профессиональной практике. Самовоспитание историей и культурным наследием приводит архитекторов к пересмотру основных ценностей в архитектурной теории. В отличие от европейской части страны, Сибирь занималась реконструкцией городов, восстанавливая инфраструктуру не из руин, а из «наследия» военного присутствия в социальном измерении. Для молодого Новосибирска это означает принудительное выявление памятников архитектуры и истории из уже имеющейся исторической застройки. Составление перечня значимых памятников – это не результат изменения городского статуса на «столичный», а появление исторической памяти и соответствующего сознания. Переосмысление дореволюционных построек через конструктивистский этап развития новосибирской архитектуры (указанный крупным советским академиком архитектуры) совпал с общеархитектурной ориентацией на классическое наследие, что существенно усилило самоопределение архитектора.

Личное пространство архитектора не ограничивается узкопрофессиональным присутствием. Условия труда, быта определяют личную свободу представителя технической интеллигенции. В зависимости от социального статуса и должности архитектор получает соответствующий уровень обеспечения.

¹ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 139. (на 63 л.).

²ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 147. Л. 2-4; Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 173 (на 100 л.).

Советский архитектор, работающий в сибирском городе, вне зависимости от положения на «должностной лестнице» задействован в процессе формирования городского пространства. Несмотря на схожесть характеристик двух сибирских городов – Омска и Новосибирска, архитектурное сообщество имеет существенные различия в структуре. В корпус омских архитекторов входили в том числе представители инженерной специальности, т. к. подготовкой кадров по специальности «Архитектура» ни одно учебное заведение города не занималось. Отсутствие источника пополнения архитектурными кадрами создало условия для перехода инженеров в ранг архитекторов. Улучшение качества застройки и выстраивание системы архитектурного контроля наметилось в послевоенный период, когда проектные мастерские пополнились архитекторами, мигрировавшими из других частей страны. Консолидирующую функцию на себя воспринял главный городской архитектор.

Новосибирский корпус архитекторов формировался, в основном, за счет региональной высшей школы, выпускающей профильные кадры с 1930-х гг. Первым и вторым поколениям удалось сформировать уникальную архитектурную культуру, в которой были заложены традиции и принципы «новой сибирской архитектурной школы». Выходцы из этой архитектурной школы были высоко востребованными специалистами по территории Сибири. Потребность в обновлении и расширении профессиональной базы создала условия для создания представительства Академии архитектуры СССР, что стало сопутствующим фактором в развитии научной и производственной деятельности новосибирских архитекторов.

Заключение

Деятельность сибирских архитекторов в условиях «сталинского времени» определяется спецификой формирования архитектурных социальных и производственных институтов. Организация проектного дела в советском государстве в 1930–1950-х гг. было регламентировано по линии ряда институтов, в которые по принуждению или необходимости входили ведущие архитекторы сибирских регионов. К таким институтам можно отнести административные, производственные и общественные организации. Такое разделение позволило наиболее эффективно рассмотреть основные формы деятельности архитекторов. Отдел главного архитектора при городском исполкоме как главный управляющий орган в сфере архитектуры на территории города определял четкую политическую линию, по которой необходимо было осуществлять архитекторам «на местах». Идеологические и иерархические принципы в сибирских городах нивелировались за счет прямого участия главного городского архитектора в проектировании отдельных объектов или составлении генерального плана развития. Корректирующая роль в проектировании и контролирующая функция в строительстве зданий определили социальный статус высшего должностного лица в архитектурной отрасли. На основе реконструкционного списка замещения должности главного городского архитектора в Омске и выверенного отраслевыми историками списка г. Новосибирска удалось установить, что высший пост занимали признанные в архитекторской среде специалисты. Подкрепление социального статуса главного архитектора стало необходимостью для выстраивания соответствующей программы развития строительной отрасли и изменения архитектурно-градостроительной ситуации. Единственным исключением из общей практики является исполнение обязанностей городского архитектора Омска инженером в течении трех лет.

Производственная форма деятельности в соседних сибирских городах развивается по разным направлениям, что заведомо определило назначение общественного «профессионального клуба». Разрозненный коллектив архитекторского сообщества в Новосибирске нуждался в объединяющем центре. Таким центром стало Новосибирское отделение Союза архитекторов.

Омские архитекторы в 1935 г. были объединены в крупную проектную контору, что существенно снизило консолидирующую роль отделения Союза. Официальные представительства Союза советских архитекторов в городах Сибири имели разное значение для городов в годы Великой Отечественной войны: в первом случае как политически значимый институт для контроля над архитектурной жизнью Сибири, во втором – как механизм повышения престижа архитектурной специальности. Основными задачами такой общественной организации была консолидация архитектурных сил и решение общих проблем на основе сотрудничества.

Архитектурные практики двух сибирских городов имели ряд существенных различий. Нормирование архитектурно-проектной практики, строгость выполнения архитектурно-планировочных заданий и беспрекословное выполнение рекомендаций Союза являются отличительными чертами новосибирской ситуации. Новосибирская архитектурная практика подпадает под общую логику развития советской архитектуры. Ориентация профессиональных архитекторов на «лучшие образцы» и классицистические модели привели к созданию комплексной застройке основных улиц и магистралей города. Это положительно сказалось на «молодом» поколении архитекторов, которые учились у уже признанных и заслуженных мастеров проектному делу. Корпоративная культура создавалась за счет участия самих архитекторов в обсуждении вопросов и решении проблем творческого и организационного характера. Прогресс общественной организации поддерживался за счет творческой и профессиональной преемственности как между поколениями, так и между самими членами коллектива. Архитекторы в небольших конторах и

архитектурных подразделениях при производственных предприятиях выполняли минимальную работу, т. к. обслуживали как правило предзаводскую территорию, а при проектировании жилого фонда непосредственно решали на соответствующих совещаниях с административными работниками исполкома.

Оценка заслуг архитектора определялась за счет профессиональных качеств, а не за счет политического статуса или юридического преследования. Новосибирские архитекторы выстраивали новую архитектурную среду обитания горожан. Создание исторической застройки на принципах согласованности и достаточности стало возможным благодаря участию архитекторов, задействованные в образовательном процессе и воспитании молодых кадров. Молодой архитектор воспринимался не как специалист с малым опытом, а как проектировщик с новым мышлением. Связь с крупными архитекторами из Москвы и Ленинграда поддерживалась по линии Союза советских архитекторов, поэтому возможности организации пространства для дискуссий были ограничены.

Бюрократичность, полное подчинение иерархичности и стремление централизации приводило к созданию локальным застройкам и архитектурным комплексам Омска. Экстремальные условия, в которых существовали омские архитекторы, привели к тому, что основной корпус архитекторов оказался в сложной ситуации в профессиональном и жизненном плане. Бюрократизация привела к тотальной регламентации всей производственной работы, что облегчило оценивание «успешности» производства для чиновничьего аппарата. Стремления Г.А. Капустина изменить ситуацию в лучшую сторону привели к тому, что архитектурное Управление перешло от системного к ручному руководству, что положительно сказалось на формировании городского пространства.

Новосибирская и омская общественность имела разную степень заинтересованности в архитектурных делах. Регулярные выставки в витринах магазинов, экспозиции на ведущих площадках города, пропаганда и

популяризация в местной печати включали общественность в архитектурные процессы. В омской прессе редко публиковались утвержденные архитектурные проекты или обсуждались архитектурные решения города, слабо освещались предложения о генеральном развитии города. Интерес общественности Омска к архитектурным процессам был силен только при окончании проектирования и начале строительства, но не при непосредственном проектировании.

Кадры, выпущенные Сибирским художественно-промышленным техникумом им. М.А. Врубеля в 1920-е гг., оказались востребованными, но квалификация и специализация выпускников не отвечала реальным задачам, которые предстояло решать. Потенциал архитектурных сил был ограничен целым рядом факторов, что привело к массовому использованию повторяющихся проектов и применению типового секционного проектирования жилых объектов. Типизация приводит к однородности и пространственной «горизантализации», поэтому ценность индивидуального проектирования возрастает. Приезжие, принудительно эвакуируемые в годы войны архитекторы, имеющие высшее образование и архитектурно-художественное воспитание, были задействованы в проектировании зданий, которые становились символическими точками, вокруг которых организовывалось новое урбанистическое пространство и трансформировалась территория.

Формирование собственной архитектурной культуры проходило нестабильно, что не привело к созданию единого коллектива под общей эгидой. В связи с этим слабое участие в едином процессе проектирования и низком статусе отделения Союза архитекторов. В Омске отсутствовали высококвалифицированные кадры, которые могли бы решать градостроительные проблемы самостоятельно, поэтому региональные и городские власти обращались к крупным проектным организациям страны для составления генеральных планов развития города.

На уровне повседневности архитекторы, как подотряд технической интеллигенции, слабо представлен в современной отечественной историографии, поэтому первые попытки изучения повседневной жизни проектировщика привели к рассуждениям о социальном положении самого горожанина «сталинской эпохи». Архитектор «как человек своего времени» оказывается в зависимости от городской ситуации и условиях благоустройства быта. Профессиональное участие в улучшении городского пространства приводит к тому, что архитектор воспринимает бытовые условия как норму, а не как причину для улучшения.

Деятельность сибирских архитекторов 1930–1950-х гг. удалось представить в разных формах: административной, производственной, общественной. Рассмотрение каждой отдельной формы деятельности в рамках социальных институтов привело к необходимости учета не только исторических, но и региональных особенностей проектного дела.

Возможным продолжением работы видится изучение сибирских отделений Союза советских архитекторов и их политика в регионах. Политика правления отделений и политика главных городских архитекторов могли быть разнонаправленными. Творческое объединение могло стать самостоятельным эпицентром развития архитектурного сообщества, без образовательных профильных учреждений в регионе. Региональные и городские власти также могли пользоваться авторитетом таких сообществ для достижения желаемых результатов в благоустройстве города или расширения производственных мощностей производственных предприятий. В 1950-е гг. происходит ряд изменений в политической, социальной, культурной сферах, что приводит к изменению как статуса самого архитектора, так и его деятельности. Архитектурный надзор за реализацией проекта стал ключевым моментом в принятии решения партии отказаться от «сталинской» модели управления архитектурно-строительным сегментом экономики.

Список использованных источников и литературы

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архивные и музейные источники

1. *Российский государственный архив литературы и искусства.*

Ф.674. Союз архитекторов СССР (Москва, 1932-1991).

- Оп.2. Д. 15, 20, 40, 46, 117, 121, 135, 149, 186, 230-231, 238, 249, 277, 298, 307, 392, 336, 202-203;

- Оп.3.29-29а, 56, 525.

2. *Государственный архив Российской Федерации*

Ф. А-150 Государственный комитет Совета министров РСФСР по делам строительства и архитектуры (Госстрой РСФСР). Оп. 2. Д. 405-406, 638, 723-724, 752, 753, 856.

3. *Бюджетное учреждение культуры Омской области «Исторический архив Омской области»*

- Ф.235. Омский городской совет. Оп.2 Д.51-60, Д. 116-135, Д. 173-189. Д.220-222. Д.1115-1116.

- Ф.437 Исполнительный комитет Омского областного совета депутатов трудящихся Оп. 12. Д.1-41, Д.46-81.

- Ф.477 Омский городской отдел по делам строительства и архитектуры. Оп.1. Д.1-3, Д.10-71.

- Ф.1104 Омпроект-Омскгражданпроект. Оп.2. Д.1-6, 220-239, 285-315.

- Ф.2127 Омский областной отдел по делам строительства и архитектуры Омского облисполкома. Оп.1. Д.1-7.

4. *Государственное бюджетное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области»*

- Ф. Р-1444. Новосибирское отделение Союза советских архитекторов СССР. Оп.1. Д.1-11, 48-80, 101-126, 140-173.

- Ф. Р-1445. Оп.1. Д.5-18.

- Ф. Р-2102. Личный фонд архитектора Е.А. Ащепкова. Оп.1. Д. 139, 147, 159, 191.

- Ф. Р-2208. Фонд кандидата архитектуры К.К. Леонова. Оп.1. Д.1-7.

- Ф. Р-2033. Фонд архитектора С.П. Скобликова. Оп.1. Д.3.

5. Муниципальное казенное учреждение города Новосибирска «Новосибирский городской архив»

- Ф. 33. Исполнительный комитет Новосибирского городского Совета народных депутатов. Оп. 1. Д. 341-349, 486, 555, 685, 781, 1172.

- Ф. 634 Производственное управление садово-паркового хозяйства и зеленого строительства Новосибирского горисполкома. Оп.1. Д. 8-22, 28, 38, 48, 52, 62, 79, 81.

- Ф. 584. Главное архитектурно-планировочное управление Новосибирского горисполкома. Оп.1. Д.1-10, 20-28. Д.35-77, 81

- Ф.585. Архитектурно-планировочная мастерская отдела по делам архитектуры Новосибирского горисполкома. Оп. 1. Д.7-10.

- Ф. 578. Управление благоустройства Новосибирского горисполкома. Оп.1. Д.4, 38, 41, 66, 93, 116, 199, 236, 291.

6. Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А.В. Щусева.

Фотофонд. Фотоколлекция городов Сибири:

- V 21933-22124;

- VIII №№12530, 23928, 30627, 27866, 30632-30634, 30028-30030;

- XI №№ 17806-17809, 17901-17915, 36396-36398, 3806-3888, 37043, 10409, 10889, 12359, 12344, 30907, 12530, 30900, 35704, 30681, 36047.;

Фонд графики. Коллекция Дворец Советов в Москве. Конкурс.

- Р1а 1564. А.Д. Крячков. Дворец Советов. Москва. Конкурсный проект. Девиз «Зеленый квадрат». 1931 г. Фасады Дворца Съездов. Бумага, карандаш. 44x89 см

- Р1а 1566. А.Д. Крячков. Дворец Советов. Москва. Конкурсный проект. Девиз «Зеленый квадрат». 1931 г. Южный и северный фасады Дворца Собраний. Бумага, карандаш, цветной карандаш. 43x63 см

- Р1а 560. А.Д. Крячков. Дворец Советов. Москва. Конкурсный проект. Девиз «Зеленый квадрат». 1931 г. Фасады восточный и западный. Бумага, тушь. 70x98 см

- Р1а 561. А.Д. Крячков. Дворец Советов. Москва. Конкурсный проект. Девиз «Зеленый квадрат». 1931 г. Деталь фасада. Перспектива. Бумага, карандаш. 70x98 см

- Р1а 904. А.Д. Крячков. Дворец Советов. Москва. Конкурсный проект. Девиз «Зеленый квадрат». 1931 г. Фасад. Бумага, карандаш. 50x92 см

7. Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля. Коллекция архитектурной графики Омска 1930-1960 годов

- Александрович М. А. Жилой дом Сибзавода. Проект цветового оформления. 1939. Бумага, карандаш, акварель, кисть, тушь, перо, белила. 57,0x77,5 - ВХ-35792

- Бутырин Д. С. Перспектива фойе. Бумага, акварель, карандаш. 32,7x29,0 - ВХ-37180

- Бутырин Д. С., Голенко П. С. Жилой дом на 54 кв. завода им. В. В. Куйбышева. Перспектива. 1940. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 64,3x87,9. - ВХ-28559

- Бутырин Д. С., Юмакаев А. С., Зутис П. П., Сапронов И. Т. Радиотехнический техникум. Развертка со стороны водоема. 1952. Картон, карандаш, акварель, кисть 31, 4x49, 8. - ВХ- 28620.

- Голубецкий И. С. Кожно-туберкулезный санаторий. Главный фасад (западный). Бумага, карандаш. 43,5x64,0 - ВХ-28596

- Доос В. Д. Фонтан. Сквер Победы. 1947. Бумага, карандаш, тушь, рейсфедер, акварель, кисть. 63,8x63,4 - ВХ-28575.

- Круткин П. И. Административное здание Омскэнерго. 1954. Бумага, акварель, кисть. 41,5x78,8 - ВХ-35821
- Круткин П. И. Кинотеатр на 700 мест. Проект привязки. 1953. Бумага, тушь, перо, акварель. 51,0x50,7 - ВХ-35825.
- Либготт О. Е. Жилой дом по ул. К. Маркса (Дом со шпилем). 1950. Бумага, карандаш, акварель, кисть. Из двух разрозненных частей: 31,4x 55,6; 44,7x29,3.- ВХ-35820
- Н/х. Генплан городка Нефтяников. Картон, акварель, белила. Из двух частей: 74,8x47,3; 74,8x48,5 - ВХ-35802
- Н/х. Дворец культуры. Перспектива. Бумага, карандаш, акварель, кисть, белила. 59,0x91,4 - ВХ-35787
- Н/х. Жилой дом завода № 166. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 34,0x48,5 - ВХ-28608.
- Н/х. Клуб им. Лобкова. Реконструкция. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 25,4x65,1- ВХ-28597.
- Н/х. Общественное здание. Дворовый фасад. Бумага, тушь, перо, кисть. 24,7x 73,2- ВХ- 35785
- Н/х. Оформление восточного фасада театра Музыкальной комедии. Бумага, карандаш, акварель, гуашь, кисть, тушь, перо, белила. 34,7x56,1 - ВХ-35782
- Н/х. Парад фонтанов (усл.). Бумага, карандаш, тушь, перо, акварель, кисть. 56,9x80,2 - ВХ-28576.
- Н/х. Административное здание. 1953. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 49,9x75,1 - ВХ-35774
- Н/х. Жилой дом. Фасад по ул. Гусарова. Бумага, акварель, карандаш. 24,7x66,5- ВХ-35786
- Никифоров В. Г., Степанов Е. А., Сапронов И. Т. Жилой дом № 5 завода им. Козицкого. Фасад по ул. Тарской. Главный фасад по ул.

Интернациональной. 1950. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 33,5x84,2 - ВХ-28648.

- Пентман В. Жилой дом № 1 завода им. Ворошилова. Перспектива. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 38,4x93,4 - ВХ-35835

- Пентман В. Жилой дом № 6 завода им. Козицкого. Фрагмент. Перспектива, Планы. 1954. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 55,2x35,6 - ВХ-28570.

- Сапронов И. Т., Бутырин Д. С. Реконструкция клуба «Металлист». Перспектива. 1950. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 55,3x53,8 - ВХ-28618.

- Степанов Е. А., Круткин П. И., Сапронов И.Т. Реконструкция и надстройка здания по ул. Ленина, 11. Картон, карандаш, акварель, кисть. Из двух частей: 28,0x72,0; 28,1x73,4. - ВХ-28621

- Степанов Е. А., Круткин П. И., Сапронов И.Т. Проект надстройки здания по ул. Ленина, 11. 1950. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 25,9x77,5 - ВХ-28633

- Юмакаев А. И. Профили. 1949. Картон, карандаш, акварель, кисть. 58,4x82,2 - ВХ-35799

- Юмакаев А. И. Омский педагогический институт. Перспектива. 1953. Бумага, карандаш, акварель, кисть. 70,7x 109,4 - ВХ- 28617.

8. *Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина при ФГБОУ ВПО «Новосибирской архитектурно-художественной академии».*

- Оп. 3/1 Градостроительство и архитектура Омска. Д.1-12;
- Оп. 3/4.Архитектурные проекты и здания Омска и Тары. Д.1-12

9. *Архив ведомственного музея института ОАО ТПИ «Омскгражданпроект»*

- Фонд архитекторов института по персоналиям. Д.1-26.

10. *Текущий архив Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Ф. Искусствоведа О.В. Белана. Оп.1.*

- Д. Воспоминания архитекторов и об архитекторах.
- Д. Архитекторы Омска и их постройки.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Нормативно-правовые акты и решения партии:

1. XVIII съезд Всероссийской коммунистической партии (б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1939. – 743 с.
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. – 872 с. – (Россия. XX век. Документы).
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сборник документов. Т. 3. 1946–1952 гг. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – 704 с.
4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957. Сборник документов. Т.2 . 1929–1945 гг. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 887 с.
5. Из истории советской архитектуры 1926-1932. Документы и материалы. Творческие объединения. / Под ред. К.Н. Афанасьев – М.: Наука, 1970. – 196 с.
6. Из истории советской архитектуры 1941-1945 г. Документы и материалы. Творческие объединения. / Под ред. К.Н. Афанасьев – М.: Наука, 1978. – 212 с.
7. Из истории советской архитектуры. 1932-1941. Документы и материалы. / Под ред. К.Н. Афанасьев – М.: Наука, 1968. – 202с.
8. Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. В 8 т. Т. 1. 1919-1929. – М.: [б.м.], 2000. – 281 с.

Сборники документов и материалов

1. Дворец Советов. К V пленуму правления Союза советских архитекторов / Ред. И.Г. Ушлевич. М.: ИЛА, 1939. 19 с.
2. Дворец Советов. Материалы конкурса 1959 - 1967гг. – М.: Гос. изд-во лит-ры по стр-ву, арх-ре и строительной технике., 1961 – 197 с., 56 с. ил.
3. Из истории создания Союза советских архитекторов. К 75-летию творческого Союза зодчих. / Сост. Т.Н. Самохина. – М.: НИИТАГА РААСН, 2007. – 192 с.
4. История архитектуры в избранных отрывках. / сост. М. Алпатов, Д. Аркин, Н. Брунов. – М.: Изд-во всесоюзной академии архитектуры, 1935. – 590 с.
5. Итальянский Дворец Советов: каталог выставки проектов – М.: б.и., 2007. – 239 с.
6. Мастера архитектуры об архитектуре / ред. И.Я. Цагарелли. – М.: Искусство, 1972. – 590 с. , 40 с. ил.
7. Мастера советской архитектуры об архитектуре: в 2 т. / общ. ред. И.Л. Маца. – М.: Искусство, 1975. – 2 т.
8. Материалы Всероссийского совещания главных архитекторов городов. 2-6 июня 1945 г. – М.: Государственное архитектурное издательство, 1946. – 108 с., ил.
9. Материалы к Биографическому словарю архитекторов народов СССР : [словник (список имен)] : [рабочий вариант] : [в 10 вып.] / Госкомархитектура при Госстрое СССР, ВНИИ теории архитектуры и градостроительства, Союз архитекторов СССР; отв. ред. А. Ф. Крашенинников. – М. : [Б. и.], 1979-1989.
10. Материалы по отчету правления Союза советских архитекторов СССР за период между первым и вторым всесоюзными съездами советских архитекторов (1937-1955) / ред. изд. Г.В. Морозова. – М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1955. – 83 с.

11. Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения. Сборник статей и материалов. – М.: Ника, 2005. – 200 с.
12. Новониколаевская губерния – Новосибирская область. 1921-2000. Хроника. Документы. – Новосибирск: Новосибирский полиграфкомбинат, 2001. – 326.
13. Новосибирск. История генеральных планов в документах / Авт.-сост. В.Н. Шумилов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. – 256 с.: ил.
14. Омскгражданпроект. Служебная информация / Сост. Е.А. Степанов, А.М. Курносенков, Г.Е. Чиркин – Омск: Омскгражданпроект, 1985. – 78 с.
15. Первый всесоюзный съезд советских архитекторов СССР. / Отв. ред. К.С. Алабян. М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры., 1937 . – 12 с.
16. Хроника архитектурно-градостроительного процесса в СССР послевоенного периода (1945-1955) / Сост. Ю.Л. Косенкова, Ю.П. Волчок. URL: <http://niitiag.ru/publications/biblio/201-hronika-arhitekturno-gradostroitel'nogo-processa-v-sssr-poslevoennogo-perioda-1945-1955.html> (Дата обращения: 10.05.2015).

Источники личного происхождения

1. Андрей Константинович Буров: Письма. Дневники. Беседы с аспирантами. Суждения современников / Сост. Р.Г. Бурова, О.И. Ржехина. – М.: Искусство, 1980 – 297 с., 52 л. ил. – (Мир художника).
2. Белан О.В. Архитектура Омска XX века и деятельность главных городских архитекторов. Омск, 2000. (рукопись). // Текущий архив ОО ВООПиК. Ф. Искусствоведа О.Е. Белана.
3. Латур, А. Рождение метрополии. / А. Латур. – Москва 1930-1955: Воспоминания и образы. – М.: Искусство XXI век, 2005. – 335 с., ил.
4. Леонов К.К. Воспоминания о строительстве Дома Советов в Новосибирске // ГАНО. Ф.Р-2208. Оп.1. Д.4.

5. Манякин, С.И. Сибирь далекая и близкая. / С. И. Манякин. М.: Фонд имени И.Д. Сытина; Зарницы, 2003 – 468 с.
6. Милютина, Е. Мы наш, мы новый мир построим / Екатерина Милютина. М.: Новое литературное обозрение, 2013. –С. 377–498.
7. Резвин, В.А. Архитектор и власть. / В.А. Резвин. – М.: Искусство XXI век, 2013. – 312 с.
8. Степанов, Е.А. Омпроект–Омскгражданпроект (1935–1985 гг.) // Омскгражданпроект. Служебная информация /Сост. Е.А. Степанов, А.М. Курносенков, Г.Е. Чиркин – Омск: Омскгражданпроект, 1985 –С. 4–54.
9. Стребкова, А. Воспоминания о деде // Проект Сибирь. – №28.– 2007.– С.31-34.
10. Фрагменты автобиографии Н.С. Кузьмина // Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения. Сборник статей и материалов. – М.: Ника, 2005. – С. 4-34.
11. Фрагменты дневников Е.А. Ащепкова // Долнаков, А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. / А.П. Долнаков. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд. 1992. – С. 14-17, 32-35, 38-40, 62-64.
12. Щусев, П.В. Страницы из жизни академика А.В. Щусева. / П.В. Щусев. – М.: С.Э. Гордеев, 2011. – 352 с.: ил.

Периодическая печать:

Журналы:

1. Архитектура и строительство. Ежемесячный журнал. Орган Министерства городского строительства и управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР. 1937-1958.
2. Архитектура Сибири. Ежегодник Новосибирского Отделения Союза советских архитекторов. 1951. №1.
3. Архитектура СССР. Орган Академии архитектуры СССР и Управления по делам архитектуры при Совете министров РСФСР. 1935-1955. По 12 номеров.

4. Народное хозяйство Омской области 1934-1937.

5. Омская область 1937-1941.

Газеты:

6. Архитектурная газета. Орган Правления Союза советских архитекторов. (с приложением). 1937-1940.

7. Омская правда. Орган областного и городского комитетов ВКП(б), Областного и городского советов депутатов трудящихся. 1931-1959.

8. Рабочий путь. Ежедневная газета горкома ВКП(б), горсовета и горпрофсовета. 1926-1928.

9. Советская Сибирь. Орган Новосибирского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Совета депутатов трудящихся. Ежедневная газета. 1930-1954, 2000-2006.

Отраслевая литература

1. Атаров, Н. Дворец Советов / Н. Атаров. – М.: Московский рабочий, 1940. – 164с.: ил.

2. Гусев, Н. М. Советская архитектура. / Н. М. Гусев, В.Г. Макаревич. – М.: Стройиздат, 1973. – 210 с.: ил.

3. Зубарь, М.И. Об основных проблемах и методах изучения истории архитектуры. / М.И. Зубарь. – Харьков: изд-во ХИИКС, 1940. – 242 с.

4. Зубарь, М.И. Об основных проблемах и методах изучения истории архитектуры / М.И. Зубарь. – М: ХИИКС, 1940 – 128 с.

5. Кочадамов, В.И. Омск. Как рос и строился город. / В.И. Кочадамов. – Омск: Омское книжное издательство, 1960 – 114 с: ил.

6. Лауреаты сталинских премий в архитектуре 1941 -1950. / ред. Я.А. Корнфельд. – М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1953. – 236 с.: ил.

7. Михайлов, А. Группировки советской архитектуры /А. Михайлов. – М.: [б.м.], 1932. – 189 с.

8. Михайловский, И.Б. Теория классических архитектурных форм / И.Б. Михайловский. – 4-е изд. – М.: КомКнига, 2009. – 296 с.
9. Справочник архитектора / Сост. Л.С. Залесская, В.Д. Александрова. В 5 Т. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1957.
10. Справочник архитектура / Ред. Н.Х. Поляков. В 4 Т. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1946. – 456 с.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Опубликованные исследования

1. Абашев, В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. / В.В. Абашев. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2000. – 404 с.
2. Алексеев, Ю.В. Градостроительное планирование поселений: в 5 т. / Ю.В. Алексеев, Г.Ю. Сомов. – М.: Ассоциация Строительных Вузов, 2003. – 5 т.
3. Алисов, Д.А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.). Учебное пособие. / Д.А. Алисов. – Омск, 2002. – 196 с.
4. Алисов, Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Монография. / Д.А. Алисов. – Омск, 2001. – 200с.
5. Андреевский, Г. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. / Г. Андреевский. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 592 с.
6. Антипина, В.А. Повседневная жизнь советских писателей 1930-1950-е годы. / В.А. Антипина. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 407с.
7. Архитекторы Волгограда: Научно-историческое издание /Авт.-сост. А.М. Вязьмин, П.П. Олейников. – Волгоград: Гос. учреждение «Издатель», 2003. – 296 с.: ил.

8. Архитекторы Волгограда: Научно-историческое издание/Авт.-сост. АМ. Вязьмин, П.П. Олейников. – Волгоград: Гос-ное учреждение «Издатель», 2003. – 296 с.: ил.
9. Архитекторы Екатеринбурга и Свердловской области. / Под. Ред. Л.П. Бандровской, Н.А. Вилесовой.– Екатеринбург: Уральский рабочий, 2003. – 430 с.
10. Архитектура и социальный мир. / Отв. ред. И.А. Добрицына. – М.: Прогресс-Традиция, 2012. – 312 с., ил.
11. Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: КомКнига, 2010. – 496 с.
12. Багрова Н.В. Наследие архитектуры авангарда в критических концепциях XX века. – Новосибирск: НГАХА, 2010. – 126 с.
13. Баканов, С. А. Советский индустриальный город 1920-1950-х годов и культурологический поворот в исторической урбанистике / С. А. Баканов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – №3 (81). – С. 123-126.
14. Баландин С.Н. Архитектор А.Д. Крячков (К 100-летию со дня рождения) / С.Н. Баландин // Сибирские огни. – №11. – 1976. – С.180-188.
15. Баландин, С. Сибирский архитектор А.Д. Крячков / С. Баландин, О. Ваганова. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. – 56 с.
16. Баландин, С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1893-1945гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1978. – 136 с., ил.
17. Баландин, С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1945-1985 гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1986. – 160 с., ил.
18. Баландин, С.Н. Новосибирск: Что остается в наследство?... / С.Н. Баландин, В.С. Баландин. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. 104 с.

19. Баландин, С.Н. Сибирский архитектор. Документальный очерк. / С.Н. Баландин – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. 160 с., ил.
20. Барахин, М.Г. Архитектура и город. Проблемы развития советского зодчества / М.Г. Барахин. – М.: Наука, 1979 – 190 с.
21. Барахин, М.Г. Архитектура и город. Проблемы развития советского зодчества / М.Г. Барахин – М.: Наука, 1979 – 190 с.
22. Барон, Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 / Н. Барон. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 400 с.
23. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит, 1990. – 543 с.
24. Бирюков, А.Д. Создание системы внепроизводственного регулирования творчества советских архитекторов в 1930-е годы / А.Д. Бирюков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2009. – Т.8. – №1. – С.161-164.
25. Блок, М. Апология истории, или ремесло историка. /М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 174с.
26. Бон, Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. /Т.М. Бон. – М.: РОССПЭН, 2013. – 414с.
27. Бореев, Ю. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд / Ю. Бореев. – М.: АСТ издательства; Олимп, 2008 – 478, [2] с.: ил.
28. Бринкман, А.Э. Площадь и монумент как проблема художественной формы. / Пер. с нем. Изд.2. – М.: Советских художник, 2010. – 296 с.
29. Будник, Г. А. Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии / Г.А. Будник // Интеллигенция и мир. – 2009.– №3.– С.7-19.

30. Букин, С.С. Исаев В.И. Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX – начало XXI вв. / С.С. Букин, В.И. Исаев. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008.– 270 с.
31. Бушма, Д.Д. Архитектор Виталий Семенович Масленников в воспоминаниях современников 1940–1950-х годов / Д.Д. Бушма //Баландинские чтения: сборник статей VI науч. чтений. – Новосибирск: НГАХА, 2012. – С.27-34.
32. Бушма, Д.Д. Архитектор Виталий Семенович Масленников / Д.Д. Бушма // Региональные архитектурно-художественные школы: сборник статей. – Новосибирск: НГАХА, 2012. – С.171-176.
33. Былинкин, Н.П. История советской архитектуры (1917-1954 гг.). / Н.П. Былинкин, В.Н. Калмыкова, А.В. Рябушин, Г.В. Сергеева – М.: Стройиздат, 1985. – 256 с.
34. Вайль, П. Гений места. / П. Вайль – М.: КоЛибри, 2011. – 448с.
35. Варзар, Л.В. С.А. Минкус. / Л.В. Варзар, Ю.С. Яралов – М.: Стойиздат, 1982. – 136 с.
36. Васькин, А.А. Сталинские небоскребы: От Дворца Советов к высотным зданиям / авт. текста А.А. Васькин, авт. фото Ю.И. Назаренко – М.: Спутник +, 2009. – 236 с.: ил.
37. Васькина, Л., Хлевнюк О. Новые города - новый образ жизни. Начальный этап урбанизации СССР / Л. Васькина, О. Хлевнюк // Вопросы истории. – 1987. – № 7. – С. 78-87.
38. Вержбицкий, Ж.М. Архитектурная культура. Искусство архитектуры как средство гуманизации «второй природы» / Ж.М. Вержбицкий. – СПб.: Изд-во Российской академии художеств; Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 1998. – 44 [2] с.
39. Вибе, П.П. Омский историко-краеведческий словарь. / П.П. Вибе, А.П. Михеев, Н.М. Пугачева. – М.: Отечество, 1994. – 320 с.

40. Вильковский, М. Социология архитектуры. / М. Вильковский. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010. – 592 с.
41. Гейль, В. В. Эвакуированная творческая интеллигенция на Южном Урале (1941—1945 гг.) / В. В. Гейль // Интеллигенция и мир.– №4. – 2008. – С.125-134.
42. Геллер, М. Утопия у власти / М. Геллер, П. Некрич. – М.: МИК, 2000. – 856 с.
43. Гинзбург, М.Я. Жилище / М.Я. Гинзбург. – М.: Стройиздат, 1934. – 192 с.
44. Глазычев, В.Л. Город без границ. / В.Л. Глазычев. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.
45. Глазычев, В.Л. Урбанистика. / В.Л. Глазычев – М.: Европа, 2008. – 220 с.
46. Глазычев, В.Л. Архитектура. Энциклопедия. / В.Л. Глазычев – М.: Изд-во «Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 672 с.
47. Глазычев, В.Л. Социология архитектуры — какая и для чего? / В.Л. Глазычев // Зодчество – 1978. – №2(21). – С. 32-47.
48. Голомшток, И. Тоталитарное искусство. – М.: Галарт, 1994. – 296 с., ил.
49. Горелова, Ю.Р. Архитектурная среда города: образные характеристики, генезис и динамика (на материалах г. Омска): учебное пособие. / Ю.Р. Горелова. – Омск, 2013. – 330 с.: ил.
50. Горелова, Ю.Р. Облик и образ города: теория и практика культурологического анализа. В 2 ч.– Омск: Омский экономический институт, 2011. – 287 с.
51. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2001. – 392с.
52. Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1995. – 351 с.

53. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. / Б. Гройс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 168 с.
54. Гройс, Б. Gesamtkunstwerk Сталин / Борис Гройс // Искусство утопии. – М.: Художественный журнал, 2003. – С. 19-139.
55. Гройс, Б. Ницшеанские мотивы в Советской культуре 30-х / Б. Гройс // Бахтинский сборник. – Вып.2. – М.: Лабиринт, 1992. – С. 104-126.
56. Громова, Е.Б. Модулятор сакрального пространства / Е.Б. Громова // Культура и пространство. Славянский мир. – М.: Логос, 2004. – С. 27-35.
57. Гуляницкий, Н.Ф. Архитектура гражданских и промышленных зданий. В 5 т., Т.1. История архитектуры – М.: Стройиздат, 1978. – 255 с.
58. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – 328 с.
59. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
60. Гутнов, А.Э. Мир архитектуры (Лицо города) / А.Э. Гутнов, В.Л. Глазычев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 350 [2] с.: ил.
61. Гутнов, А.Э. Мир архитектуры / А.Э. Гутнов. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 351 с.: ил.
62. Дворец Советов (Конкурс 1931-1933 гг.): каталог-путеводитель по фондам музея / Авт.-сост. Н.И. Филиппокова; общ. ред. И.А. Казусь. – М.: [б.и.], 1989. – 110 с.
63. Девятьярова, И. Г. Краткие сведения об инженерах и архитекторах, работавших в Омске или проектировавших для города в XVIII – первой четверти XX вв. / И.Г. Девятьярова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – №2. – Омск, 1993. – С. 109-116.
64. Делитц, Х. Архитектура в социальном измерении / Х. Делитц // Социологические исследования – 2008. – № 10 – С. 113-121.
65. Долнаков, А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. / А.П. Долнаков, отв. ред. А.В. Иконников – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1992. – 119 с., 32 ил.

66. Духанов, С.С. Источниковедческие проблемы исследования архитектурного авангарда в Новосибирске (на примере рабочих клубов и дворцов культуры) / С.С. Духанов // Баландинские чтения: избранное. 2006-2010 гг. – Новосибирск: НГАХА, 2011. – С. 37-40.
67. Духанов, С.С. Опыт изучения стиля и метода архитектурного проектирования советской эпохи (1917-1955 гг.): на примере рабочих клубов и Дворцов культуры Новосибирска. / С.С. Духанов, Н.П. Журин. – Новосибирск: НГАХА, 2009. – 160 с.: ил.
68. Духанов, С.С. Особенности работ по генеральной планировке городов Западной Сибири в 1930-е гг. (по материалам фотофонда музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина) / С.С. духанов // Баландинские чтения: сб. статей VIII научных чтений памяти С.Н. Баландина, Новосибирск, 18-20 апреля 2013. – Новосибирск: НГАХА, 2014. – С.311-319.
69. Духанов, С.С. Роль фотоархива музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина в изучении новосибирского этапа творчества архитектора Б.А. Гордеева, С.П. Тургенева и инженера Н.В. Никитина / С.С. Духанов // Баландинские чтения: избранное. 2006-2010 гг. – Новосибирск: НГАХА, 2011. – С. 40-41.
70. Духанов, С.С. Влияние региональных условий в градостроительстве Западной Сибири первой пятилетки / С.С. Духанов // Архитектон: Известия вузов. №45. 2014. URL:http://archvuz.ru/2014_1/10 (дата обращения: 02.05.2014).
71. Духанов, С.С. Массовые культурно-зрелищные сооружения нового типа и градостроительные проблемы Новосибирска конца 1920-х – начала 1930-х гг. / С.С. Духанов // Региональные архитектурно-художественные школы: сборник статей. – Новосибирск: НГАХА, 2012. – С. 212-217.
72. Духанов, С.С. Новосибирский Дом науки и культуры (ДНК) – как поле борьбы творческих концепций двух ведущих школ советской архитектуры – АСНОВА-АРУ (арх. А.З. Гринберг, 1933г.) и «школы И.В.

Жолтовский» / С.С. Духанов // Пути совершенствования архитектурно-художественного образования в Сибири: Всероссийская научно-практическая конференция. – Новосибирск: НГАХА, 2004. – С.133-137.

73. Духанов, С.С. Формотворческий проект синтетического театра новосибирского Дома науки и культуры (арх. А.З. Гринберг, 1931 г.) в ряду конструктивистских аналогов / С.С. Духанов // Пути совершенствования архитектурно-художественного образования в Сибири: Всероссийская научно-практическая конференция. – Новосибирск: НГАХА, 2004. – С.131-133.

74. Едике, Ю. История современной архитектуры. Синтез форм, функции и конструкции / Ю. Едике. – М.: Искусство, 1972 – 136 с., ил.

75. Ермушин М. В. Инженерно-техническая интеллигенция и профсоюзы в годы новой экономической политики / М. В. Ермушин // Интеллигенция и мир. – Иваново, 2012. – №1. – С. 40-54.

76. Жидченко, А.В. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950-60-е гг. / А.В. Жидченко, В.Г. Рыженко. – Омск: Амфора, 2013. – 444 с.

77. Журавлев, М.П. Омск: вчера, сегодня, завтра. / М.П. Журавлев. – Омск: Омское книжное издательство, 1993. – 176 с.: ил.

78. Замятин, Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. / Д.Н. Замятин. М.: Знак, 2006. – 488 с.

79. Замятин, Д.Н. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. / Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина, И.И. Митин – М.: Институт Наследия, 2008. – 760 с.

80. Зиновьева, О.А. Символы сталинской Москвы. / О.А. Зиновьева. – М.: ИД Тончу, 2009. – 304 с., ил.

81. Золотарев, О. В. Интеллигенция: советские годы / О. В. Золотарев // Интеллигенция и мир. – Иваново, 2012. – №4. – С. 44-57.

82. Ибрагимов, И.А. Формирование архитектуры христианства и ислама как выражение понятия системы координат в визуально-

ориентационно-смысловом пространстве / И.А. Ибрагимов // Архитектон: известия вузов. № 26. 2009. URL:http://archvuz.ru/2009_2/6 (дата обращения: 29.11.2010).

83. Иванов, С.Г. Реакционная культура: от Авангарда к Большому стилю. / С.Г Иванов – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. – 434 с.

84. Из истории создания Союза советских архитекторов. К 75-летию творческого Союза зодчих. – М., 2007. – 140 с.

85. Иконников, А. В. Искусство, среда, время : Эстетическая организация городской среды / А. В. Иконников – М.: Советский художник, 1985. – 336 с., ил.

86. Иконников, А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.

87. Иконников, А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. / А.В. Иконников. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 2 т.

88. Иконников, А.В. Архитектура Москвы XX века / А.В. Иконников. – М.: Московский рабочий, 1984. – 224 с.: ил.

89. Иконников, А.В. Историзм в архитектуре / А.В. Иконников. – М.: Стройиздат, 1997. – 559 с.: ил.

90. Иконников, А.В. Советская архитектура – реальность и утопии / А.В. Иконников // Образы истории отечественной архитектуры Новейшего времени. – М., 1996. – С. 194 – 223.

91. Иконников, А.В. Советская архитектура: вчера, сегодня завтра / А. В. Иконников, С.О. Хан-Магомедов, А.А. Шайхет – М.: Знание, 1967. – 148 с.

92. Иконников, А.В. Утопическое мышление и архитектура. / А. В. Иконников. М.: Архитектура–С, 2004. –400 с.

93. Ильченко, М.С. Советские архитекторы и институты власти в 1930-1950-х годах: становление взаимодействия / М.С. Ильченко // Вестник Пермского университета. – Вып. 2 (22). – С.87-96.

94. Иовлева, Е.В. Своеобразие архитектуры неоклассицизма в Свердловске // *Архитектон: известия вузов*. – № 8. – 2004
URL:http://archvuz.ru/2004_3/1 (дата обращения.: 29.11.2010).
95. Иоффе, И.И. Культура и стиль. / И.И. Иоффе. – Л.: Слава, 1977. – 199 с.
96. Историко-краеведческий словарь. Иркутск: Историко-краеведческий словарь/ Сост. С. Григорьев, Н. Кондратьева – Иркутск: Сибирская книга (ИП Лаптев А. К.), 2011.– 596 с.
97. История русского искусства. В 11 т. Т. 11. Советское искусство / ред. кол. И.В. Рязанцева. – М.: Искусство, 1957. – 580 с., 19 с. ил.
98. История русского искусства. В 2 т. Т. 2. Искусство второй половины XIX - XX века / под ред.: М.М. Раковой, И.В. Рязанцева. – М.: Изобразительное искусство, 1979. – 364 с., 18 л. ил.
99. История советской архитектуры, 1917-1954 гг. / Ред. А.В. Рябушина, Н.П. Былинкина. – М.: Стройиздат, 1985. – 256 с.: ил.
100. История советской архитектуры. / Ред. Н.П. Былинкина. – М.: Просвещение, 1985. – 250 с.
101. Каганский, В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. / В.Л. Каганский – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
102. Каганский, В.Л. Советское пространство: ландшафтный и экологический аспект // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. – №5. – 2012. – С. 26-36.
103. Казусь, И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. / И.А. Казусь. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 464 с.
104. Капустина, О. В. Советский анекдот как исторический источник для изучения образа интеллигента// *Интеллигенция и мир*. – №4.– Иваново, 2012. – С. 9-21.

105. Карелин, Е. Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). – М.: РОССПЭН, 2014.– 422 с.
106. Каталог архитекторов Иркутской организации Союза архитекторов России. 1935-1996 / Сост. и ред. А.А. Ляпин, В.В. Исаков. – Иркутск: АО «Полиграфист», 1996. – 88 с.
107. Квакин, А. В. Русская интеллигенция и советская повседневность пореволюционной России (1917—1927 гг.) // Интеллигенция и мир. – №3. – Иваново, 2008. – С. 45-69.
108. Квакин, А. В. Русская интеллигенция и советская повседневность пореволюционной России (1917—1927 гг.) // Интеллигенция и мир. – №4. – Иваново, 2008. – С. 7-19.
109. Кириков, Б.М. Александр Дмитриев. / Б.М. Кириков – СПб.: Белое и Черное, 2004. – 447 с.: ил.– (Архитекторы Санкт-Петербурга)
110. Кириченко, Е.И. Запечатленная история России. / Е.И. Кириченко. В 2 т. – М.: Жираф, 2001 – (Три века русского искусства)
111. Клинов, А. Минск: Путеводитель по Городу Солнца. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 128 с.
112. Кодин, Е. В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. – М.:РОССПЭН, 2011. – 270 с.
113. Колесников, А.Д. Памятники и памятные места Омска и области. / А.Д. Колесников. – 2-е изд. – Омск: Омское книжное издательство, 1997. – 269 с.: ил.
114. Колпакова, М., Туманик Г. Новосибирск: город в 2000 году. / М. Колпакова, Г. Туманик – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989 – 111 с., ил.
115. Коньшева Е.В., Меерович М.Г. Эрнест Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). / Е.В. Коньшева, М.Г. Меерович. – М.: Ленанд, 2012. – 224 с.

116. Коньшева, Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск, 2005. — 241 с.

117. Корзун, В.П. Несколько лекций по методике историографического анализа: современные исследовательские практики: учебное пособие. / В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, Н.А. Коновалова, Ю.П. Денисов Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. — 144 с.

118. Косенкова, И.Л. Портрет А.Д. Крячкова кисти Н.Ф. Смолина в собрании Новосибирского государственного художественного музея // Баландинские чтения: избранное 2006-2010. — Новосибирск: НГАХА, 2011. — С.65-67.

119. Косенкова, Ю.Л. Районная планировка в СССР. Опыт 1920-1930-х годов // Архитектурное наследство. — Вып. 55. — М., 2011 — С. 353-372.

120. Косенкова, Ю.Л. Советский город 1940-х первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства / Ю.Л. Косенкова. — 2-е изд. — М.: URSS: Книжный дом «Либроком», 2009. — 440 с., цв. вкл.

121. Крадин, Н. П. Архитекторы Хабаровска. 1938-1998. / Н. П. Крадин. — Хабаровск: Магеллан, 1998. — 140 с.

122. Крадин, Н. П. Архитектура и архитекторы Хабаровска: Портрет города в дереве и камне (1858-1938). / Н. П. Крадин. — Хабаровск: Кн. изд-во, 2003. — 160 с.

123. Крадин, Н. П. Зодчие Хабаровска (1858-2013). / Н. П. Крадин. — Хабаровск : КГУП «Хабаровская краевая типография», 2012. — 448 с.

124. Красильников, С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг./ С. А. Красильников, М. С. Саламатова, С. Н. Ушакова — М: РОССПЭН., 2010. — 327с.

125. Кружков, Н.Н. Высотные здания сталинской Москвы: Факты из истории проектирования и строительства. / Н.Н. Кружков. — М.: Водолей, 2011. — 272 с.

126. Крыштановская, О.В. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. / О.В. Крыштановская. – М.: Наука, 1989. – 134 с.
127. Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: Итоги и перспективы изучения: Тез. докл. науч. конф., посвящен. 85-летию со дня рождения проф. Л.М. Зак и 70-летию со дня рождения проф. В.Г. Чуфарова, 30-31 мая 2003 г. – Екатеринбург, 2003. – 200 с.
128. Культура региона: история и современность. Программа и методические рекомендации / Сост. В.Г. Рыженко. – Омск, 2000 – 212 с.
129. Куманев, В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции (Очерки). / В.А. Куманев – М.: Наука, 1991. – 295 с., [8] л. ил.
130. Курбатов, В.В. Советская архитектура. / В.В. Курбатов. – 2-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1988. – 208 с.: ил.
131. Кухер, К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928-1941. / К. Кухер. – М.: РОССПЭН, 2012. – 350 с. – (История сталинизма).
132. Ладовский, Н. Основы построения теории архитектуры: Из истории советской архитектуры 1926-1932 гг. / Н. Ладовский. – М.: Стройиздат, 1970. – 300 с.: ил.
133. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, 1992. – 376 с.
134. Ле Гофф, Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII—XIII вв.) / Ж. Ле Гофф // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. – С. 25-44.
135. Лейбович О. Л. Возвращение советского города / О.Л. Лейбович // Вестник пермского университета. – 2010. – Вып. 2 (14). – С. 125-127.
136. Лейбович, О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40-50-х гг. / О.Л. Лейбович. М.: РОССПЭН, 2008. – 295 с.

137. Линчевская, Н.Г. Из истории омского градостроительства 1950-х годов / Н.Г. Линчевская // Декабрьские диалоги: Мат. Всеросс. науч. конф. памяти Ф.М. Мелехина. – Вып.6. – 2004. – С. 167-172.
138. Лисовский, В.Г. Иван Фомин и метаморфозы русской неоклассики / В.Г. Лисовский – СПб.: Коло, 2008. – 488 с.: ил.
139. Лисовский, В.Г. Николай Васильев. От модерна к модернизму / В.Г. Лисовский, Р.М. Гапо – М.: Коло, 2011. – 464 с.: ил.
140. Маловичко С.И. Городская история в ситуации «пространственного поворота» в гуманитаристике / С.И. Маловичко // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан: мат. VII Всерос. науч. конф. с международным участием (Омск, 20-22 октября 2009г.). – Омск, 2009. – С.12-15.
141. Мансуров, В. А. Интеллигенция в структуре власти – миф или реальность? / В. А. Мансуров, К. Г. Барбакова // Интеллигенция и мир. – 2008. – №1.– С. 7-31.
142. Маранин И. Мифосибирск. Мифы, тайны, байки и реальные истории о Новосибирске. / И. Маранин Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2011. –228 с.: ил.
143. Мастера архитектуры об архитектуре / Ред. И.Я. Цагарелли. – М.: Искусство, 1972. – 590 с. , 40 с. ил.
144. Мастера архитектуры об архитектуре / Сост. и ред. А.В. Иконникова. – М.: Искусство, 1971. – 684 с.
145. Мастера советской архитектуры об архитектуре: в 2 т. / общ. ред. И.Л. Маца. – М.: Искусство, 1975. – 2 т.
146. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008г. / Ред. Й. Баберовски и др. . – М. : РОССПЭН, 2011 . – 790 с. – (История сталинизма)

147. Меерович М.Г., Хмельницкий Д.С. Иностранцы архитекторы в России / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // Проектирование и строительство в Сибири. – 2004. – № 6 (24). – С. 55-58.

148. Меерович, М.Г. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР 1917- 1941 гг. / М.Г. Меерович. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2002. – 211 с.

149. Меерович, М.Г. Биография профессии. Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании. 1917-1941 гг. / М.Г. Меерович. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 217 с.

150. Меерович, М.Г. Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917-1941 гг. / М.Г. Меерович. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005. – 138 с.

151. Меерович, М.Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937г.). – М.: РОССПЭН, 2008. – 303 с. – (История сталинизм).

152. Меерович, М.Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937г.). / М.Г. Меерович – М.: РОССПЭН, 2008. – 303 с.

153. Меерович, М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924-1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). / М.Г. Меерович – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – 272 с.

154. Меерович, М.Г. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. (раздел коллективной монографии) / М.Г. Меерович // Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность. – М., 2007. – 432 с.

155. Меерович, М.Г. Социалистическое расселение: теория и практика (раздел коллективной монографии) // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI

веков / под ред. Е.В. Коньшевой, С.А. Баканова, Л.В. Никитина. Челябинск, 2008. 409 с.; ил. С. 82-109.

156. Меерович, М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928-1932 гг.). / М.Г. Меерович, Е.В. Коньшева, Д.С. Хмельницкий – М.: РОССПЭН, 2011. – 270 с.: ил.

157. Меерович, М.Г., Хмельницкий Д.С. Иностранные архитекторы в России (исторические зарисовки о роли зарубежных архитекторов в советской архитектуре) / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // Вестник Иркутского Государственного технического университета. – 2005. – № 3 (23)–Т.2. С. 54-61.

158. Милютин Н.А. Соцгород / Н.А. Милютин. – М.:Л.: Гос. изд-во, 1930. – 84 с.

159. Минкус М., И.А. Фомин. / М. Минкус, Н. Пекарева – М.: ГИЛСА, 1953. – 314 с.

160. Михайлов, Б.П. Архитектура гражданских и промышленных зданий. / Б.П. Михайлов – В 2 т. – Т.1. – М., 1967. – 258 с.

161. Михайлов, Б.П. Архитектура гражданских и промышленных зданий: В 2 т. / Б.П. Михайлов. – М.: Высшая школа, 1967. – 2 т.

162. Михайловский, И.Б. Теория классических архитектурных форм / И.Б. Михайловский, пред. Ю.Р. Савельев – 4-е изд. – М.: КомКнига, 2010. – 296 с.

163. Монфред, Ю. Дом переехал / Ю. Монфред. – Смоленск: Смолин, 1998. – 240 с.

164. Мыскова, О.В. Тентовые конструкции в архитектуре советского авангарда 1920-х годов / О.В. Мыскова, И.А. Казусь // Технологии строительства. – 2003. – №1 (23). – С.134-137.

165. Мысливцева, Г.Ю. Архитектурное отделение Омского художественно-промышленного техникума им. М.А. Врубеля / Г.Ю.

Мысливцева // Музей и художественная культура Урала. Сборник докладов на научно-практической конференции. Челябинск, 1991. – С.87-95.

166. Мысливцева, Г.Ю. Дом-общежитие на улице Красный путь / Г.Ю. Мысливцева / Г.Ю. Мысливцева // Памятники истории и культуры города Омска. – Омск, 1992. – С. 114-120.

167. Мысливцева, Г.Ю. Жилой комбинат на улице Кузнечной. / Г.Ю. Мысливцева / Г.Ю. Мысливцева // Памятники истории и культуры города Омска. – Омск, 1992. – С.108-113.

168. Мысливцева, Г.Ю. Идея города-сада в Омске 1920-х годов / Г.Ю. Мысливцева / Г.Ю. Мысливцева // Омская муза – 2000. Монологи о культуре. – Омск, 2000. – С. 144 – 149.

169. Мысливцева, Г.Ю. Монументально-декоративное искусство в Омске: судьба произведений (1960-1970-е годы) / Г.Ю. Мысливцева // Городская культура Сибири: динамика культурно-исторических процессов: сб. науч. тр. – Омск, 2001. – С. 63-66.

170. Мысливцева, Г.Ю. Омские конструктивисты (из истории архитектуры Омска 1920-х годов) / Г.Ю. Мысливцева // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева. Секция: опыт, традиции, проблемы развития.– Омск, 1992. – С.67-69.

171. Мысливцева, Г.Ю. Отражение социокультурных воззрений раннего социализма в практике архитекторов – преподавателей Сибирского художественно-промышленного техникума имени М.А. Врубеля / Г.Ю. Мысливцева // XX век: Художник. Творчество. Эпоха. Диалог культур./ ООМИИ им. М.А. Врубеля. – Омск: Наука, 2006. – Вып. 3-4 – С.100-112.

172. Мысливцева, Г.Ю. Принцип единого искусства в художественно-промышленном техникуме им. М.А. Врубеля / Г.Ю. Мысливцева // Русский вопрос: история и современность: тезисы докл. Всеросс. Науч. конф. Ч.1. – Омск, 1992. – С. 64-66.

173. Мысливцева, Г.Ю. Художник и город. К проблеме социального заказа (Монументально-декоративное искусство в Омске. 1960-1970-е гг.) //

Культурологические исследования в Сибири: сб. науч. тр. / Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирский филиал Российского института культурологи МК РФ. – Вып. 2. – Омск, 1999. – С. 108-115.

174. Невзгодин, И. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска / И. Невзгодин. – Новосибирск: НГАХА, 2013. – 320 с.: ил.

175. Невзгодин, И. Новаторский творческий коллектив: Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев и Н.В. Никитин / И. Невзгодин // Архитектура конструктивизма в Новосибирске. – Новосибирск, 2013. – С. 280-293.

176. Невзгодин, И.В. Архитектура Новосибирска. Архитектура Новосибирска: Первые крупные каменные здания, революционный романтизм, рационализм, функционализм, конструктивизм, архитектура переходного периода, хрущевский модернизм и интернациональный стиль эпохи застоя. / И. Невзгодин – Новосибирск, 2005. – 204 с.: ил.;

177. Невостребованная архитектура. Из проектов омских архитекторов разных лет / Сост. и авт. вст. ст. А.Н. Гуменюк. Омск: б/и, 1995. 31с.: ил.

178. Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. и мат. / – М.: Ника, 2005. – 200 с.

179. Новиков, Ф. Формула архитектуры: Эссе / Ф. Новиков. – М.: Дет. изд., 1984. – 144 с.: ил.

180. Овчинникова, Н. П. Вопросы исследования отечественного архитектуроведения / Н.П. Овчинникова. – СПб: Изд-во Санкт-петербургского государственного архитектурно-строительного университета, 2000. – 165 с.

181. Оглы, Б. И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социально-культурные аспекты. / Б.И. Оглы – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – 168 с.: ил.

182. Оглы, Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему. / Б.И. Оглы – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. – 120 с., ил.

183. Оглы, Б.И. Строительство городов Сибири. / Б.И. Оглы – Л.: Ленинградское отделение Стройиздат, 1980. – 272 с., ил.

184. Оглы, Б.И. Формирование центров городов Сибири на современном этапе урбанизации / Б.И. Оглы // Проблемы формирования архитектуры Сибири: Сб. науч. тр. – Иркутск, 1988.– С.6-24.

185. Олейник, О.Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы (Теоретико-методологические и историографические аспекты). / О.Ю. Олейник. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1997. 167 с.

186. Орлов, И. Б., Юрчикова Е. В. Массовый туризм в сталинской повседневности. / И. Б. Орлов, Е.В. Юрчикова. – М: РОССПЭН 2010. – 224 с. – (История сталинизма)

187. Орлов, И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. / И.Б. Орлов– М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010. – 328 с.

188. Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. / Е.А. Осокина. – М.: РОССПЭН, 1999 – 317 с. – (История сталинизма).

189. Палашенков, А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области / А.Ф. Палашенков. – Омск: Омское книжное издательство, 1967. – 148 с., ил.

190. Палашенков, А.Ф. Памятные места Омска / А.Ф. Палашенков. – Омск: Омское книжное издательство, 1956. – 148 с.: ил.

191. Паперный, В. Культура Два / Владимир Паперный. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 384 с., ил.

192. Паперный, В. Культура Два. Двадцать пять лет спустя / Владимир Паперный . –М.: НЛО, 2007. – 408 с., ил.

193. Папков, С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. / С.А. Папков. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

194. Петрова, А.С. Визуальное пространство советского города 1920-1930-х годов: Историографические аспекты / А.С. Петрова // Вестник

гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. – 2012. – №5. – С.47-51.

195. Пивкин, В.М., Евстешина, Д.С. Архитектор Т.Я. Бардт: известный и неизвестный / В.М. Пивкин, Д.С. Евстешина – Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2005. – 140 с.

196. Пивкин, В.М., Евстешина, Д.С. Архитектор Т.Я. Бардт: известный и неизвестный / В.М. Пивкин, Д.С. Евстешина – Новосибирск: Сибпринт, 2007. – 196 с.

197. Пивкин, В.М. Новосибирские академисты. Очерки об архитекторах Т.Я. Бардте, В.М. Тейтеле и К.Е. Осипове. / В.М. Пивкин. – Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2001. – 95 с.

198. Поповский, И.В. Проблемы ментальности горожан в отношении к историко-культурному наследию // Баландинские чтения: сб. ст. VII научных чтений памяти С.Н. Баландина, Новосибирск, 18-20 апреля 2012 г. – Новосибирск, 2013. – С. 55-66.

199. Пространственность развития и метафизика Саратова: Сб. науч. статей. – Саратов, 2001. –144 с.

200. Пунин, Н.И. Обзор новых течений в искусстве / Н.И. Пунин // Русское искусство. – 1939 – №1. – С. 18.

201. Рыженко, В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: Вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. / В.Г. Рыженко. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та; Омск: изд-во Ом. гос. ун-та, 2003. – 370 с.

202. Рыженко, В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект) / В.Г. Рыженко. – Омск: изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – 340 с.

203. Рыженко, В.Г. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материале Западной

Сибири) / В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимова, Д.А. Алисов – Омск, 2004. – 292 с., 32 ил.

204. Рыженко, В.Г., Назимова, В.Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX века (к проблеме преемственности в науке) / В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимова // Городская культура Сибири: традиции и новации: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2002. – С.66-85.

205. Рыженко, В.Г., Назимова, В.Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX века (к проблеме преемственности в науке) / В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимова // Городская культура Сибири: традиции и новации: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2002. – С.66-85.

206. Рябушин, А.В. Гуманизм советской архитектуры. / А.В. Рябушин– М.: Стройиздат, 1986. – 376 с., ил.

207. Рябушин, А.В., Шишкова И.В. Советская архитектура. / А.В. Рябушин, И.В. Шишкова – М.: Стройиздат, 1984. – 216 с., ил.

208. Сизов, С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946-1964 гг. (На материалах Западной Сибири): Монография. – В 2ч. – Омск: Изд-во СибАДИ, 2001.

209. Слабуха, А.В. Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX-начало XXI века: Иллюстрированный библиографический словарь. М.: Прогресс – Традиция, 2004. – 432 с., ил.

210. Славина, Т.А. Архитектура как феномен культуры / Т.А. Славина // Искусство в системе культуры. – Л., 1987. – С. 142-147.

211. Смирнов, Д. А. Интеллигенция Советской России конца 20-х — начала 30-х годов XX века глазами немецкого интеллектуала/ Д.А. Смирнова // Интеллигенция и мир. – Иваново, 2011.– №1. – С.82-96.

212. Смолицкая, Т.А. К истории отечественного градостроительства 30-60-х годов XX века. Л.М. Букалова и А.С. Смолицкий (100 лет со дня рождения). / Т.А. Смолицкая – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.

213. Смолицкая, Т.А., Городской культурный ландшафт. Традиции и современные тенденции развития. / Т.А. Смолицкая, Т.О. Король, Е.И. Голубева. – М.: Книжный дом «Либроком», 2014. – 276 с., цв. вкл.

214. Советская архитектура за 50 лет / гл. ред. М.В. Посохин. – М.: изд-во лит-ры по строительству, 1967. – 504 с.

215. Советское градостроительство 1920-1930-х годов: Новые исследования и материалы. / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 384 с.

216. Соколова, Г.Н. Культура труда в социальном развитии технической интеллигенции. Социополитический анализ. / Г.Н. Соколова. – Минск: Б.м., 1989. – 174 с.

217. Соколова, Ф. Х. Судьбы «старых» специалистов в 1930-х годах (На материалах европейского Севера России) // Интеллигенция и мир. – 2008. – №1. С. 91-105.

218. Солярис, Д.В. Архитектор «города-сада» / Д.В. Солярис // Архитектура и строительство Омской области. – №5. – 2003. – С. 17.

219. Соскин, В.Л. Российская советская культура (1917-1927 гг.): Очерки социальной истории. / В.Л. Соскин. – Новосибирск, 2004. – 455 с.

220. Социалистический канон: Сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Доренко. – СПб.: Академический проспект, 2000 – 1040 с.: ил.

221. Социокультурный анализ и развитие территорий России: проблемы и решения : монография / под общ. ред. О.Г. Севан. — М.: ФОРУМ, 2012. – 464 с.

222. Спирина, И.В. Из истории идеи «Омск – город-сад» (по материалам ГАОО) / И.В. Спирина // Сибирский сад – территория мечты: Сб. материалов научно-художественного проекта Омск – Новокузнецк 2002 год. Омск, май 2002 г. – Омск:, 2004. – С. 91-94.

223. Спирина, И.В. История строительства здания торгового корпуса / И.В. Спирина // Памятники истории и культуры Омской области. Омск: РИО, 1996.- С.119-125.

224. Спирина, И.В. К истории Дома Советов в Омске. Архивные источники / И.В. Спирина // Сборник научных трудов Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. – Омск, 1999. – С. 71-74.

225. Степанов, Г. К новому стилю / Г. Степанов, А. Иконников. – Л.: Искусство, 1960. – 403с.: ил.

226. Трубина, Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. / Е.Г. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.

227. Трутнев, Л.Е. Семьдесят лет созидания. 70-летию Омскгражданпроекта / Л.Е. Трутнев. – Омск: Изд. Омскбланкиздат, 2005 – 163 с.: ил.

228. Турчин, В.С. Монументы и города. Взаимосвязь художественных форм монументов и городской среды. / В.С. Турчин – М., 1982. – 160с.

229. Удалов, Р. Мой Омск / Рорберт Удалов. – Омск: Амфора, 2008. – 345 с., 3 л. ил.

230. Усепян, Л.Х. Сибирский архитектор Анатолий Афанасьевич Воловик (1929-1999) // Баландинские чтения: сб. статей VIII научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: НГАХА, 2014. – С. 300 – 306.

231. Устюгова, Е.Н. Стиль и культура. Опыт построения общей теории стиля / Е.Н. Устюгова. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – 260 с.

232. Февр, Л. Бои за историю. – М: Наука, 1990. – 627 с.

233. Федоров, В.В. Мифосимволизм архитектуры / В.В. Федоров, И.М. Коваль. – 2-е изд. – М.:URSS, 2009. – 208 с.

234. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН, 2008. – 335 с. – (История сталинизма).

235. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Ш. Фицпатрик – М.: РОССПЭН, 2008. – 422 с. – (История сталинизма)

236. Хазанова, В. К истории проектирования Дворца Советов СССР в Москве / В. Хазанова // Советское изобразительное искусство и архитектура 60-70-х годов. – М.: Изд-во Наука, 1979. – С.166-213.
237. Хазанова, В.Э. Клубная жизнь и архитектура клуба: 1917-1941. / В.Э. Хазанова – М.: Изд-во Наука, 2000. 159 с.: ил.
238. Хазанова, В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917-1925 гг. / В.Э. Хазанова. – М.: Наука, 1970 – 373 с.
239. Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда / С. О. Хан-Магомедов. – В 2 т. – М: Стройиздат, 2001. – 436 с.
240. Хан-Магомедов, С.О. Иван Жолтовский. / С.О. Хан-Магомедов. – М.: С.Э. Гордеев, 2010. – 352 с., ил.
241. Хан-Магомедов, С.О. Иван Фомин. / С.О. Хан-Магомедов. – М.: С.Э. Гордеев, 2011. – 336 с.: ил.
242. Хан-Магомедов, С.О. К истории выбора места Дворца Советов / С.О. Хан-Магомедов // Архитектура и строительство – №1 – 1988 – С.21-23.
243. Хан-Магомедов, С.О. Сталинский ампи́р. Проблемы, течения, мастера / С.О. Хан-Магомедов // Academia. Архитектура и строительство. – 2008, №1.– С. 25-35.
244. Хан-Магомедов, С.О. Стиль и художественные проблемы архитектуры // Вопросы теории архитектуры. – №6. М., 1960. – С.44-56.
245. Хаханова, Л.П. Роль архитектурного наследия в образе российских городов / Л.П. Хаханова // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан: материалы VII Всерос. науч. конф. с международным участием. – Омск, 2009. – С.161-164.
246. Хлевнюк, О. Большой террор 1937-1938 гг. как проблема научной историографии / О. Хлевнюк // Историческая наука и образование на рубеже веков. — Собрание Москва, 2004. — С. 433–451.

247. Хлевнюк, О. Государственный террор в СССР в 30-е гг. XX в. / О. Хлевнюк // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2003. – № 2. С. 8–18.

248. Хлевнюк, О. Диктатор. Сталин в системе сталинской власти / О. Хлевнюк // Россия в XX веке. М.: Полиграфсервис, 2003. – С. 176-191

249. Хлевнюк, О. История Тайной истории / О. Хлевнюк // Свободная мысль. – 1996. – № 3. – С.41-58.

250. Хлевнюк, О. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры / О. Хлевнюк // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. РОССПЭН – М., 2011. С. 62-74.

251. Хмельницкий, Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль / Дмитрий Хмельницкий. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 376 с., 184 с., ил.

252. Хмельницкий, Д. Зодчий Сталин. / Дмитрий Хмельницкий. – М.: НЛО, 2007. – 370 с., 18 с. ил. – (Очерки визуальности)

253. Хмельницкий, Д., Милютина Е. Архитектор Николай Милютин. / Д. Хмельницкий, Е. Милютина – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 504 с.: ил.

254. Черноок, С.В. Омский архитектор Е.А. Степанов (1910-1985). Штрихи к творческой биографии. / С.В. Черноок // Декабрьские диалоги: Материалы Всероссийской научной конференции памяти Ф.М. Мелёхина. – Вып. 9. – Омск, 2006. – С.22-26.

255. Черноок, С.В. Архитектор Г.А. Капустин. Штрихи к творческой биографии / С.В. Черноок //Декабрьские диалоги : Мат. науч. конф. Памяти Ф.В. Мелехина. – Вып. 16. – Омск, 2013. – С.46-49.

256. Черноок, С.В. Архитектурная графика Омска 1930-1960 годов в собрании ООМИИ им. М.А. Врубеля. Анализ коллекции //Декабрьские диалоги: Мат. науч. конф. памяти Ф.В. Мелехина. – Вып. 3. – Омск, 2000. – С.43-48.

257. Черноок, С.В. Архитектурная графика Худпрома второй половины 1920-х годов как отражение нового метода преподавания основ архитектуры // XX век. Художник. Творчество. Эпоха. Диалог культур. Материалы международного научного семестра-секции V Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию Сибирского филиала Российского института культурологи МК РФ (Омск, 23-26 июня 2003 года). – Омск: Изд-во ОмПГУ; Наука, 2003 – С. 97-107.

258. Черноок, С.В. Дом на магистрали 1950-х / С.В. Черноок // Элитная недвижимость в Омске. – (приложение).

259. Черноок, С.В. Новая школа Красной Сибири // Баландинские чтения: избранное. 2006-2010 гг. Новосибирск: НГАХА, 2011. – С.96-103.

260. Черноок, С.В. Проект Зеленого театра в Омске (1938 год, архитектор В.А. Касаткин) / С.В. Черноок // Сибирский сад – территория мечты: Сборник материалов научно-художественного проекта Омск – Новокузнецк 2002 год. Омск, май 2002 г. – Омск, 2004. – С. 94-97.

261. Черноок, С.В. Сибирский архитектор В.А. Касаткин (1908-1992). Штрихи к биографии и творческой деятельности //Декабрьские диалоги: Мат. науч. конф. памяти Ф.В. Мелехина. – Вып. 7.– Омск, 2000. – С.56-59.

262. Шаттенберг, С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. / С. Шаттенберг – М.: РОССПЭН, 2011. – 478 с. – (История сталинизма).

263. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003, 336 с.

264. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц //Социологические исследования. – 1988 – № 2. – С.120-136.

265. Эйгель, И.Ю. Борис Иофан / И.Ю. Эйгель. – М.: Стройиздат, 1978. – 192 с.: ил.

266. Эко, У. Функция и знак. Семиология архитектуры. / У. Эко // Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.

267. Энциклопедия Новосибирск. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. – 1072 с.

268. Энциклопедия Омской области. – В 2 т. – Омск: Ом. книжное изд-во, 2010.

269. Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. / Под ред. О.В. Казаковой. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013 – 494 с.: ил.

270. Юрасова, М.К. Омск. Очерки истории города / М.К. Юрасова – Омск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1972 – 312 с.

271. Curtis, W. I. R. Modern architecture since 1900. / W. I. R. Curtis. – New York: Press NYT, 2001. – 561 p.

272. Hendrick, T.W. The modern architecture model. / T.W. Hendrick - London: The Architectural Press, 1957 – 144 p.

273. Paperny, V. Architecture in the Age of Stalin. Culture two. / V. Paperny. –Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 400 p.

274. Paperny, V. Culture two / V. Paperny. – Ann Arbor: Ardis Publishing, 1985. – 302 p.

275. Soviet Palace // Time – 19 may 1934. – P. 4-5.

Диссертации и авторефераты:

1. Александрова, М.В. Социокультурный аспект советской градостроительной политики 1917-1932 гг.: на примере г. Ярославля: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Александрова Мария Вячеславовна. – Ярославль, 2009. – 230 с.

2. Антипина, В.А. Повседневная жизнь советских писателей в 1930-х – начале 1950-х гг.: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Антипина Валентина Алексеевна. – М., 2005. – 25 с.

3. Багрова, Н.В. Критика архитектуры советского авангарда как форма рефлексии отечественной художественной культуры XX века: автореф. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Багрова Наталья Викторовна. – Кемерово, 2006. – 20 с.
4. Борин, А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе (на материалах города Сталинска 1929-1941 гг.): автореф... канд. ист. наук: 07.00.02 / Борин Аркадий Георгиевич. – Томск, 2010. – 28 с.
5. Доценко, А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950-первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и Куйбышевской области): автореф... канд. ист. наук: 07.00.02 / Доценко Артем Михайлович. – Самара, 2007. – 25 с.
6. Духанов, С.С. Архитектура рабочих клубов и дворцов культуры города Новосибирск 1920-первой половины 1950-х гг.: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Духанов Сергей Сергеевич. – Новосибирск, 2006. – 280с.
7. Жидченко, А.В. Повседневная жизнь в новом городском районе: Проблемы формирования городской среды, 1950-1960-е гг. (локальный аспект): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Жидченко Александр Владимирович. – Барнаул, 2013. – 22 с.
8. Зиновьева, О.А. Облик Москвы как отражение культуры сталинской эпохи: дис. ...канд. культурологии: 24.00.01 / Зиновьева Ольга Андреевна. – М., 2006. – 246 с.
9. Иовлева, Е.В. Неоклассицизм в архитектуре Свердловска: 1930-1950 гг.: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Иовлева Елена Валентиновна. – Екатеринбург, 2004. – 153с.
10. Косенкова, Ю.Л. Советский город 1940-х - первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства: автореф. ... д-ра архитектуры: 18.00.01 / Косенкова Юлия Леонидовна. – М., 2000. – 23 с.
11. Костюрина, Н.Ю. Новый город как модель советской культуры: автореф...д-ра. культурологии: 24.00.01 / Костюрина, Надежда Юрьевна. – СПб., 2006. – 58с.

12. Лосева, Е.С. Культурно-символическая стратегия советского государства в архитектуре 1930-1950 годов: дис... канд. культурологии: 24.00.01 / Лосева Елена Сергеевна. – Саратов, 2012. – 184 с.
13. Меерович, М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917-1941): дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01 / Меерович Марк Григорьевич. – Иркутск, 2004. – 659 с.
14. Муртазина, Л.М. Профессиональная и общественная деятельность архитекторов казанской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Муртазина Лилия Мансуровна – Казань, 2000. – 23 с.
15. Назарова, М.П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен: автореф... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Назарова, Марина Петровна. – Волгоград, 2013. – 49 с.
16. Николаева, Ж.В. Архитектура в сознании тоталитарной эпохи: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Николаева Жанна Викторовна. – СПб., 2006. – 137 с.
17. Попова, Н.С. Стилиевые тенденции в архитектуре городов Западной Сибири: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Попова Наталья Сергеевна. – Барнаул, 2011. – 250 с.
18. Савченкова, В.М. Концепции города и урбанизации в западной социологии (теоретико-методологический анализ): автореф... канд. социол. наук: 22.00.01 / Савченкова Виктория Михайловна. – М., 2005. – 27 с.
19. Селиванова, А.Н. Творческие поиски в теории и практике советской архитектуры 1930-х годов: автореф. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Селиванова, Александра Николаевна. – М., 2009 – 24 с.
20. Чирков, В.Ф. Метафизика места: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Чирков Владимир Федорович. – Омск, 2002. – 15 с.
21. Шашкова, Т.В. История творческих союзов Иркутской области в 1930-первой половине 1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шашкова Татьяна Владимировна. – Иркутск, 2014. – 255 с.

22. Щеголева, А.В. Взаимодействие культур в пространстве города: автореф. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Щеголева Анастасия Владимировна. – Саранск, 2011. – 28 с.

23. Янковская, Г.А. Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Янковская Галина Александровна. – Пермь, 2007. – 350с.

24. Янушкина, Ю.В. Особенности архитектурного формообразования в Сталинграде в историко-культурном контексте 1930-1950-х гг.: автореф. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Янушкина, Юлия Владимировна. – Волгоград, 2009. – 19 с.